

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

**Lifelong Benefactor and
First Director of This Library**

ВѢСТНИКЪ

Археологическаго и Историческаго Института

Издаваемый
Археологическимъ
Институтомъ

по повелѣнію
Императорскаго
Высшаго
Археологическаго
Комитета

1885

Главноредакт. Рашковъ

СПЕТЕРБУРГЪ.

Составилъ Арх. Ронетъ

ВѢСТНИКЪ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ПРЕДВЕРИЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА **М. В. ГЛУМОВА.**

1885 г.

ВЫПУСКЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1885.

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *Н. Калачовъ*.

СОДЕРЖАНИЕ 3-ГО ВЫПУСКА.

	стръ
1. О финансовых затрудненіяхъ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія. Статья Профессора И. Е. Андреевскаго.....	1— 16
2. Историческое и археологическое описаніе первокласнаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ (Владимірской губ.). Статья 3-я. (Окончаніе). Почетнаго члена Института А. Л.	17— 43
3. Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Тверской ученой архивной Коммисіи въ 1884 году. Слѣшателя Института П. А. Шафранова.....	44— 53
4. Возобновленіе зданій древняго Кремля въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, и учрежденіе музея мѣстныхъ древностей. Статья почетнаго члена Института. Н. Н. Селифонтова.....	54— 62
5. Татарскій шлемъ, найденный на Куликовомъ полѣ, принесенный въ даръ Музею Института И. А. Ивнскимъ. Статья дѣйствительнаго члена А. Н. Маркова.....	63— 66
6. Царскія врата церкви села Монастырщины близъ Куликова поля. Записка почетнаго члена Н. В. Султанова.....	67— 68
7. Литовскія язычскія божества. Статья П. Л. Кречинскаго, доставленная почетнымъ членомъ В. А. Ляднымъ.....	69— 80
8. О монетахъ, поступившихъ въ Музей Института отъ почетнаго члена Э. О. Розенбаума. Статья дѣйствительнаго члена А. Н. Маркова.....	81— 84

БИБЛЮГРАФІЯ:

9. Матеріалы для исторіи, археологін и статистики города Москвы, собранные и изданные руководствомъ и трудами Н. Е. Забѣлина, ч. 1-я. Отзывъ Н. В. Калачова.....	85—101
10. Н. Н. Срезневскій. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. — Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 1865—1880 г. Отзывъ профессора И. В. Ягича.....	101—106

Къ этому выпуску приложены: 1) въ альбомѣ къ вып. 1—4 портретъ царевны-инокини Марфы-Мargarиты Алексѣевны; 2) двѣ неизданныя доселѣ царевнскія монеты царя Орода I (см. вып. 3-й, стр. 83).

О финансовых затрудненіяхъ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія.

Финансовыя затрудненія государствъ часты и разнообразны. И новыя, такъ называемыя культурныя государства въ финансовыхъ дѣлахъ затрудняются весьма нерѣдко. Безпрестайныя нападенія на финансовую администрацію и въ новѣйшее время весьма часто вызываются справедливыми мотивами и обставляются неумолимыми данными. Но финансовая администрація новѣйшаго времени владѣетъ такимъ аппаратомъ, который даетъ ей возможность и отбивать нападенія и выходить изъ затрудненій. Этотъ аппаратъ заключаетъ въ себѣ государственную сѣтку, государственный кредитъ и государственное счетоводство. Последнее, будучи продуктомъ постепенно создавашагося искусства, освѣщаетъ и оберегаетъ двѣ первыя части этого аппарата, и заключаетъ въ себѣ дѣйствительно мощныя средства въ точности знать всѣ финансовыя операціи и вести постоянный контроль и наблюденіе. Чѣмъ лучше дѣйствуетъ этотъ аппаратъ въ государствѣ, тѣмъ удобнѣе можетъ получиться правильная централизація въ финансовыхъ и счетныхъ дѣлахъ, и тѣмъ блестящее могутъ порождаться смѣлыя финансовыя операціи.

Это дѣло, какъ чисто техническое, требуетъ знаній. Отсутствие знаній въ этой области проявляется рѣзче, чѣмъ въ какой либо другой области. При отсутствіи правильнаго счетоводства, финансовая администрація можетъ собирать съ народа весьма много, а получать въ свое казначейство мало, а это влечетъ за собою причины, порождающія обѣдненіе народа.

Въ началѣ XVIII ст. только начали создаваться практическимъ путемъ элементы, изъ которыхъ постепенно возникъ этотъ могучій финансо-

вый аппарат современнаго культурнаго государства. И самые эти элементы, уже возможные для наблюденія въ началѣ XVIII столѣтія, слагались постепенно и притомъ въ различныхъ государствахъ различно, но удачно создававшееся въ одномъ дѣлалось скоро предметомъ изученія въ другихъ и вызывало подражанія. Быстро развивавшіяся государственныя потребности требовали и финансовыхъ предпріятій.

Геніальный преобразователь Россіи, Великій Петръ, задумавшій не только забрать въ Россію государственную мудрость западно-европейскихъ государствъ, но и рискнувшій помѣриться силами съ Европейскими войсками, принужденъ былъ выступать на широкія финансовыя предпріятія, вовсе не владѣя элементами создававагося въ западныхъ государствахъ финансоваго аппарата, а имѣя въ своихъ рукахъ старый аппаратъ Московскаго царства. Делѣя горячія мечты создать и у себя все по Европейскому, и въ частности по Шведскому образцу, и надѣясь пустить въ ходъ новый механизмъ въ 1720 году (что, какъ извѣстно, не удалось), онъ до тѣхъ поръ, по необходимости, долженъ былъ не брезгать старыми Московскими средствами. Другихъ средствъ въ его рукахъ не было, эти средства ему не нравились, онъ пытался поправлять ихъ отдѣльными заплатами, и потому этотъ довольно долгій періодъ того, какъ бился Петръ въ финансовыхъ предпріятіяхъ, и какъ отъ этого бѣднѣлъ народъ, представляетъ много поучительнаго и въ научномъ отношеніи интереснаго. У насъ въ нѣкоторыхъ областяхъ литературы трубнымъ гласомъ возвѣщается положеніе о великихъ силахъ Русскаго народа, для котораго будто-бы была ни по чемъ въ разные періоды проявлявшаяся неразумная администрація, что вынесъ народъ всё эти неразумія на своихъ богатырскихъ плечахъ. Но при этихъ фразахъ, на которыя стремятся положить печать благонадежности и патріотизма, совсѣмъ упускается изъ виду анализъ, какъ отъ этихъ печальныхъ періодовъ періодически бѣднѣлъ народъ и какъ слабо двигалась его культура. Великій преобразователь и думалъ искать помощи въ западныхъ образцахъ, а до полученія ихъ тѣжко томился въ оковахъ московскихъ порядковъ. Издаваемые теперь акты первыхъ годовъ дѣятельности Правительствующаго Сената освѣщаютъ это томленіе великаго бойца за государственный складъ жизни Россіи. Остановимся только на одномъ вопросѣ, составляющемъ потребность самую элементарную въ государственномъ хо-

зайствѣ, — знать, сколько нужно произвести расходовъ и на какіе можно рассчитывать доходы, — то, что теперь составляетъ такой простой пріемъ ежегодной финансовой сѣтты, было величайшимъ финансовымъ затрудненіемъ для Петра въ началѣ XVIII столѣтія.

I.

Не имѣя дѣйствительной централизаціи финансоваго управленія въ Московскихъ Приказахъ финансовыхъ, вѣдавшихъ отдѣльныя порученія, и махнувъ рукою на Приказъ счетныхъ дѣлъ, переставшій и дѣйствовать, Петръ, еще до учрежденія Сената, думалъ прежде всего привести въ извѣстность свои собственныя распоряженія о приходахъ, которые вновь создавалъ и о расходахъ, которые широко приходилось указывать, пока безъ точнаго сопоставленія ихъ съ доходами, и для этого повелѣлъ созданной имъ *Ближней Канцеляріи* завести особую книгу, въ которую вносить все его указы, и эту книгу *держатъ за печатью* (1). Онъ думалъ, что этимъ образуется, по крайней мѣрѣ, центральное бюро, въ которомъ можно получить вѣрную справку о законныхъ основаніяхъ новыхъ приходовъ и расходовъ. Затѣмъ изъ всехъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыя поступаютъ доходы, онъ повелѣлъ присылать въ Ближнюю Канцелярію по третямъ года и по прошествіи года перечневныя вѣдомости о поступающихъ доходахъ и о сдѣланныхъ расходахъ (2). Это собственно старый пріемъ Московской, и у Московскаго правительства не находилось средствъ достигнуть дѣйствительнаго выполненія такого приказа и узнать, вѣрны ли эти вѣдомости. Петръ справедливо мотивируетъ важность этихъ вѣдомостей: „понеже тѣ вѣдомости надобны для вѣденія о приходѣ и о расходѣ и объ остаткахъ по вся годы (3)“.

По открытіи Сената, довольно скоро сознали необходимость перевѣрки этихъ вѣдомостей, открылся спросъ на ревизію счетовъ. Какимъ образомъ создать эту ревизію. По старымъ Московскимъ порядкамъ были въ ходу два слѣдующія средства: 1) въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ бывалъ приходъ и расходъ, ставился *особный дьякъ съ старымъ подѣ-*

(1) 4-е Полн. Собр. Зак. № 2022.

(2) Ibid. № 2270.

(3) Ibid. № 2319.

ячимъ, которыхъ по истеченіи года другіе дѣлки должны были считать, и неподучившаго счета ни къ какимъ другимъ дѣламъ не опредѣлять; 2) ежегодно въ Приказъ счетныхъ дѣлъ должны были вызываться изъ каждаго учрежденія эти дѣлки съ вѣдомостями и сосчитаться. Средства, несомнѣнно, обдуманна, но обдуманна дѣлками, и въ итогъ получалась вѣрность, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенная неизвѣстность итоговъ. Какъ началъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи вновь созданный Петромъ Сенатъ?

Съ первыхъ дней дѣятельности этого новаго учрежденія, исполненнаго энергическаго духа Петра, обнаружилось, что старинный Московскій аппаратъ работаетъ плохо. Опубликованный архивъ Сената представляетъ цѣлый рядъ любопытныхъ дѣлъ, обнаружившихъ несостоятельность старыхъ приемовъ, но чѣмъ замѣнить ихъ? Посмотримъ на нѣкоторые изъ этихъ дѣлъ.

Натурально, главною потребительницею большей части доходовъ была на новыхъ началахъ сформированная армія. Изъ Ближней Канцеляріи была сдѣлана роспись, сколько изъ какой губерніи высылать на какую часть арміи денегъ и провіанта натурою. Губерніи, сообразно съ этимъ, стали посылать въ Канцелярію вѣдомости по старому Московскому порядку, и по тому же порядку, вѣдомости, несогласныя съ дѣйствительностію. Какъ только открылся Правительствующій Сенатъ, Военскій Приказъ и доноситъ, что ему изъ губерній Казанской, Смоленской и Архангелогородской за 1710 и 1711 годъ не доставили тѣхъ денегъ, которыя показаны въ вѣдомостяхъ Ближней Канцеляріи — цѣлый громаднй счетъ⁽¹⁾, а изъ Смоленска въ Ригу провіантъ, для провоза котораго повелѣно было суда построить, не доставленъ, да и судовъ еще не строили. Сенатъ вотъ какимъ образомъ распорядился немедленно: въ каждую изъ этихъ неисправныхъ губерній послать нарочныхъ изъ царедворцевъ, *которымъ и братъ кормъ у тѣхъ губернаторовъ, чѣмъ бы мочно быть имъ сытымъ*. Именно, въ Смоленскую губ. послать Михаила Желябужскаго, въ Казанскую Ивана Веззеникова, въ Архангелогородскую Якова Сивявина. Они каждому изъ этихъ губернаторовъ должны сказать, чтобъ они въ отпускѣ той денежной казны не медлили, и быть имъ при тѣхъ губернаторахъ неотлучно,

(1) См. Доклад. и пригов. Прав. Сената, т. 1, № 34.

пока денегъ не отправить, а если тѣ послѣшать не будутъ и начнутъ чѣмъ либо отговариваться и время продолжать, то объявить имъ, что они губернаторы будутъ подвергнуты истязаніямъ, какъ о томъ Правительствующему Сенату его Царскаго Величества указъ повелѣваетъ. Посланные начали дѣйствовать энергично, какъ видно изъ обширнаго дѣла, производившагося въ Сенатѣ въ 1712 г. и помѣщеннаго во 2-мъ томѣ его „Докладовъ и Приговоровъ“. Но при энергіи посланныхъ оказалось чрезвычайно труднымъ свести счеты, сколько отъ какой губерніи не поставлено, и кто виновные. По заведенному тогда порядку каждый изъ губернаторовъ, собравъ съ крестьянскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 7186 года (1678) все количество положеннаго разнаго хлѣба и соотвѣтствующую денежную дачу для перевозки, долженъ былъ заключить договоръ съ подрядчикомъ о доставленіи этихъ грузовъ въ Смоленску, гдѣ губернаторъ долженъ былъ черезъ другихъ подрядчиковъ и постройку струговъ доставить весь хлѣбъ въ Ригу (на прокормъ 10 тысячъ войскъ). За неисполненіе этого съ губернаторовъ назначался штрафъ по 2 р. за каждую недоставленную четверть, съ строгимъ воспрещеніемъ выжимать этотъ штрафъ съ крестьянъ — „а крестьянскихъ дворовъ съ двороваго числа того провіанта не собирать подъ жестокимъ штрафомъ“. Когда сенатскіе комиссары стали давить на губернаторовъ, отъ нихъ стали поступать донесенія оправдательныя, представлявшія, во-первыхъ, совѣтъ другой счетъ отправленнаго сравнительно съ тѣмъ, что писали военнаго начальства, а, во-вторыхъ, слагавшія всю отвѣтственность на неисправныхъ подрядчиковъ. Сенатъ, на основаніи этихъ донесеній и получивъ отъ военнаго начальства увѣдомленіе, что вслѣдствіе несвоевременнаго доставленія хлѣба, оно купило въ Ригѣ хлѣба на 20 тысячъ рублей, каковыя по особымъ счетамъ Московской и Петербургской губерніи отпущены съ денежныхъ дворовъ, опредѣлилъ взыскать эти 20 тысячъ съ неисправныхъ подрядчиковъ. Тогда поступили отъ нихъ разясненія, доказывавшія, что и указанія губернаторовъ и военнаго начальства несправедливы, и что счетъ выходитъ совѣтъ другой. Между прочимъ доказывали: во-первыхъ, что выполнить въ точности подряда было нельзя за неврученіемъ губернаторами и вообще правительствомъ надлежащихъ пропускныхъ листовъ и за разбитіемъ многихъ струговъ, потонувшихъ съ хлѣбомъ; во-вторыхъ, что подрядчики сами купили въ Ригѣ не мало хлѣба

въ замѣнъ потонувшаго, и что цѣны другія, чѣмъ показываетъ военное начальство, и въ третьихъ, что счетъ хлѣба, доставленнаго въ Ригу, совсѣмъ иной, чѣмъ показываетъ военное начальство, такъ какъ оно его оптомъ не принимаетъ, а беретъ по мѣсяцамъ въ розницу. Правительствующій Сенатъ совершенно растерялся, въ виду столь разнорѣчивыхъ показаній, и 30-го іюля 1712 г. приговорилъ послать въ Ригу нарочнаго кого пригоже добраго по наказу по почтѣ наскоро, чтобы всѣ эти счета распутать и привести все въ ясность. И такимъ курьеромъ посланъ былъ *Василій Леоновъ*, который и доставилъ Сенату интереснѣйшія справки о порядкахъ интендантства и счетной части. Но послѣдствіемъ всѣхъ этихъ справокъ было то, что вновь платить пришлось все-таки крестьянамъ. Приговоръ Сената былъ выраженъ такъ: прежнее постановленіе о взыскаііи съ губернаторовъ Сибирскаго, Архангелогородскаго и Московскаго отмѣнить, такъ какъ оказалось, что подрядчики оныхъ губерній провіантъ поставили сполна, а Казанской не доставилъ въ указное число муки 114 четвертей 7 четвериковъ и крупъ 120 четвертей 6 четвериковъ, и за тотъ недоставленный провіантъ взять на Казанскомъ губернаторѣ на самомъ за муку по 2 рубля, а за крупу по 3 рубля за четверть безъ всякаго отлагательства, а съ крестьянъ за тотъ провіантъ денегъ и провіанту не собирать подъ жестокимъ штрафомъ. Что же касается платы за отправленный съ Смоленской губерній провіантъ за 5,021 четв. 6 четвериковъ, по 2 рубля за четверть, итого 10,043 рубля 16 алт. 4 деньги, также и деньги, на которыя купилъ полковникъ Вельяминовъ-Зерновъ въ Ригѣ провіантъ, 10 тысячъ рублей, всего 20,043 рубля 16 алт. 4 деньги, взять со всѣхъ губерній, росписавъ съ долей двороваго числа крестьянъ по переписнымъ книгамъ 1678 года⁽¹⁾. Правительствующій Сенатъ воздержался отъ какаго либо мотива вѣрности такого рѣшенія. И надобно отдать ему справедливость: онъ все дѣлалъ, чтобы разобрать эти счета, но старій финансовый Московскій аппаратъ оказался Московскимъ, и крестьянамъ пришлось платить второй разъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать справедливости Правительствующему Сенату, что онъ уже въ 1712 г. пытался отыскать средства къ

(1) Доклады и пригов. Сената, т. II, кн. 2, № 953.

тому, чтобы привести въ ясность и извѣстность все доходы и расходы по всемъ губерніямъ. Онъ схватился прежде всего за то, что придумала, по указанію Петра, Ближняя Канцелярія въ 1710 г.: она послала въ 1710 г. табель всемъ приходамъ и расходамъ, но общую, необработанную. Сенатъ въ 1712 г. съ тою цѣлю, чтобы имѣть возможность разобрать, какія изъ старыхъ статей расхода удержались, и какія прибавились вновь, а равно и какіе доходы, повелѣлъ изъ всехъ губерній за 1710 г. и 1711 г. доставить въ Канцелярію Сената въ Москву всеиъ старымъ и новымъ окладнымъ и неокладнымъ сборамъ приходныя и расходныя книги за руками самихъ сборщиковъ, и изъ нихъ подлинныя и перечневныя вѣдомости за руками ландрихтеровъ, и для общей ихъ ревизіи поставилъ при канцеляріи Сената оберъ-коммиссара князя Михаила Вадбольскаго, которому и далъ инструкцію. Изъ нея видно, что Сенатъ надѣялся, что этимъ путемъ можно будетъ составить общую для всего государства вѣдомость, т. е. смѣту доходовъ и расходовъ. Виѣстъ съ тѣмъ онъ справедливо разсуждалъ, что безъ точной провѣрки такихъ книгъ и вѣдомостей невозможно освидѣтельствовать подлинно, „сколько въ коемъ городѣ и уѣздѣ посланные изъ дворянъ и изъ приказныхъ и изъ служилыхъ людей при производствѣ поборовъ и дѣлъ и въ городѣхъ въ приказныхъ и въ земскихъ избахъ собою деньгами и инымъ чѣмъ на себя брали и грабили, отъ чего градскимъ и уѣзднымъ жителямъ воздѣ чинится многое раззореніе“⁽¹⁾. Эта желанная цѣль не могла быть достигнута работами оберъ-коммиссара по цѣлому множеству причинъ, и между прочимъ и потому, что новыя потребности въ Петербургѣ вызывали все именныя указы о высылкѣ изъ губерній на каждую потребность, что превышало финансовыя средства губерній и подрѣзывало централизацію расходовъ. Уже въ 1712 г. до Петра доходятъ извѣстія, что губернаторы, для удовлетворенія требованій Петербурга, увеличиваютъ сборы съ народа, и Петръ 27-го февраля пишетъ пунктъ: „Губернаторамъ не накладывать на народъ никакихъ податей безъ вѣдома Сената“, который распубликовываетъ Сенатъ въ своемъ указѣ, присоединяя такое указаніе: „а буде случитца нужда вновь что наложить или собрать и о томъ объ

(¹) Ibid. т. II, кн. I, № 134.

указъ имъ писать въ Канцелярію Правительствующаго Сената“⁽¹⁾. Предположивъ, что кромѣ губернаторовъ, не на кого возложить въ губерніи надзора и отвѣтственности за все счетоводство, Сенатъ далъ имъ образецъ вѣдомостей, по которымъ они обязаны были доставлять свѣдѣнія, и съ такою притомъ поспѣшностію, что въ 1712 г. опредѣлили послать курьеровъ къ каждому изъ губернаторовъ, требуя такой вѣдомости за 1710 и 1711 г. съ точнымъ показаніемъ остатковъ, „и прислать тѣ вѣдѣнія не отговариваясь ничѣмъ, для того, что къ нимъ, губернаторамъ, о присылкѣ такихъ вѣдомостей, по третямъ, посланы многіе указы“; взявъ такія вѣдомости отъ губернаторовъ, курьеры должны ѣхать къ Москвѣ *безъ мотчанія*; „а буде они, губернаторы, такой вѣдомости съ тѣми посланными въ недѣлю не отправятъ, и тѣмъ посланнымъ ѣхать къ Москвѣ, и не взявъ тѣхъ вѣдомостей, и за то на нихъ, губернаторахъ, взято будетъ штрафа по 2,000 рублей на человѣка и для правезу тѣхъ штрафныхъ денегъ присланы будутъ нарочные“⁽²⁾. Можно ли представить себѣ распоряженія болѣе энергичнаго, и, по видимому, разумнаго. Но тѣмъ не менѣе, ни въ 1712 г., ни въ слѣдующей Сенатъ свѣдѣній не получилъ. И когда въ Сенатъ стали поступать жалобы отъ частныхъ лицъ, что съ нихъ сборы берутъ не по табелѣ, а самоуправно, у него не оказывалось никакихъ справокъ, чтобы порѣшить дѣло, и онъ вынужденъ былъ посылать только строгіе указы тѣмъ губернаторамъ, на которыхъ жаловались. Такъ въ архивѣ Сената за 1712 г. сохранились жалобы обывателей Азовской губерніи — Ломовцевъ, Сапожковцовъ, Шатчанъ и Рязанъ на подобное самоуправство мѣстнаго губернатора. Ломовцы жалуются, что въ прежніе годы дѣды и отцы ихъ и онъ служили полковую службу, а дѣти ихъ и братья служатъ въ драгунскихъ и въ пѣхотныхъ полкахъ; съ нихъ и съ дѣтей ихъ провіанта и денегъ никогда не полагалось собирать; а теперь прислали ландрихтера Азовской губерніи Кикина, который собираетъ съ нихъ рекрутъ съ 50 дворовъ „да съ 25 дворовъ по человѣку, да со 100 дворовъ по человѣку въ плотники, да съ 5 дворовъ по лопатнику съ денежною подмогою и съ кормовыми запасами; да съ нихъ же взято по рублю, а съ дѣтей ихъ по полтинѣ съ че-

(1) Докл. и приг. Сената, II, № 191.

(2) Ibid. № 403.

ловѣка, да на драгунскихъ лошадей по гривнѣ, муки по осьминѣ, а за пустые двory и за бездворныхъ и нищихъ доправлено съ нихъ же, и тотъ провіантъ отвезли на Осередь, и въ платежѣ того провіанта отписей имъ не дано; также спрашиваютъ на 711 годъ за провіантъ по 1 рублю 23 алтына 2 деньги съ двора великимъ жестокимъ правожемъ, и отъ того правежа всякую свою скотину и хлѣбъ и двory свои распродали и дѣтей своихъ поваложили; да съ нихъ же взято съ 5 дворовъ по лошади, да на нихъ же правятъ по 23 алтына 2 деньги съ человекѣка, у кого сколько во дворѣ есть; и тѣхъ податей имъ за скудостію и многими долгами платитъ нечѣмъ и продать и заложить нечего. Съ нихъ же побираютъ рекрутъ съ 18 дворовъ по человекѣку съ мундиромъ и провіантомъ а денежною подмогою, да съ 48 дворовъ мерина а деньгами по 10 рублей, и стоятъ они и жены и дѣти ихъ, у которыхъ мужья на службахъ, на правожѣ и отъ того жестокаго правежа многіе ихъ братья, покинувъ двory, разбрелись врознь*. Подобныя же горькія жалобы принесли и Ряшане и Сапожковцы и Шатчане. Не могъ не ужаснуться такихъ картинъ Правительствующій Сенатъ, но собственное его положеніе было тѣмъ ужаснѣе, что онъ совершенно не зналъ, какъ ему поступить. По представленной его канцелярію справкѣ оказалось, что по закону всѣ сборы должны быть собираемы съ долей крестьянскаго двороваго числа; въ Азовской губерніи написано $7\frac{1}{2}$ долей, а въ долѣ по 5,536 дворовъ, и того 41,502 двора, а тѣ доли положены по переписнымъ книгамъ 1678 года; а по табели, которая доставлена изъ Азовской губерніи 28-го апрѣля, написано въ этой губерніи драгунскихъ и солдатскихъ дворовъ въ Ряжскѣ 662 двора, въ Нижнемъ Ломовѣ 1,811 дворовъ, въ Сапожѣ 900 дворовъ, въ Верхнемъ Ломовѣ 606 дворовъ, въ Шацкѣ 291; но должны ли брать съ нихъ подати, и если должны, то по какому указу, *того въ Канцеляріи Правительствующаго Сената не въ домо*, а въ переписныхъ книгахъ 1678 г. ихъ не написано и въ доляхъ не положено. Отчаянная справка для присутствія Сената, должствующаго возстановлять правду. 6-го марта Сенатъ послалъ указъ Азовскому губернатору немедленно доставить точное объясненіе. *Но по тому указу изъ той губерніи не отвѣтствовано*. И 2-го іюня Сенатъ принужденъ былъ постановить такой скромный и конечно печальный для него приговоръ: „объявить челобитчикамъ, что они о складкѣ сборовъ должны

бить челомъ Азовскому губернатору, адмиралу, генералу и кавалеру Федору Матвѣвичу Апраксину для того, что тѣ города Азовской губерніи“ (1). Не видя никакого пути отъ своихъ энергичныхъ распоряженій, скоро охладѣваетъ Правительствующій Сенатъ къ этому дѣлу упорядоченія счетоводства, и въ 1714 г. обязанность провѣрить счетоводство за всѣ четыре года, съ 1710 г., снова возлагается на *Ближнюю Канцелярію*, и притомъ старыми методами, практиковавшимися въ Московскомъ царствѣ (2). Для этого изъ всѣхъ губерній и изъ всѣхъ канцелярій и присутствій должны были быть посланы дьяки и подьячіе съ приходорасходными книгами подъ угрозой за неявку строгаго наказанія: „дворы и животы и помѣстья и вотчины ихъ отписаны будутъ на Великаго Государя и отданы въ раздачу безповоротно“. И чтоже? Явились только изъ четырехъ канцелярій — Посольской, Военной, Адмиралтейской и С.-Петербургской, а изъ прочихъ Канцелярій и изъ Приказовъ и изъ губерній (какъ видно изъ указа 1716 г.) *ни откуда не прислано* (3). Очевидно, затрудненіе финансовое было ужаснымъ; нельзя было свести счетовъ приходовъ и расходовъ: финансовый аппаратъ Московскаго царства былъ совершенно непригоденъ, а новымъ манеромъ, по выраженію Петра, еще не управились.

II.

Не имѣя никакихъ точныхъ приспособленій для общей ревизіи и счетоводства, правительство не могло дать и руководительныхъ началъ для своихъ мѣстныхъ администраторовъ въ самыхъ элементарныхъ приемахъ счетоводства, какъ сосчитать собираемыя на мѣстахъ суммы и какъ ихъ отправить туда, въ тотъ пунктъ, куда таковыя назначены. Архивъ Св. Синода заключаетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія данныя о методахъ мѣстныхъ финансовыхъ администраторовъ даже въ 1722 году, когда уже полная административная реформа была готова. Тутъ имѣются данныя, что поставленные для сбора денегъ въ губерніяхъ рентмейстеры считали своимъ пра-

(1) Докл. и пригов. Сената, II, № 459.

(2) 4-е Полн. Собр. Зак. № 2763.

(3) Ibid. № 2995.

вомъ возлагать на крестьянъ въ видѣ повинности, какъ считать собранную казну, такъ и отвозить ее, подѣ своею отвѣтственностію, въ указываемые пункты. Такъ какъ такой повинности законъ не устанавливалъ, то въ случаѣхъ, когда рентмейстеры забирали монастырскихъ крестьянъ въ счетчики денежной казны, монастырскія власти и особенно монастырскіе стряпчіе являлись защитниками крестьянъ. По поводу такой защиты и производились дѣла въ Св. Синодѣ, сохранившіяся въ его архивѣ, дѣла, свидѣтельствующія о порядкахъ счетоводства и пересылки денежныхъ суммъ въ губерніяхъ. Такъ Костромскій рентмейстеръ *Лука Каблуковъ* захватываетъ крестьянъ подмонастырской Богословской слободы въ счетчики денежной казны, собранной съ шляхетскихъ крестьянъ; тѣ стали отпираться, говоря, что это его дѣло, а не ихъ, и онъ для принужденія ихъ, „сажаетъ ихъ на чень, держитъ въ жолѣзахъ за карауломъ, обираетъ у нихъ одежду и деньги“, и за всякое сопротивленіе „бьетъ батошьемъ безъ пощады и на смерть изъ своихъ рукъ“. По окончаніи приема и счета денегъ, Каблуковъ заставляетъ ихъ везти денежные суммы и сдать въ Петербургъ и Новую Ладогу, и притомъ не только тѣ, которыя ими сосчитаны, но и тѣ, которыя считаны другими счетчиками и его подьячими, при чемъ впоследствии при приемѣ оказалось, что въ мѣшкахъ, считанныхъ подьячими, оказался недочетъ, противъ цифры, выставленной на ярлыкахъ. Одинъ изъ крестьянъ принесъ жалобу и просьбу о защитѣ монастырскому начальству, а стряпчій Ипатскаго монастыря послалъ къ Каблукову своего подьячаго съ письмомъ, требуя освобожденія взятыхъ имъ монастырскихъ крестьянъ, какъ подвѣдомныхъ одному Синоду. И что же? Каблуковъ его подьячаго у себя въ хоромахъ дралъ за полосу и бранилъ нехорошими словами и въ зашей самъ толкалъ, говоря, что онъ синодальнаго де суда неопасенъ и не слушаетъ, и плевалъ и ему подьячему говорилъ; „я де велю тебя распятать“, — невѣдомо про что... (1). И мѣстные финансовыя администраторы находились въ чрезвычайномъ затрудненіи, какииъ способомъ пересылать деньги. Почта была только въ зародышѣ. Правда Петръ, ознакомившись съ порядками заграничными, облюбовалъ практиковавшееся тамъ и весьма удобное средство — переводъ денегъ посредствомъ векселей. Но при общей финансовой

(1) См. Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, II, № 44.

неурядицѣ и это средство оказалось трудно приложимымъ, и уже въ 1711 году, въ одномъ изъ пунктовъ Сенату, Петръ повелѣваетъ: „вексели исправити и держать въ одномъ мѣстѣ“⁽¹⁾. Вслѣдствіе чего Сенатъ даетъ всѣмъ прис. мѣстамъ указъ доставити вѣдѣнія, сколько въ которомъ мѣстѣ на вексели денегъ или иного чего въ дачѣ и кому именно и въ которыхъ годахъ, ... а впередъ на векселя денегъ и ничего отнюдь никому не давать, безъ особаго разрѣшенія Сената⁽²⁾. Въ изданныхъ Докладахъ и Приговорахъ Сената за 1711 г. находимъ разъясненія этихъ новыхъ финансовыхъ затрудненій, породившихся отъ вексельныхъ переводовъ. Именно затрудненіе, во первыхъ, встрѣчалось въ опредѣленіи курса векселя, т. е. въ опредѣленіи, сколько именно по векселю платитъ. Встрѣчаемъ указъ Сената, требующій отъ вице-губернатора вѣдѣнія: „вексель нынѣ у города почему ходитъ; также и впередъ тотъ вексель, въ которое время подышатца или умалятца будетъ, о томъ, по тому жъ, по вся почты писать“⁽³⁾. Здѣсь разумѣлся двойкій курсъ векселей, тревожившій Прав. Сенатъ: курсъ золотой иностранной монеты сравнительно съ русскими ефимками при выдачѣ векселей иностранцамъ и курсъ монеты по отношенію къ цѣнѣ отпущеннаго казеннаго товара. Во вторыхъ, на большія суммы оказывалось труднымъ пользоваться векселями, за отсутствіемъ капиталистовъ — купцовъ, которые бы могли выдать подъ вексель требуемыя суммы. Даже и наоборотъ, при переводѣ казенныхъ денегъ за границу встрѣчались затрудненія въ недостаткѣ богатыхъ иноземцовъ. Въ послѣднемъ томѣ Докладовъ и Приговоровъ Сената помѣщено дѣло о способахъ вексельнаго перевода денегъ въ 1711 г. въ Померанію, для покупки и строенія тамъ мундировъ для нашихъ войскъ: по указу Петра, Сенатъ для этой цѣли долженъ былъ занять въ Помѣстномъ Приказѣ изъ соляныхъ денегъ 70 тысячъ рублей и безъ всякаго замедленія выдать кому либо изъ иноземцевъ и взятый вексель переслать къ свѣтлѣйшему князю. Но Сенатъ доноситъ, что сдѣлать этого нельзя, потому что иноземцовъ „на такое немалое число денегъ никого не сыскалось, обязуются только перевести 10,000 рублей“...

(1) Полн. Собр. Зап. № 2330, п. 5.

(2) Полн. Собр. Зап. № 2407.

(3) Докл. и пригов. Сената, т. I, № 355.

Между тѣмъ свѣтлѣйшій князь находился въ Помераніи, вслѣдствіе такого замедленія перевода, въ отчаянномъ положеніи. Онъ пишетъ отъ 14-го авг. 1712 г.: „О строеніи мундира хотя онъ всемѣрное стараніе имѣлъ и имѣеть, видя, по прибытіи его туда, войска его царскаго величества въ такомъ худомъ и бѣдномъ состояніи, что не токмо платья и обуви, но ниже рубахъ на многихъ не обрѣталось; но въ тѣхъ краяхъ, не имѣя денегъ, сей бѣдности вспомочь весьма трудно, однакожь при себѣ сколько денегъ имѣлъ, и на оныя на одинъ драгунскій лейбъ-регіментъ мундиръ отчасти построилъ, и къ тому возможное еще подражать потщится; токмо безъ задатковъ ставить ничего тамъ не будутъ, а имъ задатковъ чинить не изъ чего, денегъ при немъ, почитаетъ, ни единой копѣйки не обрѣтается, и для того старается сыскивать такую особу, чрезъ которую бѣ данныя 70 тысячъ рублей туда перевести, и, благодарить Бога, одного такого купца сыскалъ, что хочетъ тамъ имъ нѣкоторую сумму червонцевъ дать, а на Москвѣ по ихъ векселямъ деньги принимать, о чемъ нынѣ договоръ чинятъ . . .“⁽¹⁾ Въ третьихъ, являлись нерѣдко затрудненія во взисканіи денегъ по векселямъ не только въ самомъ началѣ ихъ допущенія, но и позже. Въ архивѣ Св. Синода есть дѣло о переводѣ преосвященнымъ Варнавою собранныхъ въ Холмогорской епархіи въ періодъ времени съ 1721—1725 г. пошлинъ съ браковъ на лазареты — *отъ нечмыхъ лазаретныхъ денегъ*. Эти пошлины, какъ извѣстно, установлены были съ каждаго брака 4 алт., съ двоеженовъ 8 алт. 2 д., съ троеженовъ 13 алт. 2 деньга. Такихъ денегъ въ этотъ періодъ собрано было 820 р. 8 алтынъ 2 деньга. Преосвященный переслалъ эти деньги въ Св. Синодъ въ видѣ векселя, даннаго на иноземца Франса фан-Дорта. Сысканный въ Петербургѣ синодальнымъ солдатомъ Фанъ-Дортъ явился въ Синодальную Канцелярію и сказалъ, что этихъ денегъ ему не прислано, только писалъ ему объ этомъ живущій въ Архангельскѣ иноземецъ Вѣкинъ, но денегъ не прислалъ, почему онъ векселя не акцептируетъ; еслибъ преосвященный выдалъ въ Архангельскѣ эти деньги его зятю, иноземцу Ивану Водиско, то потому векселю онъ бы заплатилъ. Началась перениска и запросы, и дѣло кончилось тѣмъ, что по этому векселю заплатили иноземцы Ворштъ и Метценъ, но

⁽¹⁾ Докл. и приг. Свята, т. 11, кн. 2, № 720.

съ промедленіемъ и хлопотами⁽¹⁾. Этимъ можно объяснить, что и въ регламентъ Штатсъ-Конторъ Коллегіи, которая уже должна была дѣйствовать по новому, Петръ указываетъ переводить деньги по векселямъ, но дѣлать это съ великою осторожностію:

„Ежели Штатсъ-Конторъ-Коллегія въ чужія страны или въ дальніе города государства нѣкоторыя деньги на вексель перевести принуждена, то надлежитъ оное чрезъ вѣрныхъ людей исправлять и въ выдачѣ и въ надлежащемъ вексельномъ порядкѣ и цѣнѣ около Его Царскаго Величества интересъ накрѣпко въ осмотрѣніе имѣть, и не подобаетъ никакому служителю Штатсъ-Конторъ-Коллегіи въ такомъ вексельномъ дѣлѣ ничего дѣлать и заключать“⁽²⁾.

III.

Такія затрудненія въ пересылкѣ денегъ и устройствѣ счетоводства естественно вели къ новымъ затрудненіямъ, къ тому печальному явленію, что многіе, коиъ назначены отъ правительства выдачи денегъ, не могли такихъ получать во время, нѣкоторые оставались по цѣлымъ годамъ безъ жалованья. Съ открытіемъ Прав. Сената къ нему стали обращаться съ челобитными и жалобами. Онъ дѣлается регуляторомъ въ этой финансовой области, почему въ его архивѣ цѣлая масса дѣлъ о финансовыхъ затрудненіяхъ этого рода. Въ изданныхъ до сихъ поръ трехъ томахъ его докладовъ и приговоровъ, обнимающихъ 1711 и 1712 годы, немало помѣщено его приговоровъ чрезвычайной важности. Остановимся для примѣра только на нѣкоторыхъ.

1) Понятно, что особыя заботы правительства были направлены къ обезпеченію кормомъ и жалованьемъ войска. Не смотря на то многіимъ защитникамъ государства приходилось голодать отъ неурядиць финансовыхъ. Въ 1711 г. четыре полка Московскаго гарнизона остались на май мѣсяцъ безъ жалованья и безъ провіанту⁽³⁾; Каргопольскій пѣхотный полкъ за весь 1710 годъ не получалъ жалованья по той причинѣ, что онъ былъ вѣдомъ не въ Воинскомъ Приказѣ, а въ Земскомъ, который хотя и предста-

(1) Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, т. VI, № 107, стр. 185.

(2) П. 22 Регламента, 13-го февраля 1719 г. Полн. Собр. Зак. № 3303.

(3) Докл. и пригов. I, № 109.

виль въ Ближнюю Канцелярію на какія деньги его содержать, и въ Ближней Канцеляріи состоялся консилиумъ министровъ, порѣшившій на полугодное содержаніе потребовать изъ Земскаго Приказа изъ *сбора рекрутныхъ денегъ*, а относительно источниковъ на слѣдующее затѣмъ время испросить указъ, — на томъ дѣло и остановилось, и полкъ остался безъ содержанія. Сенатъ разсудилъ такъ: предписать Воинскому Приказу выдать этому полку за прошедшій годъ слѣдовавшіе ему 14,754 р., а впредь тѣ деньги на тотъ полкъ откуль давать, о томъ выписать въ докладъ⁽¹⁾.

52 солдата Вельяминова - Зернова полка бьютъ челомъ Прав. Сенату, что вотъ уже „другой годъ, какъ они посланы со стольникомъ и полковникомъ *Козловымъ* для сыску воровъ на Волокъ Ламскій, а денежнаго жалованья дано имъ только по полтора рубля на человѣка, да провіанта на 5 мѣсяцовъ, и что они, будучи въ той посылкѣ безъ жалованья, платьиномъ и обувью обносились и стали многіе нагими и помирають голодною смертію“. Имъ произведенъ допросъ, на которомъ они показали, что пришли съ Волоколамска безъ вѣдома и отпуска полковника Козина, который въ выдачѣ жалованья имъ отказалъ, ссылаясь неимѣніемъ на этотъ предметъ денегъ. Сенатъ потребовалъ изъ Московской губерніи справку, въ которой изложено, что въ мартѣ 1710 г. послано съ Москвы на Волокъ Ламскій и Можайскъ, для поимки воровъ, изъ Московскаго гарнизона 110 человекъ; жалованья имъ дано изъ Сибирскаго Приказа по 10 алтынѣ, да изъ Провіантскаго Приказа провіанта по полуосминѣ, а на Волокъ Ламскомъ изъ наличнаго по декабрь 710 года, а послѣ того провіантъ велѣно давать въ Версѣ изъ сборнаго рекрутскаго провіанта по 1½ четверика на мѣсяць; и что въ прошеніи солдатъ, поданномъ у Губернскихъ дѣлъ, всего ихъ на лицо 90 человекъ, изъ числа которыхъ, по доношенію Козина, бѣжало съ голоду 21 человекъ, затѣмъ въ остаткѣ 69 человекъ. Сенатъ удовлетворилъ просителей⁽²⁾. Не смотря на то, имъ денегъ не выдали, потому что явилось новое челобитье, по которому послѣдовалъ и новый указъ⁽³⁾.

Подполковникъ Вибиковъ жалуется въ 1711 г. Сенату, что послан-

(1) Докл. и пригов. Сенату, I, № 123.

(2) Ibid. № 129.

(3) Ibid. № 299.

ные съ нимъ 13 офицеровъ для отвода рекрутъ въ Ригу жалованья мно-
гіе мѣсяцы не получали⁽¹⁾.

Генераль кригсъ-цалмейстеръ Бестужевъ докладываетъ въ 1711 г.
Сенату, что денегъ на расходы минувшаго года въ присылкѣ не было, а
потому и чины кавалеріи не удовлетворены жалованьемъ слишкомъ за
годъ⁽²⁾.

2) Множество подобныхъ случаевъ, заявленныхъ Сенату относительно
неудовлетворенія лицъ военныхъ, можетъ легко объяснить возможность не-
выдать своевременнаго содержанія лицамъ меньшей важности.

Такъ много хлопотъ доставляли Прав. Сенату жалобами, что не вы-
даютъ кормовъ и положеннаго содержанія, ученики инженерной науки, учи-
теля Славяно-Латинской школы, различные мастера. Игуменья Казанскія
Вогородицы Рыльского дѣвичьяго монастыря, не получившая положеннаго
за 3 года, энергически мотивируетъ необходимость выдачи. А игуменья
Никитскаго дѣвичьяго монастыря слезно жалуется, что не смотря на резо-
люцію, положенную на первой ея челобитной, повелѣвавшую выдать ей за-
кономъ назначенную дачу, не выдаютъ ничего. „А мы, богомольцы твои,
волю Божию погорѣли, и отъ того пожарнаго раззоренія раззорились въ ко-
нецъ безъ остатку и помираемъ безъ твоего государева жалованья голод-
ною смертію“⁽³⁾.

Тяжело было, конечно, Прав. Сенату разбирать и удовлетворять всю
эту громадную массу совершенно справедливыхъ челобитенъ. Но не менѣе
тяжело было и челобитчикамъ ждать голодной смерти отъ плохого счето-
водства и неурядной финансовой администраціи.

Несомнѣнно, старый финансовый аппаратъ Московскаго царства не
годился уже при смѣлыхъ финансовыхъ предпріятіяхъ Петра. Великому ре-
форматору уже представлялся аппаратъ финансовый новый, аппаратъ Евро-
пейскій, но представлялся еще вдали и въ очеркахъ, крайне туманныхъ.

Профессоръ И. Андреевскій.

(1) Докл. в приг. Сената, I, № 151.

(2) Ibid. № 261.

(3) Ibid., т. I, № 383, 543, т. II, кн. 1, № 22, 144, 422, 565.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОПИСАНІЕ
ПЕРВОКЛАСНАГО УСПЕНСКАГО ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ
ВЪ ГОРОДЪ АЛЕКСАНДРОВЪ.**

(Владимірской губ.).

(Окончаніе.)

XІ.

Царская жалованная и патріаршія грамоты.

1. Жалованная грамота царя и великаго князя Теодора Алексѣевича, 1667 г.

Божію милостію мы великій государь, царь и великій князь Теодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ. По нашему царского величества обѣщанію, изволили наше государское шествіе сотворить, Владычицы нашея Пресвятыя Богородицы и присно дѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Успенія, въ дѣвичь монастырь что въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ нашей великаго государя дворцовой новой Александровой слободѣ, и нашимъ царскимъ-благоразсмотрѣніемъ видя тоя святныя обители въ нужныхъ потребахъ скудство, для милости всемогущаго въ Троицѣ славнаго всѣхъ питателя Бога, пожаловали мы, великій государь, въ той Успенія Пречистныя Богородицы дѣвичь монастырь игуменьѣ Макринѣ съ сестрами, и кто по нихъ иные игуменьи и сестры въ той святой обители будутъ, для общаго и нескходнаго ихъ изъ того монастыря жительства, по благоупотребленію доволства, въ той же нашей великаго государя дворцовой новой Александровой слободѣ двѣ мельницы на рѣкѣ на Сѣрѣ, одна на каменной плотинѣ, а другая подъ деревнею Сноповымъ, со всякимъ мельничнымъ строеніемъ, безоброчно, нынѣ и впредь на вѣчныя времена донележе Вседержитель Огъ вся окормляяй Богъ видимый сей міръ въ цѣлости блюсти

изволить; а въ Приказе большого двора въ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Князя Михаила Волконского, да подьячего Василья Толмачева 143 (7187) году написано въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣского въ нашей великого государя дворцовой Александровой слободѣ на рѣкѣ на Сѣрѣ ниже середніе старыя мельницы выше деревни Сноповы мельница на двои жерновы. А въ приходныхъ окладныхъ книгахъ прошлыхъ лѣтъ и нынѣшняго 143^о (7185) году написано: въ нашей новой Александровѣ слободѣ, на рѣкѣ на Сѣрѣ, мельница ниже старыя мельницы, выше деревни Сноповы, да мельница жъ на каменной плотинѣ, а помолные денги собираютъ на насъ великого государя на вѣрѣ вѣрные головы и цѣловальники; а по окладу противъ откупну 143^о (7177) году съ тѣхъ мельницъ по сту по тридцети по осми рублевъ по тридцети по три алтына съ полуденьгою на годъ и тѣ денги изъ приходной окладной книги съ тѣхъ мельницъ изъ окладу сложены, и того вышеимянованного монастыря игуменѣ съ сестрами, и будущимъ въ той же святой обители по нихъ за насъ великого государя и за нашу царского величества державу сущихъ въ ней всѣхъ православныхъ христіанъ Бога молить. А тѣмъ нашимъ государскимъ жалованьемъ, мельницами со всякимъ мельничнымъ строеніемъ и съ дворами и съ конскими выпуски, которые вышесказаннѣе тѣмъ мельницамъ для пріѣзду помольщиковъ изстари, по сей нашей великого государя жалованной грамотѣ, владѣть ныне и впредь и никакихъ оброчковъ не платить. А для лучшаго нашей государственной милости объявленія и тѣхъ мельницъ за оную святою обителью утверженія, дана сія наша великого государя жалованная грамота по нашему великого государя, царя и великого князя Θεодора Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, имянному указу, за нашею государственною красною отворчетою печатью. Писана въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 5146 (7185) генваря кѣз (27) дня. Подпись: діакъ Федоръ Тютчевъ.

Примѣчаніе. Грамота на большомъ листѣ, въ фигурной рамкѣ съ бордюромъ, разрисованнымъ золотомъ, серебромъ и красками; заставка фигурная.

Заглавныя буквы и первая двѣ строки писаны золотомъ творенымъ.

Внизу, на вырѣзкѣ золотой парчи, прикрѣплена, на среброзолоченомъ шнурѣ, въ тафтяной обшивкѣ, вислая госуд. печать краснаго воску.

Двѣ покрышки тафтяныхъ, обѣ малиновыя — одна тафты гладкой, другая, на малиновомъ полѣ, золотныя и шелковыя цвѣты.

2. Грамота патриарха Никона.

Божією милостію се азъ смиренный великій государь святѣйшій Никонъ, патриархъ московскій и всеа Русіи. Вили намъ челомъ Переславскаго уѣзду Залѣскаго Ново-Александровы Слободы пустыни Успенскаго дѣвicha монастыря старица Клеопатра съ сестрами, а въ челобитной ихъ написано: въ той де ихъ пустынь церковь Успеніе Пресвятны Богородицы, каменная, пугъветъ многіе годы и не освящена, а монастырь они строили собою по Государевѣ грамотѣ, и намъ бы ихъ пожаловать, велѣтъ тое старую, каменную церковь Успенія Пресвятны Богородицы освятить и антиминосъ дать. И азъ смиренный и великій государь святѣйшій Никонъ, патриархъ Московскій и всеа Русіи, пустыни Успенскаго дѣвicha монастыря старицу Клеопатру съ сестрами пожаловалъ, велѣлъ тое каменную церковь Успенія Пресвятны Богородицы освятить попу со діакономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и антиминосъ дать, а о житьѣ и о строеніи того монастыря быть такъ какъ указано въ государевой грамоте. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7162 (1650) іюня въ л (30) день.

У подлинника была приложена сургучная красная печать; выше мѣста, гдѣ она была, написано: „Печатные взяты“.

На другой сторонѣ грамоты подпись: „Діакъ Лукьянъ Голоосовъ“.

3. Грамота правившаго патриаршими дѣлами митрополита Питирима.

Божією милостію смиренный Питиримъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, по благодати, дару и власти отъ Пресвятаго и Животворящаго Духа даннѣй смиренію нашему отъ великаго архіерея Господа Бога и Спаса нашего Іса Хрѣта и по государеву, цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, указу, межъ патриаршества, благословилъ есми Переславльскаго уѣзду Залѣскаго Пречистые Богородицы Успенскаго дѣвicha монастыря, что въ городѣ въ осыпи, постриженницу старицу Анисію на духовную власть въ той же дѣвичь монастырь во игуменіи, и сія убо игуменія Анисія на семь стадѣ словесныхъ овецъ, еже Христосъ поручилъ ей нашимъ смиреніемъ, должна есть быти такова: боголюбива и человекѣлюбива, кротка и смиренна, трезвительна и цѣломудренна, говѣйна и страннолюбива, учительна, не піяница, не свар-

лива, не ишеломница, смотрѣлива, не завислива, не сребролюбица и добре предстательствующе и опасну стражу имѣти и радѣти о сущихъ подѣ нею. Тоже обители собравше священники, и дьякони, и инокини и всѣ православиі христіане, живущи въ той во святѣй обители, примете тоѣ игуменію Анисію радостно о Господѣ и повинутесь предѣ нею отъ всея души, и сего ради дана бысть ей игуменіи Анисіи сія настольная грамота. Писана въ царствующемъ и въ преименитомъ, великомъ граде Москвѣ, въ величѣй церкви Успенія Пречистыя Богородицы и великихъ святителей Петра и Алексѣя, и Іоны и Филиппа, Московскихъ чудотворцовъ, въ патриаршемъ дому, въ лѣто отъ сотворенія свѣта 7170-го, а отъ воплощенія Бога Слова 1728-го (1662), іюня въ « » день.

Подѣ сего грамотою четкимъ полууставомъ написано: Смиренный Пятиримъ, Вожею милостію митрополитъ Сарскій и Подовскій.

Внизу грамоты на шелковомъ шнурѣ повѣшена краснаго сургучу печать митрополита Пятирима, съ изображеніями: съ одной стороны Пресв. Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а съ другой благословляющей руки и имянной и. Пятирима надписи вокругъ.

4. Грамота царя Алексѣя Михайловича.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Вѣлыя Росіи самодержца, Переславского уѣзду Загѣского въ нашу великаго государя дворцовую Александрову слободу прикащикомъ Александру Суровцову да Давыду Маркову. Какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, и вы бѣ Александровы слободы Успенской дѣвичь монастырь отъ всякихъ обидъ и отъ воровскихъ людей во всемъ оберегали и чтобъ озорники и пьяные въ тотъ монастырь не приходили и озорничества никакова не чинили, а буде того монастыря игуменья съ сестрами въ какомъ дѣлѣ учнутъ на кого битъ челомъ намъ великому государю, и выбѣ тѣхъ людей сыскывая чинили по нашѣму великаго государя указу до чего доведетца, а прочитавъ сее нашу великаго государя грамоту и списавъ съ нее слово въ слово списокъ, оставили у себя, а сее нашу подлинную грамоту отдали Успенскаго дѣвича монастыря игуменѣ Анисѣ съ сестрами впредѣ для иныхъ нашихъ приказныхъ дѣлъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7174-го (1664) марта въ « . » день.

На другой былой странице грамоты написано, однимъ почеркомъ: „Прикащикамъ Александру Суровцеву да Давиду Маркову“ и ниже другимъ почеркомъ: „Справиль Андрюшко Ключаревъ“.

5. Грамота патриарха Іоасафа.

Божією милостію се азъ смиренный великій господинъ, святѣйшій Іоасаеъ, патриархъ Московскій и всеа Русіи. Въ нынѣшнемъ во роѣ-жь (1667) году, били намъ челомъ Переяславскаго уѣзду Залѣскаго Александровы слободы Успенскаго дѣвicha монастыря игуменья Анисья съ сестрами, а въ челобитной ихъ написано: по указу великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ монастырѣ де у нихъ церковь каменная, старая, во имя Успенія пречистые Богородицы, починена, своды въ олтарѣ и въ церкви сдѣланы новыя, престолъ и жертвенникъ и мость передѣланы на ново, да по сторонѣ де тоѣ церкви здѣлана у нихъ другая церковь предѣльная, каменная, во имя преподобныя Маріи Египетскіе, на старомъ основаніи, вся новая, и та де церковь и предѣлъ не освящены и по се число, и намъ бы ихъ пожаловать благословить, велѣти имъ тоѣ церковь и предѣлъ освятить и антимисы дать. И азъ смиренный великій господинъ, святѣйшій Іоасаеъ, патриархъ Московскій и всеа Русіи, Переяславскаго уѣзду Залѣскаго Александровы Слободы Успенскаго дѣвicha монастыря игуменью Анисію съ сестрами пожаловалъ благословилъ, велѣлъ имъ тоѣ старую церковь Успенія Пречистые Богородицы новому престолу посвященіе сотворить; начало службы: вечерня, утренняя, пѣти обновленію храма и предъ литургією на престолъ одѣяніе и препоясаніе и срачицу и индитію положить по прежнему, какъ было, и молитву говорить о поколебаніи трапезы и водою не кропить и стѣнамъ помазаніе не творить, точію однѣ олтарныя стѣны, едино крещеніе и освященіе, а въ другіе церковь не святить, а новой престолъ во имя преподобныя Маріи Египетскіе освятить попу со діакономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, а старой церкви антимисы велѣтъ задѣлать въ новомъ престолѣ въ десной стѣнѣ отъ восточной страны вытесавъ ящикомъ и накрыть доскою. Писано на Москвѣ, лѣта 7175, роѣ (1667), августа въ 7 день.

Подъ грамотою была печать, а нынѣ оторвана, только знать ея мѣсто. На оборотѣ на бѣлой страницѣ надпись: „Діакъ Перфилей Сѣменниковъ“; тамъ же, внизу: „Справилъ Іевка Ветошкинъ“.

6. Грамота патриарха Іоасафа.

Отъ великого господина святѣйшаго Іоасафа, патриарха Московского и всеа Русіи, Переславскаго уѣзду Залѣскаго Лукьяновы пустыни строителю старцу Корнелію да Успенскаго дѣвicha монастыря строителю старцу Теофану. По нашему, святѣйшаго патриарха, указу, а по челобитью Успенскаго дѣвicha монастыря намѣстницѣ старицѣ Ирinarхи съ сестрами, велѣно въ томъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ игуменьей быти того монастыря старицѣ Макринѣ и монастырь на еѣ имя описать. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы въ томъ Успенскомъ дѣвичѣ монастырѣ взяли въ монастырской казнѣ прежніе описныя книги, какъ тотъ монастырь описанъ былъ прежнею игуменьей Анисією, да по тѣмъ книгамъ пересмотрѣли и переписали все на лицо имянно: церкви Возжіи и въ церквахъ двери царскія и мѣстныя образы и деисусы и праздники и пророки и правотцы и пядницы и у тѣхъ образовъ приклады, вѣнцы, и цаты, и каменье, и жемчугъ и въ привѣсяхъ рясы и золотыя, и пелены, и книги, и ризы, и стихари, и патрахили, и улары, и поручи, и сосуды служебныя и кадила, и паникадила и всякую церковную утварь, и на колокольницѣ колокола, и въ казнѣ великаго государя жаловальныя грамоты и монастырскія крѣпости, и деньги, и всякую монастырскую казну и хлѣбъ, и монастырское строеніе, и въ монастырѣ сестры и слугъ и служебниковъ, и вотчинныхъ крестьянъ и бобылей, и на конюшенномъ и на воловьѣ дворѣхъ лошади и коровы и всякій скотъ, а переписавъ велѣли написать въ двои книги, имянно въ однѣ книги за своими и вмѣстѣ игуменіи Макрины съ сестрами за руками прислали и о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку и книги велѣли подать въ нашемъ разрядѣ боярину нашему Микифору Михайловичю Беклемишеву да дьякомъ нашимъ Ивану Калитину да Борису Остолопову, а другіе книги таковыжъ слово въ слово за руками жѣ оставили въ томъ Успенскомъ дѣвичѣ монастырѣ въ монастырской казнѣ впредь для спору и приказали ей игуменіи Макринѣ въ томъ монастырѣ въ игуменьяхъ быти и сестрамъ и служкамъ и служебникомъ и вотчиннымъ крестьяномъ и бобы-

лемъ велѣли еѣ игуменію Макрину слушать и почитать, какъ и въ прочихъ монастырехъ властей слушаютъ и почитаютъ. А прочеть сю нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставили у себя, а сю нашу подлинную грамоту отдали ей игуменѣ Макринѣ, по чему ей въ томъ монастырѣ въ игуменяхъ быть. Писано на Москвѣ, лѣта зрѣи-го (7180 = 1672) года генваря въ ѣв (22) день.

На оборотѣ грамоты надпись: „Въ Переславскій уѣздъ Лукьяновы пустыни строителю старцу Корнилию, да Успенскаго дѣвичья монастыря строителю старцу Теофану“. *Тамъ же, внизу:* „Справиль Гришео Ковалевъ“.

7. Копія съ грамоты митрополита Стефана Яворскаго.

Лѣта 4471 (1710) года ноябрю въ ѣї (18) день, великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцу, били челомъ Переславскаго уѣзду Залѣскаго Александровой слободы Успенскаго дѣвичья монастыря игуменья Макрина съ сестрами, а въ челобитьи ихъ написано: въ прошлые, де, годы было государево жалованье въ церковь Божію: всякая церковная утварь, воскъ, ладонъ, вино церковное, а въ прошломъ де 4471-мъ (703) году, по указу великого государя, давать имъ не велѣно всякіе церковные утвари, а нынѣ они въ томъ имѣютъ нужду великую для того что взять негдѣ,—самое убогое и скудное мѣсто, а сами питаются мірскими подаліемъ а для сбора въ церковь Божію на всякую церковную утварь часовни нигдѣ нѣтъ, и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ имъ поставить близъ монастыря противъ святыхъ воротъ, возлѣ большой дороги, часовню для сбора въ церковь Божію на всякую церковную утварь, и о томъ дать имъ великого государя указъ. И по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержца, преосвященный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, между патріаршества, Переславскаго уѣзду Залѣскаго Александровы Слободы Успенскаго дѣвичья монастыря игуменію Макрину съ сестрами благословилъ, велѣлъ въ Александровѣ Слободѣ близъ монастыря противъ святыхъ воротъ, возлѣ большой дороги, построить часовню деревянную для сбора въ церковь Божію на всякую церковную утварь.

У сего указа патриарша дошовая печать приложена. Казначей монахъ Іосифъ Вурцовъ. Справилъ Алексій Титовъ.

Писана на гербовомъ листѣ; печать оторвана, имѣется лишь призмакъ краснаго сурьма.

8. Грамота епископа Переславскаго Амвросія.

Амвросій, Божію милостію смиренній епископъ Переславскій и Дмитровскій и архимандритъ Воскресенскій Новоіерусалимскій.

По благодати, дару и власти всесвятаго и живоначальнаго Духа, дангій намъ отъ самаго великаго архіереа Господа нашего Іиса Христа чрезъ святыхъ и священныхъ его Апостолы и ихъ намѣстники и преемники, благословили ны избранную и утвержденную въ силу имяннаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго указа, объявленнаго намъ чрезъ дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера Василія Ивановича Чулкова, енархіи нашей Александровскаго Успенскаго дѣвicha монастыря монахиню Есепрь во оныи же дѣвичь монастырь во игуменію, въ которой игуменства чинъ имамъ она монахиня Есепрь маія 13 дня 1754-го года въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ церквѣ Воскресенія Христова на подворьѣ нашемъ, что словеть ставропигіальнаго Воскресенскаго Новгій Іерусалимъ именуемаго монастыря, и произведена. Сего ради, не забывая нимало положеннаго себѣ дѣла, но нампаче повседневиѣ силу званія своего разсуждая, должна она, игуменія Есепрь, тщлива быти и трудолюбива во всемъ на неже звана бысть, и пасти врученное ей чрезъ насъ стадо словесныхъ овецъ со всякимъ прилежаніемъ, какъ святыхъ отецъ правила и монашескія уставы и преданія являютъ, подобаетъ убо еще ей игуменіи Есепри быти боголюбивой, сестролюбивой, нищелюбной, смиренной, кроткой, трезвой, цѣломудренной, благоговѣнной, страннолюбивой, учительной, не пѣяницѣ, не сварливой, не издомницѣ, смотрѣливой, независтливой, не сребролюбивой, и церковному и монастырскому исправленію бесплатно прилежащей и опасну стражу имущей, и радѣтельной о сущихъ подъ нею, яко истинной матери и наставницѣ, съ бодрымъ всегда и неусыпнымъ врученной ей обители надзираніемъ, еже есть невѣдущія наставляти, претыкающіяся же исправляти, и добръ подвизающіяся утверждати, мысленныя же волки и развратители отъ врученнаго ей Христова стада отгоняти испытнымъ и внимательнымъ прочитаніемъ и сказываніемъ

Вожественныхъ, Пророческихъ и Апостольскихъ словесъ и отеческихъ преданій, и не токмо таковымъ наставленіемъ, но и самымъ дѣломъ, самымъ благочестнаго по Бозѣ житія своего образомъ свѣтъ проявляти, подчиненнымъ себѣ по словеси Господню: вы есте свѣтъ міра, и да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ. Нанпаче же да не мечтають монашествующія сестры иное нѣчто о чинѣ своемъ, паче надлежащаго имъ должности, подобаетъ ей истинно извѣстно самой вѣдать и подчиненнымъ по часту внушать, что иноческаго житія сила вся состоитъ въ непрестающемъ подвижѣ, еже есть како бы день отъ дне умерщвляти въ себѣ душевредныя страсти, и день отъ дне возрастати въ Богоугодныхъ трудахъ и добродѣтеляхъ и того ради, внимая себѣ и своему стаду, содержать оное въ присномъ покаяніи, Богомыслии, и въ молитвахъ, и яже къ тѣмъ паче всего способствуютъ въ трезвости, въ пощеніи и трудолюбіи, отнюдь не допуская ихъ до объяденія и пїянства, и что всякому злу виновно есть къ празности и лѣности, и понеже къ такому душеполезному подвигу дѣйствительное могущество подается чловѣку свыше Богомъ и Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ: того ради должна монашеская настоятельница увѣщивать сестры своя, да вседѣтельной себѣ благодати отъ Бога непрестанно и всежелательно просятъ, и подаваемую себѣ благодать небреженіемъ и лѣностію своею да не тшу и безплодну творять; аще же кака и исправна въ такомъ подвижѣ пребудетъ или покажется, то и таковой накрѣпко внушать, дабы о исправленіи своемъ не превозносилася, и отъ сея фарисейскія лести да хранилабъ себе всячески, бѣгая оныя яко крайне губельныя отравы; при таковыхъ же наставленіяхъ еще монашеская настоятельница долженствуетъ подчиненныхъ себѣ сестръ научать какъ они должны правильнымъ надъ собою властямъ, а паче всѣхъ властямъ предержавшимъ и высочайшимъ природнымъ государямъ своимъ повиновеніе и честь отдавать, не за гнѣвъ только ихъ, яко сильныхъ, но и за совѣтъ свою предъ Богомъ, со всякою вѣрностію и по крайней силѣ своей, и какъ о здравіи, такъ и о многолѣтномъ утвержденіи державы ихъ со всякимъ усердіемъ молити Вышняго, аще бо сіе и вси подданныи, но монашествующіи паче всѣхъ государямъ своимъ должны, понеже и пропитаніе и пребываніе по собственной ихъ милости имутъ, да и сама настоятельница по собственному своему одол-

женію и по преподаваемому образу сестрамъ своимъ должна всячески Ея Императорскому Величеству, Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, и Ея Императорскаго Величества высокому законному наслѣднику, Его Императорскому Высочеству благовѣрному Государю Великому Князю Петру Оедоровичу и супругѣ его благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ и Его Императорскому Высочеству благовѣрному Государю Великому Князю Павлу Петровичу, вѣрнымъ послушаніемъ и крайнимъ чести храненіемъ служить непремѣнно, исполняя силу присяги, каковою къ Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству обязаны суть вси подданныи безъ всякаго изъятія и противомудрованія и тако, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества власти, еще же и по крайнемъ духовномъ правительствѣ Святѣйшемъ Синодѣ, и къ нашему смиренію, яко законному своему пастырю, послушлива быть должна, въ чемъ она, какъ врученныя себѣ овцы по вышереченному наставлятъ, такъ и сама, по неотложной Павла Святаго, паче же самаго Духа Святаго проповѣди, си есть: всяка душа властемъ предержавшимъ да повируется, нѣсть бо власть еще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть, тѣмъ же противляяся власти, Божію повелѣнію противляется, ко исполненію сего обязана пребывать одождается. И еще тако словомъ и дѣломъ и самнимъ себе образомъ исправлять паству свою монашескія стадоначальницы подщатся, то да имѣють надежду услышати отъ Бога Владыки Господа нашего Иисуса Христа божественный и сладкій оный гласъ, глаголющъ: благій рабе и вѣрный, вмалѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю, вниди въ радость Господа своего. Еще же буди игуменіи Есеири извѣстно, что по чину чести ея во обрядовыхъ употребленіяхъ опредѣляется, что же и запрещается, а имянно: имѣть и носить ей мандіи просто монашескія, а въ хожденіи въ церковь, въ трапезу и по монастырю, гдѣ приличествуетъ, имѣть посохъ игуменскій, и стоять во время молитвословія соборнаго во отлику и предпочтеніе передъ другими епархіи нашея игуменіями на коврѣ, и тѣмъ довольствоватся, а ино сверхъ сего ничтоже дѣяти и протчаго по званію своему неприличнаго отнюдь не творити, но поступать во всемъ со благоговѣніемъ, благопристойно и умѣренно, такъ какъ духовный регламентъ непремѣнно исполнять повелѣваетъ, церковная же вся управлять

по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ и по нашему благословенію, а въ недоумѣваемыхъ нашего архіерейскаго разсужденія и повелѣнія ожидать должна. Жительствующія же во оной обители монахини и всѣ тому монастырю послушницы подчиненія, да пріемлютъ ю Есеирь, игуменію, яко мать свою и предводительницу, съ подобающею честію и преддостоинствомъ, и да повинуются ей яко намѣстное въ пасеніи ихъ приставничество отъ Самаго Господа чрезъ мѣрность нашу пріемшей, да предпочитаютъ же ея и слушаютъ во всемъ, яко не оной сего хотящей, но Христу рекшу ко Апостоламъ: слушай васъ, Мене слушаетъ и отгѣтается васъ, Мене отгѣтается, а отгѣтается Мене, отгѣтается пославшаго Мя. Сего ради и сущіи въ подчиненіи оной игуменьѣ да не будутъ отгѣтницы, но яко Самому Христу въ лицѣ ея повинующися послушницы, отъ Него же да обратятъ милость въ день судный; извѣстнаго же ради свидѣтельства, яко чинно и правильно сія настоятельница на степень игуменства сего нами произведена, вручися ей сія наша настольная грамота, рукою нашею написанная и печатію запечатанная въ ставропигіальномъ Воскресенскомъ Новомъ Іерусалимъ именуемомъ монастырѣ, лѣта мірозданія 7263, воплощенія же Вожія Слова 1755, мѣсяца генваря 23 дня индикта 3.

ХІІ.

Благовѣрная царевна великая княжна Марѳа Алексѣевна.

(Род. 26 августа 1652 г.; сослана въ Успенскій дѣвичій монастырь, что въ Александровской слободѣ, въ 1698 г.; пострижена въ монашество съ именемъ Маргариты 29 мая 1699 г.; скончалась іюня 19 дня 1707. года и погребена тамъ-же).

Въ 1698 году, т. е. восемь лѣтъ послѣ того какъ бывшая правительница Московскаго государства, царевна и великая княжна Софія Алексѣевна заключена была въ Новодѣвичій монастырь, въ Кремлевскомъ царскомъ теремѣ жило шесть царевенъ: престарѣлая и богомольная царевна Татьяна Михайловна († 1706 г. августа 24-го) и пять ея племянницъ, дочерей царя Алексѣя Михайловича отъ брака его съ Марією Ильиничной Милославской (*). Между ними выдавалась по своему значенію и вліянію въ

(*) Дочерей царя Алексѣя Михайловича было шесть:

1) Евдокія Алексѣевна, род. 1650 г. февраля 10 † 1712 г. мая 10.

теремъ царевна и великая княжна Марѳа Алексѣевна. Царь Петръ Алексѣевичъ былъ за границею и готовился изъ Вѣны проѣхать въ Венецію, когда получилъ извѣстіе отъ князя-кесаря Ромодановскаго, что стрѣльцы опять взбунтовались и идутъ изъ окраинъ, гдѣ были на сторожевой службѣ, къ Москвѣ. Петръ отвѣчалъ Ромодановскому: „Пишетъ ваша милость, что сѣми Ивана Михайловича (Милославскаго) ростеть, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить не можно“. За крѣпкимъ словомъ не замедлило послѣдовать также и дѣло: 26 августа 1698 г. Москва узнала, что царь наканунѣ прибылъ въ свою столицу и уѣхалъ ночевать въ Преображенское, гдѣ вскорѣ и начались допросы, розыски и казни.

Петръ самъ допросилъ обѣихъ сестеръ, замѣшанныхъ въ дѣло: Марѳу и Софію. Марѳа волей-неволей призналась, что говорила Софѣ о приходѣ на Москву стрѣльцовъ, объ ихъ желаніи видѣть ее Софью на царствѣ, но заявила, что никакого письма она не передавала стрѣльчихѣ. Софья, спрошенная про письмо, переданное стрѣльцамъ отъ ея имени, отвѣчала: „Такова письма, которое къ розыску явилось, отъ нея въ стрѣлецкіе полки не послышано. А что они стрѣльцы говорятъ, что, пришедъ было имъ къ Москвѣ, звать ее царевну по прежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она съ 190 (1682 по 1689 г.) была въ правительствѣ“.

Послѣ допроса, Софья, хотя и была оставлена на жительствѣ въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изъ ста солдатъ, но чтобы впредь никто не могъ желать ея на правительство, была пострижена въ монашество подъ именемъ Сусанны 21 октября того же 1698 года. А царевну Марѳу, которая сама призналась, что сообщила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и желаніи ихъ видѣть ее, Софью, правительницею (ея по-

2) Марѳа, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

3) Софія (въ монашествѣ Сусанна, въ смирѣ опять Софія) Алексѣевна, род. 1657 г. сентября 17, пострижена 1689 г. октября 21 † 1704 июля 3.

4) Елатерина Алексѣевна, род. 1658 г. ноября 26 † 1718 г. мая 1.

5) Марія Алексѣевна, род. 1660 г. января 18 † 1723 г. марта 9.

6) Феодосія Алексѣевна, род. 1662 г. мая 28 † 1713 г. декабря 14, погребена, какъ и сестра ея Марѳа, въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Остальныя сестры покоятся въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

стельница сверхъ того оговорила ее, что царевна Мароа будто-бы получила челобитную отъ стрѣльцовъ, и отъ нея шло письмо къ Тулѣ), отправили на жительство (въ октябрѣ же 1698 г.) въ Успенскій дѣвичій монастырь, что въ Переяславскомъ уѣздѣ въ Александровой слободѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во время опричины (1565—1582 г.) жилъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Тамъ царевна также была пострижена въ монашество съ именемъ Маргариты 29 мая 1699 года.

Инокня Маргарита Алексѣевна прожила въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 8 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 22 дня въ подвигахъ покаянія и смиренія. „Для нея только и радости было, что церковь Божія“. Она скончалась мирно и тихо 19 іюня 1707 года, на 56 году отъ рожденія. Погребена она въ монастырской усыпальницѣ, что подъ Срѣтенскою кладбищенскою церковію. Рядомъ съ ней пожелала быть погребенною и любимая сестра ея, младшая изъ нихъ, царевна Θεодосія Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ 1713 г. декабря 14 дня.

На гробницѣ царевны Маргариты слѣдующая надпись: „Въ лѣто отъ сотворенія міра 7215 года, въ лѣто же отъ воплощенія Спаса Христа Господа нашего 1707 года іюня мѣсяца въ 19 день, на память св. Апостола Луды, брата Господня по плоти, въ 12 часу дни преставися отъ маловременнаго житія сего къ безконечной жизни раба Божія, великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, дщерь его, великая государыня, благородная царевна и великая княжна монахиня Маргарита Алексѣевна, жившая въ сей обители въ монашескомъ образѣ 8 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 22 дни, а отъ рожденія всего житія ея 55 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 11 дней. При послѣднемъ же сего свѣта отшествіи, не восхотѣ, якоже достойтъ ей, въ церкви особливо положиться, но изволи и заповѣда съ любовію, смиренія ради своего, въ сей усыпальницѣ со убогими монахини во общей гробницѣ почивати до дне страшнаго пришествія Христова и общаго всѣхъ мертвыхъ воскресенія. По изволенію сестеръ ея благовѣрныхъ государынь царевенъ Маріи Алексѣевны и Θεодосіи Алексѣевны перенесены мощи благовѣрныхъ государыни царевны монахини Маргариты Алексѣевны подъ церковь Срѣтенія Господня“.

На гробницѣ царевны Θεодосіи Алексѣевны слѣдующая надпись: „Въ лѣто отъ сотворенія свѣта и отъ созданія міра 7221 году, отъ воплощенія

же Вога Слова 1713 году, мѣсяца декабря въ 14 день, на память св. мученикъ Опрса и Левкія въ 13 часу ноци въ послѣдней четверти, представися отъ маловременнаго житія сего къ безконечной жизни раба Божія великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, дочь, великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Θεодосія Алексіевна, отъ рожденія житія ея 51 годъ, 7 мѣсяцевъ и 15 дней. При послѣднемъ же сего свѣта отшествіи не восхотѣ, якоже достоятъ ей, въ церкви въ Москвѣ положитися, но изволи и заповѣда съ любовію, смиренія ради своего и малости, во убогую пустыню сію. По изволенію же ея, сестра благовѣрная государыня царевна и великая княжна Марія Алексіевна изволила привезти тѣло государыни царевны Θεодосіи Алексіевны и положи подъ церковь Срѣтенія Господня, у сестры ихъ благовѣрныхъ государыни царевны и великія княжны монахини Маргариты Алексіевны въ общей гробницѣ почивати до дне страшнаго и втораго пришествія Христова и общаго всѣхъ мертвыхъ воскресенія“.

Въ ризницѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря, кромѣ разныхъ келейныхъ вещей, принадлежавшихъ обѣимъ царевнамъ, Марѣѣ и Θεодосіи, сохранились противни (т. е. копіи) съ подлинныхъ писемъ царевны инокини Маргариты Алексѣевны, писанныхъ ею изъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря съ 1699 по 1707 г. въ Москву къ теткѣ Татьянѣ Михайловнѣ, къ сестрамъ царевнамъ Наталіи, Маріи и Θεодосіи Алексѣевнамъ и къ нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ въ правительствѣ лицъ, какъ-то къ Д. К. Нарышкину, къ князю П. И. Прозоровскому, Ѡ. Ю. Ромодановскому, графу А. И. Мушину-Пушкину. Письма эти (по содержанію своему „просительныя“) сохранились худо. Первоначально они были наклеены на картонъ, потомъ сняты съ него такъ неискусно, что почти всѣ по мѣстамъ прорваны, притомъ у однихъ недостаетъ начала, у другихъ конца, у нѣкоторыхъ боковыхъ писанныхъ полосъ. Приводя ихъ въ порядокъ, мы сдѣлали, что можно было сдѣлать для сохраненія ихъ въ пользу исторіи: ибо, не смотря на ихъ одностороннее по видимому содержанію, все-таки письма эти составляютъ единственный матеріалъ для характеристики царевны Марыи Алексѣевны, неосторожной соучастницы въ замыслахъ самой честолюбивой, но и самой даровитой и умной изъ пяти сестеръ, которыхъ царь Петръ въ

праведномъ гнѣвѣ своемъ на ихъ теремные проски называлъ „злымъ сѣменемъ Милославскаго“, прибавляя, что „окромѣ какъ крѣпостию, ничѣмъ сей огонь угасить не можно“. Противная сторона, негодуя на эту „крѣпость“ (т. е. строгость), не столько жалуется на самое наказаніе (заключеніе въ монастырѣ и насильственное постриженіе), молчаливо признавая его заслуженнымъ, сколько на ненужное уже за тѣмъ стѣсненіе, съ забвеніемъ правъ по родству и человѣчеству. Это негодованіе высказано, и довольно ясно, царевною инокинею Маргаритою Алексѣвною въ одномъ изъ ея писемъ (№ 7) къ единокровной сестрѣ царевнѣ Наталіи Алексѣвнѣ, которая пользовалась, какъ извѣстно, полнымъ расположеніемъ своего единокровнаго и одноутробнаго брата царя Петра Алексѣевича: „Вѣдь я того же отца дочь, такая же Алексѣевна!“ восклицаетъ больная царевна, жалуясь на невниманіе къ ея усиленнымъ просьбамъ о присылкѣ ей въ монастырѣ доктора; и это не вопль отчаянія, а живой голосъ лица, измученнаго разными мелкими уколами, но не потерявшаго сознанія своего царственнаго достоинства. Если и при одномъ чтеніи этотъ протестъ способенъ возбудить состраданіе къ безцѣльному (послѣ заточенія и постриженія) стѣсненію царевны, то понятно, что онъ не могъ остаться безъ вниманія со стороны ея современниковъ.

Слѣды этого вниманія и сочувствія къ судьбѣ царевны-инокини остались въ нашей древней письменности. Такъ въ книгѣ глаголемой „Описаніе російскихъ святыхъ“ (въ бывшемъ древне-хранилищѣ М. П. Погодина), въ числѣ русскихъ неканонизованныхъ церковію святыхъ упоминается и „благовѣрная царевна великая княжна Маргарита Алексѣевна, дщерь царя и великаго князя Алексѣя Михайловича“. Мѣстно (въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ) память ея и понынѣ читается служеніемъ панихидъ на ея гробницѣ. Извѣстно также, что родная ея племянница, императрица Анна Іоанновна, въ бытность свою въ Москвѣ, послала нарочнаго въ Александровскій Успенскій дѣвичій монастырѣ достать ей масла отъ неугасимой лампы, теплящейся въ монастырской усыпальницѣ надъ гробомъ царевны-инокини Маргариты Алексѣевны. Масло было доставлено ея величеству за кабинетскою печатью.

Письма царицы Мары Алексѣвны.

А. О присылкѣ ей въ монастырь доктора по случаю ея болѣзни.

1.

Свѣту моей милостивой матушкѣ, сестрицѣ родной, царевнѣ великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля и челомъ бью: многолѣтствуй, мой свѣтъ сестрица, о Господѣ Богѣ на многія лѣта. Милости у тебя, свѣтъ мой сестрица, прошу: пожалуй, радость моя, умилосердись, Господа ради, изволь отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья⁽¹⁾, ради моей великой болѣзни. А я, свѣтъ мой сестрица, отъ болѣзни зѣло изнемогаю, насилу отъ болѣзни нужды ради. . . хожу, и ѣсть ротъ не даетъ, и нѣбо все напухло, и зубы напухли, всѣ такъ напухли, что всѣхъ насилу знать, что зубы, и часъ отъ часу прибываетъ, и я того опасаясь, чтобы нѣбо не прогнило. И языкъ говорить не даетъ, зѣло косятъ. И животъ весь боленъ, что и дохнуть не даетъ; а ноги обѣ по колѣно въ рождѣ, и такъ распухли, что насилу переступаю, нужды ради. И ты, свѣтъ мой сестрица, будь такова милостива ко мнѣ, какова мать твоя милостива ко мнѣ была, Наталія Кириловна. . .⁽²⁾. Помилуй, въ таковыхъ болѣзняхъ не дай напрасною смертію умереть, аще и дохтуръ не хочеть ѣхать въ нынѣшней. . . и ты его принудь, чтобы онъ поѣхалъ. Пожалѣй и учини милость надо мною, пришли дохтура по своей милости, а онъ не хочеть меня лечить и ко мнѣ ѣздить. За симъ, свѣтъ мой, здравствуй о Господѣ Возѣ на многія лѣта.

2.

Свѣту моей милостивой сестрицѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля,

(1) Здѣсь рѣчь идетъ о сынѣ того доктора «Лаврентія Рунеберга» который упоминается въ сказаніи Адольфа Лизека о посольствѣ въ Россію отъ римскаго цесаря Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 г. По сказанію Лизека этотъ докторъ, бывшій до того уже два раза въ Москвѣ, при возвращеніи посольства въ Вѣну въ 1676 г., остался навсегда въ Москвѣ и состоялъ переводчикомъ при царѣ. Сынъ его наследовалъ профессию своего отца, и въ отличіе отъ него указывался въ письмахъ царицы «Лаврентіемъ молодымъ», т.-е. младшимъ.

(2) Царица Наталья Кириловна скончалась въ 1694 г. января 25 дня.

челомъ бью: здравствуй, свѣтъ мой сестрица, о Господѣ Возѣ на многія лѣта. Милости у тебя, свѣтъ мой сестра, прошу: пожалуй, Господа ради, умиласердися, не презри моего прошенія, изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца, а мнѣ прежняя болѣзнь. Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, не учини забвенія, о чемъ я у тебя милости прошу: изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья не помѣшкавъ; а будетъ, сестрица свѣтъ мой, изволить дохтура Лаврентья держать тетушка царевна Татіана Михайловна, своей ради болѣзни, и ты, свѣтъ мой, изволь ей побить челомъ, чтобы она изволила ко мнѣ отпустить дохтура Лаврентья молодова. . . .

3.

Государинѣ моей матушкѣ и тетушкѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Татіанѣ Михайловнѣ (1) я, племянница твоя, монахиня Маргарита, Бога моли, челомъ бью. Здравствуй, государыня тетушка, о Возѣ на многія лѣта. Милости у тебя, радость моя, государыня тетушка, прошу: пожалуй, Господа ради, умиласердися, не презри моего прошенія, изволь пожаловать приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца. Я нынѣ немогу, старая болѣзнь поднялася. Пожалуй, государыня тетушка, не учини въ забвеніи, о чемъ у тебя милости прошу: изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова, не помѣшкавъ, на два мѣсяца, того ради, что моя болѣзнь такая тяжка, и скорымъ временемъ излѣчить невозможно.

4.

Примѣчаніе. Отъ письма къ царевнамъ Марьѣ и Федосѣѣ Алексѣевнамъ уцѣлѣлъ лишь конецъ. Подъ этимъ письмомъ слѣдуетъ письмо съ просьбой о томъ же самомъ къ боярину Федору Юрьевичу Ромодановскому „ лѣчиться у другога. . . . а я того ради о немъ вѣтъ бью челомъ, что онъ къ моей болѣзни признался, и чтобъ ему у меня пожить больше, да меня полѣчить хорошенько, того ради, что моя болѣзнь такая тяжкая и скорымъ временемъ излѣчить невозможно“.

Отъ благородныя государыни царевны и великія княжны монахини

(1) Царевна Татіана Михайловна скончалась въ 1706 г. августа 24 дня.
Рим. 3-я.

Маргариты Алексѣевны князь Феодору Юрьевичу⁽¹⁾. Князь Феодоръ Юрьевичъ, отпусти ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца не помѣшкавъ; у меня старая болѣзнь поднялася. Пожалуй, Бога ради, отпусти тотчасъ, не помѣшкавъ, ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова, не ослушайся меня, а я зѣло немогу. Да еще я къ тебѣ пишу, князь Феодоръ Юрьевичъ, прикажи отпустить ко мнѣ дохтура на ямскихъ лошадахъ, а намъ по него прислать не на чемъ: лошадей нѣтъ; да и лѣкарства прикажи съ нимъ отпустить побольше, чего онъ станетъ просить.

5.

Письмо царевны къ доктору Лаврентію Ринцбергу младшему.

Пожалуй, Лаврентій Лаврентьевичъ, не учини того, что тебѣ ко мнѣ не быть и лѣчить(ся мнѣ у друго)ва: у меня пуще стало, и всю болѣзнь растрогалъ. Пожалуй, не помѣшкавъ пріѣзжай, аще отпустить, и я письмо послала къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ о тебѣ.

Примѣчаніе. Эти письма (подъ №№ 4 и 5) были отправлены съ строителемъ Успенскаго дѣвничья монастыря старцемъ Геронтіемъ, которому было притомъ поручено и лично просить царевенъ, чтобы просьба Маргариты Алексѣевны была удовлетворена. Сохранилась его отписка царевнѣ, слѣдующаго содержанія:

„Государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ монахинѣ Маргаритѣ Алексѣевнѣ строитель старецъ Геронтіи челомъ бьетъ. Подалъ государынямъ царевнамъ Марьѣ Алексѣевнѣ, и Феодосѣ Алексѣевнѣ, Наталѣ Алексѣевнѣ, о дохтурѣ билъ челомъ. Царевна Наталья Алексѣевна изволила сказать: отпускъ. . . . дохтуру, послѣ походу, изволить итти. . . . (до Пути)вли⁽²⁾. Царевны Марья Алексѣевна и Феодосья Алексѣевна сами говорили ей. . . . изволила имъ сказать: отпущу (какъ вернусь) изъ походу. Царевны

(1) Известный князь-кесарь Феодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, специально вѣданный страшный «Преображенскій Приказъ», а въ отсутствіи Петра I за границу управлявшій цѣлымъ государствомъ.

(2) Если наша догадка вѣрна, что слѣдуетъ читать: «до Путивли», то письмо это и прочія слѣдуетъ отнести къ маю мѣсяцу 1705 г., въ которомъ великая княжна Наталья Алексѣевна провожала до Путилы брата своего царя Петра Алексѣевича, отправившагося въ семь году къ войскамъ въ Полоцкъ. Русскій Архивъ 1882 г., т. III, 3.

Марья Алексѣевна и Ѳедосья Алексѣевна изволили сказать. . . . дасть Богъ здоровья, мы и сами въ великомъ посту побываемъ, . . . у дохтура“

Примѣчаніе. Такое увѣдомленіе, какъ видно, глубоко огорчило больную. Послѣдовалъ новый рядъ писемъ: къ сестрамъ Марьѣ и Ѳедосьѣ Алексѣевнамъ, къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому и къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, въ которыхъ, рядомъ съ повтореніемъ просьбы, есть и укоры, на „забвеніе и оставленіе“.

6.

Свѣты мои, матушки сестрицы, умилосердитесь Господа ради, побейте челомъ сестрѣ царевнѣ Наталіи, чтобы она отпустила дохтура, хотя бы онъ моей болѣзни посмотрѣлъ, да лѣкарства далъ. А жить не надобно, когда вашей милости не стало до меня, и я вамъ не надобна. А у меня такія болѣзни, что невозможно. . . . сказать: ноги не дадутъ и ступить, въ рожѣ; и въ животѣ рожа, а нѣбо все опухло; и цынга одолѣла, и ниже зубовъ опустилось, и языкъ становится косень, а сукровица безпрестанно изо рта идетъ, и я боюся тово, чтобы. . . .

7.

Свѣтъ моя сестрица матушка царевна Наталія Алексѣевна, за что ты такова ко мнѣ немилостива явилася? Развѣ за то, что я отъ вашей милости ушла, и я тѣмъ не виновата: хотя бы я невѣдомо гдѣ, да и я тово же отца дочь, такая же Алексѣевна. Ты изволишь сказывать: царевна не домогаетъ Евдокія (1); воистину мнѣ и самой ея жаль, и я его (дохтура) не прошу, чтобы ему у меня жить, хотя бы только пріѣхалъ, посмотрѣлъ моей болѣзни. . . .

8.

Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому.

. . . . Приказала (просить) государыни царевна монахиня Маргарита Алексѣевна: пожалуй, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, умилосердитесь. . . . отпу-

(1) Царевна Евдокія Алексѣевна скончалась 1712 г., на 63-мъ году отъ рожденія.

стите ко мнѣ дохтура, Христа ради, что отъ болѣзни изнемогаю, что чуть духъ мой держится, ноги и ступитъ не дадутъ, всё въ рожѣ, и въ животѣ рожа, и жаръ во всей, нѣбо опухло, и цынга одолѣла, и ниже зубовъ спустилось, и сукровица безпрестанно идетъ, и языкъ косенъ становится, и я того опасася, что станеть во рту. Пожалуй умилосердись, отпусти ко мнѣ дохтура, хотя бы посмотрѣлъ мою болѣзнь и лѣкарства бы далъ, чѣмъ пользоваться. И сказывааете, будто за тѣмъ его не пускаете, что сестра (больна) царевна Евдокія, и я его не задержу, только бы мнѣ онъ лѣкарства (далъ) и отъ рожи, и отъ цынги. Пожалуй, не (учини) забвенно. . . .

Примѣчаніе. Усиленные просьбы царевны взяли свое: докторъ былъ къ ней отпущенъ, по ходатайству боярина Льва Кириловича Нарышкина, какъ это видно изъ приписки царевны въ одномъ изъ писемъ къ нему (см. ниже).

Было (какъ указалъ К. Н. Тихонравовъ) благодарное письмо къ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ за присылку доктора и съ просьбою объ отпускѣ полтрети тысячи изъ столоваго запаса одновременно (а не по частямъ).

Б. Письма съ малобами на несвоевременное доставленіе запасовъ и денегъ, и на худое качество доставляемыхъ столовыхъ запасовъ.

9.

Къ царевнѣ великой княжнѣ Наталѣ Алексѣевнѣ.

. . . Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, изволь приказать въ тѣ монастыри послать, чтобы везли ко мнѣ деньги не мѣшкавъ, или изволишь приказать мнѣ отъ себя къ нимъ кого послать, что мнѣ великая нужда: ни запасу, ни денегъ; а когда и привозили мнѣ съ Москвы запасы, и все гнилое, да вонючее. И я, свѣтъ мой сестрица, какъ пришла съ Москвы, щучины и стерлядины и въ ротъ не бирала: все привозили вонючую. И окуней тоже въ ротъ не бирала: зимою привозили промерзлые, а лѣтомъ протухлые. Масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, что ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и мука затхлые. Бражки и кислыхъ штей сдѣлають, испить нельзя: все безъ питья животъ свой мучу. Да и то, сестрица, привозили все гнило, да худо, и то все во всемъ недовозы. И я къ вамъ писала, что мнѣ было ни до чево, только самой до себя; только я

вамъ била челомъ болѣзни своей ради, про дохтура, а къ ключникамъ многожды писала, а они и не глядятъ. А нынѣ, свѣтъ мой сестрица, прикажи ко мнѣ деньги отпустить не мѣшкавъ, что мнѣ великая нужда нынѣ, свѣтъ мой сестрица. И ангелъ мой былъ, Богъ вѣсть, каково мнѣ печально, да скудно было. Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, не презри моего прошенія: изволь приказать ко мнѣ отпустить деньги не помѣшкавъ, чтобы мнѣ въ скудости не быть. За симъ многолѣтствуй, радость моя, государыня сестрица, о Господѣ Возѣ на многія лѣта.

10.

Отъ благородныя государыни царевны монахини Маргариты Алексѣевны князь Ѳедору Юрьевичу почтеніе.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ. Доложи Государю, чтобы пожаловалъ изволилъ приказать послать въ тѣ монастыри грамоты, чтобы мнѣ отпустили деньги за столовые запасы полтретѣи тысячи на годъ, да чтобы мнѣ все вдругъ привозили съ году на годъ. А нынѣ мнѣ прислана грамота, съ какихъ мнѣ монастырей брать деньги, и срокъ поставленъ, какъ деньги привозить, и срокъ давно вышелъ, а денегъ ко мнѣ еще не приваживали по се время ни деньги. И мнѣ нынѣ великая нужда въ кушаньѣ, того ради что ни денегъ, ни запасовъ. А когда мнѣ и съ Москвы привозили запасы, и то все гнилое, да вонючее. И я какъ и пришла съ Москвы, щучины и стерлядины въ ротъ не бирала, окуней также въ ротъ не бирала, того ради что зимою привозили промерзлые, а лѣтомъ протухлые, масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и мука затхлы: бражки и кислыхъ штей, какъ сдѣлаютъ, испить нельзя, все безъ нитя животь свой мучу; да и то привозили все гнилое, да худое, и во всемъ недовозы, и я къ вамъ не писала, все терпѣла Бога ради, а къ ключникамъ многожды писала, а они не глядятъ...

Пожалуй, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, Бога ради, умилосердися, въ честь тебѣ бью челомъ: доложи Государю, и самъ порадѣй, чтобы мнѣ не быть во великой нуждѣ; прикажите мнѣ деньги привезть всѣ вдругъ полтретѣи тысячи, что за столовые запасы. Ей, великая нужда мнѣ нынѣ въ кушаньѣ.

11.

Такого же содержания письмо послано царевною къ боярину Льву Кириловичу Нарышкину († 1705 г.), съ припискою: „Да спасеть Богъ тебя, Левъ Кириловичъ, что отпустилъ ко мнѣ дохтура; мнѣ нынѣ тебѣ за твои труды воздать нечѣмъ, только я должна за тебя Бога молить вѣчно, и Богъ тебѣ воздастъ вся благая. За симъ здравствуй о Христѣ на вѣки“.

В. Изъ царевнамъ Татьянѣ Михайловнѣ и Маріи Алексѣевнѣ съ просьбою о ссудѣ денегъ въ займы.

12.

Свѣту моей любезной сестрицѣ благородной царевнѣ и великой княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ. Сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля, и челомъ бью: многолѣтствуй, свѣтъ мой сестрица, о Господѣ на многія лѣта. Пожалуй, Господа ради, умилосердися, одолжи, пожалуй, мнѣ въ займы до Семена дни пятьсотъ рублевъ денегъ: я тебѣ, ей, сестрица заплачу: на Семень день вею, и къ себѣ не возя, къ тебѣ взнести то что намъ выдаютъ на Семень день пятьсотъ рублевъ. Пожалуй, радость моя сестрица, ссуди меня, Господа ради, для того, что мнѣ великая нужда. А будетъ у тебя сестрица пятисотъ нѣтъ, а ты... побей челомъ тетущкѣ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, хотя пожалуйста по половинѣ меня ссудите, по полу-третьясту. Пожалуй, радость сестрица, не презри моего прошенія, ссудите меня въ сіе нужное время. У меня только и вся надежда, что на Господа Бога и на Святую Богородицу, да на ваше милосердіе. Пожалуй, радость сестрица, хотя меня симъ утѣшите въ такомъ дальнемъ разстояніи, и такъ я у васъ оставлена отъ единыхъ. За симъ, свѣтъ мой сестрица, многолѣтствуй о Христѣ на вѣки.

Примѣчаніе. Одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ (Владим. губ.) покойный К. Н. Тихонравовъ въ статьѣ своей объ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ (см. Владимирскій сборникъ, Москва, 1857 г.) передаетъ содержаніе видѣннаго имъ письма царевны Маргариты Алексѣевны къ теткѣ ея в. княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ. „Маргарита Алексѣевна, говоритъ она, пишетъ о томъ, что она въ печаляхъ своихъ и болѣзняхъ чуть жива и

просить умилосердиться пождать у нея своихъ денегъ 250 рублей до Васильева вечера; о томъ же просить и сестру свою в. к. Марію Алексѣевну, о подожданіи долга на ней Татьяны Михайловны, да просить ее доставлять деньги вдругъ полтретья тысячи на годъ за столовый запасъ, и жалуются на недостатокъ запасовъ, а именно на несвѣжую рыбу и масло порченное, солодъ и муку затхлые“.

13.

Государынѣ моей милостивой матушкѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ племянница твоя монахиня Маргарита Алексѣевна челомъ бью: многолѣтствуй, мой свѣтъ, государыня тетушка. Прошу, пожалуй, государыня, умилосердися, Господа ради, одолжи меня, пожалуй мнѣ въ займы до Семена дни пятьсотъ рублей денегъ, а тебѣ заплачу. За сию, радость моя, государыня милостивая тетушка, многолѣтствуй о Христѣ на многія лѣта.

Г. Письмо царевны Маргариты Алексѣевны къ брату царю Петру Алексѣевичу просительное и къ князю В. Ю. Ромодановскому о томъ же.

14.

... Татьянѣ Михайловнѣ, вмѣсто кушанья дворцовыхъ запасовъ, давали деньги изъ Приказу большой казны. А мнѣ, Государь, по твоему же великаго государя указу, вмѣсто кушанья дворцовыхъ запасовъ, деньги даютъ изъ Монастырскаго Приказа...

Прошу твоего величества, прикажи, Государь, послѣ тетушки государыни царевны Татьяны Михайловны деньги давать изъ Приказу большой казны; а въ тѣхъ, которыя мнѣ давали изъ Монастырскаго Приказа, какъ ты, великій государь, изволишь, для того, что они собираются съ монастырскихъ вотчинъ и присылаются ко мнѣ медленно и недружно. Вашего величества сестра царевна монахиня Маргарита Алексѣевна сентября въ.... 1706 года.

Примѣчаніе. К. Н. Тихонравовъ въ упомянутой выше статьѣ также говоритъ о письмѣ царевны Петру и приводитъ его содержаніе: „Письмо ц.

М. А. къ брату царю Петру Алексѣевичу, гдѣ просить, чтобы удостоиться видѣть пресвѣтлыя очи его и сына его царевича Алексѣя Петровича; просить также за столовныя запасы противъ сестеръ выдавать и ей изъ Большой казны деньги блаженной памяти тетушкины, а то назначенныя ей изъ Монастырскаго Приказа деньги привозать, когда 500 рублей, когда 100, къ Семенову дню несвоевременно, когда всякіе запасы дороги, и тѣ деньги присылать ей съ старцемъ Геронтіемъ. На другой сторонѣ того же отрывка письмо къ сестрѣ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ, гдѣ просить о томъ же, о чемъ и брата своего царя Петра Алексѣевича“ (нынѣ этихъ писемъ нѣтъ).

15.

Отъ благородныя государыни царевны и великія княжны Маргариты Алексѣевны. Пожалуй; князь Федоръ Юрьевичъ, послала я къ тебѣ письмо, пошли его къ Государю не мѣшкая черезъ почту; тебѣ вѣстно о чемъ къ нему Государю была челомъ, и то вѣдомо и царевнѣ.... Еще была челомъ, чтобъ мнѣ пожаловалъ деньги столовныя блаженныя памяти тетушки нашей Татьяны Михайловны изъ Большой казны Петра (1), а мнѣ за столовой запасъ денегъ (назначено) изъ Монастырскаго Приказа, и мнѣ медленно и убыточно деньги возять по пятьсотъ, а когда и сто на весь годъ, на силу къ Семенову дню; запасъ продають, а денегъ нѣтъ, а когда деньги есть, то запасовъ въ продажѣ нѣтъ.

Д. Просительныя письма къ боярамъ Алексію Ивановичу Мусину-Пушкину и князю Федору Юрьевичу Ромодановскому и къ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ.

16.

Отъ благородной царевны и великой княжны монахини Маргариты Алексѣевны боярину Ивану Алексѣевичу (2).

Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ, прикажи прислать въ Успенскій дѣвичь монастырь мастера, которой на церквахъ кресты ставить, потому что на

(1) Бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровской управлялъ въ то время Приказомъ Большаго Дворца.

(2) Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ завѣдывалъ съ 1701 года Монастырскимъ Приказомъ, который былъ возобновленъ при Петрѣ.

соборную церковь крестъ сдѣланъ новой, а нынѣ за мастеромъ остановка учинилась, а подѣ твою областію такой мастеръ есть, что на церквахъ кресты ставитъ. И ты, бояринъ Иванъ Алексѣевичъ, вышеписаннаго мастера прикажи послать не замѣшкавъ, потому что за тѣмъ остановка...

17.

Отъ благородныя государыни царевны и великой княжны монахини Маргариты Алексѣевны князь Ѳедору Юрьевичу.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, зѣло ты меня опечалилъ, что писанія моего не послушалъ. Я пекуся о церкви Божіей, того ради, что у меня только и радости, что церковь Божія, а ты мнѣ въ семъ дѣлѣ не способствовалъ, что не посвятили ни священника, ни дьякона. Я видѣть не могу что церковь Божія многожды безъ службъ бываетъ, какъ ты меня въ семъ не послушалъ, что сихъ двухъ человекъ не посвятили: дьякона Логина во священника, и дьячка Іакова въ дьяконы. Пожалуй, послушай меня, самъ сходи къ архіерею, да возвѣсти ему, чтобы онъ благословилъ посвятить сего человека Никиту во священника въ ту церковь, что я хожу, къ чудотворцу Сергію; а сей человекъ Никита смиренный и добрый и взросъ въ обители. Пожалуй, князь Ѳедоръ, послушай меня въ семъ дѣлѣ, чтобы сего человека Никиту посвятили во священника. А ты, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, о семъ не раздумывай, что будетъ изъяну священникамъ: я и всѣхъ священниковъ жалованьемъ жалую, того ради, что въ монастырѣ никакова государева жалованья не даютъ, только пожалуй.....

18.

Государыниъ моеи милостивой сестрицѣ царевнѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ сестра ваша монахиня Маргарита... и челомъ бью: здравствуй, свѣтъ мой, о Господѣ Вовѣ на многія лѣта. Милости, моя сестрица, прошу: пожалуй изволь сказать князь Ѳедору, чтобы велѣлъ сего человека Никиту во священника посвятить къ церкви къ чудотворцу Сергію, что я хожу, зѣло печально, что у моеи церкви нѣтъ священника. Пожалуй, свѣтъ мой, умилосердися, не презри моего прошенія посвятить во священника сего Никиту; человекъ онъ добрый и смиренный, взросъ въ обители. За сямъ, свѣтъ мой сестрица, здравствуй на многія лѣта.

Е. Изъ домашней переписки царевны монахини Маргариты Алексѣевны съ исполнителемъ ея порученій по хозяйству стронтелемъ Успенскаго дѣвичья монастыря старцемъ Геронтіемъ.

19.

... Монахини Маргариты Алексѣевны стронтелю старцу Геронтію.

Послала я къ тебѣ.... для покупки, и ты пригласи къ себѣ (стряпчаго) Кочугова⁽¹⁾, что онъ знаетъ, какъ покупать, чтобы купить: 10 бѣлугъ свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, непотрошенныхъ, 30 осетровъ свѣжихъ, самыхъ добрыхъ.... лососей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, стерлядей мерзлыхъ по аршину съ четвертью.... мѣры и по аршину, самыхъ добрыхъ.... а бѣлуги и осетры и стерляди чтобы.... янны, яловны; 20 лещей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, жирныхъ, 20 стерлядей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, жирныхъ, чтобы были колотыя; щукъ мерзлыхъ двѣстѣ, мѣрою по аршину; 3 пуда семги соленой, 3 пуда икры самой доброй зернистой, прѣсной, 300 пучковъ визиги бѣлужьихъ, двѣ четверти снятковъ сухихъ Псковскихъ, самыхъ добрыхъ, окуней 500 ушныхъ и одноблюдныхъ, 300 язей хорошихъ, 200 карасей одноблюдныхъ и ушныхъ, 2 пуда воску, 2 пуда меду... бѣлаго, хорошаго, да 30 тѣщъ двойныхъ, самыхъ хорошихъ, жирныхъ; 50... А послано денегъ 30 рублей. А будетъ денегъ не будетъ, и ты изъ тѣхъ денегъ прибавь, что на заказы послано; а чего не будетъ, и ты на всѣ купи, что писаны покупки. И ты все искупи вскорѣ и пришли, а въ кой часъ пріѣдетъ почта, и ты въ тотъ часъ не мѣшкаявъ сходи къ доктuru Лаврентію молодому, и ты навѣдайся подлинно, за чѣмъ не ѣдетъ, отпущенъ ли или нѣтъ. Провѣдавъ подлинно и отписавъ, про все пиши мнѣ не мѣшкаявъ; да пожалуй poradъи, сходи къ Федору Юрьевичу, чтобы пожаловалъ отпустилъ дохтура...

20.

Благородной государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ монахинѣ Маргаритѣ Алексѣевнѣ стронтель старецъ Геронтіи челомъ бѣю.

⁽¹⁾ Петръ Лукьяновичъ Кочуговъ—стряпчій Кормоваго Дворца. Его влады въ Лукьяновскую пустынь по надписи относятся къ 1693 году.

Казанскаго митрополита рыба послана твоей государской милости: бѣлужка, осетръ, сазань, а коробокъ за печатью отдаде боярину Ивану Алексѣевичу, хотѣлъ и часть то дѣло управить Вожею милостію.

Вояринъ приказалъ деньги готовить дьяку и подъячимъ. Изволь, государыня, приказать, чтобы прислали ко мнѣ Алексѣя подъячаго..... съ кѣмъ тѣ деньги считать и принять, да Гаврюху Лукьянова для сбереженія денегъ, да Семена Климова, въ выгѣшномъ числѣ не медливши.

21.

Государю моему любовному племяннику, благородному царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу тетка твоя Маргарита, Бога моля, челомъ бю. Здравствуй о Господѣ Божѣ на многія лѣта и со своимъ батюш-комъ.

Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Тверской ученой архивной Комиссіи въ 1884 г.

По разосланнымъ начальникомъ Тверской губерніи, А. Н. Сомовымъ, пригласительнымъ повѣткамъ, 22 іюня, въ 11 часовъ утра, собрались у него въ саду, для предстоявшаго открытія ученой архивной комиссіи, нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, уже извѣстныхъ своею дѣятельностію по разработкѣ мѣстныхъ древностей и статистики. Засѣданіе началось чтеніемъ циркулярнаго предложенія г. управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, коимъ сообщалось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи на основаніи преподанныхъ для того правилъ ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій⁽¹⁾, послѣ чего директоръ Археологическаго Института сенаторъ Н. В. Калачовъ выяснилъ собранію значеніе таковыхъ комиссій и имѣющихъ образоваться ихъ трудами губернскихъ историческихъ архивовъ и музеевъ. „Изъ четырехъ губерній, въ которыхъ должны первоначально открыться эти учрежденія, Тверская губернія — сказалъ онъ — занимаетъ безспорно первое мѣсто не только какъ губернія, усѣянная древностями разнаго рода, но и обладающая уже нѣсколькими выдающимися дѣятелями по приведенію ихъ въ извѣстность, описанію и собиранію“. Слова эти прямо относились къ учредителю богатаго уже своими разнородными предметами старины Тверскаго музея — управляющему Тверской Казенной Палаты А. К. Жизневскому. „Такія стремленія — продолжалъ г. Кала-

(1) См. официальные документы по учрежденію ученыхъ архивныхъ комиссій и губернскихъ историческихъ архивовъ въ 1-мъ выпускѣ «Вѣстника».

човъ — Правительство съ своей стороны не только готово поощрять, но и подаетъ имъ руку помощи съ тою цѣлью, чтобы труды частныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ получили значеніе общественное и чтобы обезпечить ихъ результаты принятіемъ ихъ подъ свою зашитю и охрану. Здѣшній музей, какъ музей мѣстный, можно назвать по истинѣ драгоцѣннымъ; но что ручается, что онъ со временемъ не погибнетъ, не растратится, не расхитится какъ погибли у насъ многіе частныя музеи, коллекціи, библіотеки, архивы? У этого музея нѣтъ дѣйствительно прочнаго, опредѣленнаго, такъ сказать, своего помѣщенія, а для собранія архивныхъ матеріаловъ и для ученой при нихъ библіотеки, необходимой для занимающихся ими посѣтителей, вовсе нѣтъ мѣста. Между тѣмъ Императорская Академія Наукъ, заботливо слѣдящая за развитіемъ въ нашемъ отечествѣ изученія древностей и готовая снабжать своими изданіями и указаніями дѣятелей по этой части, признала необходимымъ сохранять въ учреждаемыхъ въ губерніяхъ историческихъ архивахъ тѣ, заключающіе въ себѣ научныя данныя, документы, которые часто гибнутъ въ нашихъ губерніяхъ цѣлыми тысячами дѣлъ и бумагъ, оказывающихся ненужными для текущаго дѣлопроизводства или для справокъ присутственныхъ мѣстъ. За эту задачу, не смотря на вашу дѣятельность, — вы, им. г.г., еще не принимались, да и не могли приняться, потому что для этого требовалось разрѣшеніе и содѣйствіе правительства. Теперь же оно не только указываетъ вамъ на эту новую область вашихъ собираній и изысканій старины, но и поручаетъ г. Начальнику губерніи быть непремѣннымъ попечителемъ составленной изъ всѣхъ интересующихся мѣстными древностями ученой Комиссіи и оказывать ей свое содѣйствіе. При такихъ условіяхъ нельзя сомнѣваться, что труды ваши будутъ успѣшны, и слѣдовательно цѣль, предположенная правительствомъ, будетъ достигнута“.

За тѣмъ, присутствовавшіе въ собраніи приступили къ избранію предсѣдателя, правителя дѣлъ и первыхъ членовъ ученой архивной Комиссіи: въ званіе перваго избранъ единогласно, уже такъ много потрудившійся надъ собираніемъ Тверскихъ древностей — членъ Московскаго Археологическаго Общества Августъ Казиміровичъ Жизневскій, въ должность правителя дѣлъ секретарь Тверскаго статистическаго комитета — Василій Ивановичъ Покровскій, а въ члены — всѣ присутствовавшіе въ собраніи. Званіе жо помощника предсѣдателя осталось незанятымъ за отказомъ бывшихъ

въ засѣданіи членовъ балотироваться на эту должность. Избраніе въ члены ученой архивной Комиссіи дополнено еще въ засѣданіи 18 іюля однимъ членомъ и къ началу 1885 г. полный составъ ихъ былъ слѣдующій: Высокопреосвященный Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій; Преосвященный Антонинъ, епископъ Старицкій, викарій Тверской епархіи; протоіерей В. О. Владиславлевъ; священникъ В. П. Успенскій; Предсѣдатель Тверскаго Окружнаго Суда И. И. Вязковъ; директоръ Тверской классической гимназіи П. Ф. Сисовъ; старшій совѣтникъ Губернскаго Правленія В. А. Плетневъ; Предсѣдатель Тверской Губернской Земской Управы С. Д. Квашининъ-Самаринъ; Зубцовскій землевладѣлецъ Н. Д. Квашининъ-Самаринъ; Правитель канцеляріи Тверскаго Губернатора В. И. Плетневъ и бібліотекаръ Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. О. Токмаковъ.

Вышеозначенные члены архивной Комиссіи, не касаясь здѣсь ученой дѣятельности высокопреосвященнаго Саввы, знаменитаго своими палеографическими и другими трудами, еще до ея открытія заявили себя не только какъ любители мѣстной старины, но и какъ изслѣдователи древностей Тверской губерніи. Такъ предсѣдатель А. К. Жизневскій, еще въ 1876 году, напечаталъ въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства „Письма о Тверскихъ древностяхъ“; съ 1877 г. помѣщаетъ въ „Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества“ — „Описаніе Тверскаго Музея“ и тамъ же напечаталъ статьи: „Соло Пречистая Каменка, Новоторжскаго уѣзда“ и „Древній архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря“; а въ послѣднее время рассмотрѣлъ и описалъ поступившія въ Тверской Музей въ 1884 году рукописи и заготовилъ отчетъ о поступившихъ въ томъ же году въ музей археологическихъ предметахъ. — Правитель дѣлъ В. И. Покровскій въ 1879 г. составилъ „Краткій историческій очеркъ Тверской губерніи“, вошедшій въ составъ 1-го тома историко-статистическаго ея описанія. Кромѣ того г. Покровскій принялъ на себя редактированіе и приготовленіе къ печати сдѣланнаго кн. С. В. Мещерской перевода хранящихся въ Тверскомъ музеѣ писемъ Великой Княгини Екатерины Павловны, во время пребыванія ея въ Твери, къ исторіографу Карамзину и къ князю В. П. Оболенскому. — Дѣйств. членъ протоіерей Владиславлевъ напечаталъ въ мѣстныхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ рядъ ста-

тей по исторіи церквей и монастырей Тверской епархіи подъ заглавіемъ: „Историческое описаніе церквей и монастырей г. Твери“ и „Историческое описаніе церквей Тверскаго уѣзда“ и издалъ брошюру „о 1812 г. въ Тверской губерніи“ по матеріаламъ Консисторскаго архива; кромѣ того, имъ приготовляются для „Епархіальныхъ вѣдомостей“ статьи: 1) „Тверская Епархія въ 1831 году“ (холера и дѣятельность духовенства); 2) Село Городень, гдѣ прежде былъ городъ Вертязинъ или Верзинъ; 3) „Село Саватьево“, гдѣ прежде былъ значительный Саввинъ Тверской монастырь и 4) „Сказаніе объ угодникахъ Вожихъ, почивающихъ въ Тверской Епархіи“. — Членъ Коммиссіи священникъ В. П. Успенскій, начиная съ 60-хъ годовъ, помѣстилъ въ разныхъ повременныхъ мѣстныхъ изданіяхъ рядъ описаній монастырей Тверской епархіи и, кромѣ того, въ 1884 году, доставилъ въ Коммиссію три статьи: 1) „Описаніе архивовъ Ниловой пустыни и Житеннаго монастыря“, 2) „Описаніе синодика, писаннаго Нектаріемъ, архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, съ рисунками“ и 3) „Краткій очеркъ жизни, скончавшагося въ Ниловой пустыни, преосвященнаго Аарона Еропкина, епископа Корельскаго и Ладожскаго“. — Членъ Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ помѣстилъ старинную „роспись о плодахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ“ въ „Запискахъ Московскаго Общества любителей естествознанія“; въ настоящее время занятъ составленіемъ „Очерка исторіи Ржевскаго княжества“. — Членъ В. А. Плетневъ печатаетъ въ Тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ описаніе кургановъ и городищъ, а также древнихъ кладбищъ и находокъ орудій каменнаго вѣка въ уѣздахъ: Новоторжскомъ, Бѣжецкомъ и частью Весьегонскомъ. — Членъ П. Ф. Симсонъ предполагаетъ заняться составленіемъ исторической записки о столѣтіи Тверской гимназіи (1786—1886), считая началомъ этого столѣтія открытіе въ Твери народнаго училища, преобразованнаго впоследствии въ гимназію. — Членъ И. О. Токмаковъ посвящаетъ свои труды на собраніе матеріаловъ для историческаго и археологическаго описанія Тверскаго края и его достопамятностей; часть этихъ матеріаловъ уже была имъ помѣщена въ Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1883 годъ.

Давая директору Археологическаго Института отчетъ объ ученыхъ трудахъ своихъ членовъ, архивная Коммиссія сообщаетъ и о принятыхъ ею мѣрахъ, на основаніи протоколовъ ея засѣданій 18-го іюля и особенно

18-го декабря 1884 г.: 1) по приведенію въ извѣстность и описанію архивовъ Тверской губерніи и 2) по собиранію свѣдѣній о древностяхъ въ губерніи и по приобрѣтенію ихъ для Историческаго архива и Музея. По первому предмету Комиссія обратилась циркулярно ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ и учрежденіямъ въ губерніи, съ просьбою увѣдомить ее: а) съ какого времени хранятся дѣла въ архивахъ, состоящихъ въ нихъ вѣдѣніи; б) не бывали ли отъ нихъ дѣла передаваемы, и въ такомъ случаѣ кому именно и куда? и в) въ какомъ положеніи находятся эти архивы? Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія просила означенныя учрежденія и лица не уничтожать никакихъ дѣлъ безъ предварительнаго ея увѣдомленія. На основаніи доставленныхъ по этимъ требованіямъ свѣдѣній Комиссія составила и приобщила къ отчету вѣдомость объ архивахъ, находящихся въ Тверской губерніи и о состояніи ихъ. Архивы эти слѣдующіе: Духовной Консисторіи, Вышневолоцкаго Округа Путей Сообщенія, Губернскаго Правленія, 13-ти полицейскихъ Управленій, Дворянскаго Депутатскаго Собранія, Казенной Палаты и 12 Казначействъ, городскихъ Думъ и городскихъ Управъ; архивы Окружныхъ Судовъ (2-хъ) и упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ; архивы монастырскіе, соборныхъ и приходскихъ церквей, Духовной Семинаріи и Духовныхъ Училищъ. Хранящіеся въ большей части архивовъ дѣла находятся въ порядкѣ; но по времени лишь въ немногихъ архивахъ встрѣчаются документы ранѣе XVIII столѣтія. Изъ числа означенныхъ архивовъ, одинъ уже описанъ и къ описанію еще трехъ — приступлено. Именно: предсѣдатель А. К. Жызневскій, при участіи Вл. П. Успенскаго, описалъ древній архивъ Краснохолмскаго Никольско-Антоніева монастыря и рукописи Тверскаго Музея въ числѣ 2,144 номеровъ. В. А. Плетневъ принялъ на себя трудъ разработать, при участіи особой комиссіи, архивъ Тверскаго Губернскаго Правленія: въ 1884 г. ими уже разобрано 4,328 дѣлъ, изъ коихъ предназначено къ храненію 1,670 дѣлъ и 2,568 къ уничтоженію. Протоіерей Владиславлевъ разработалъ хранящіеся въ архивѣ Казенной Палаты книги и документы, касающіеся монастырскихъ вотчинъ въ Тверской губерніи съ первой четверти XVI-го до конца XVII вѣка и результаты своего изслѣдованія изложилъ въ особой запискѣ, представленной имъ въ Комиссію. Изъ числа дѣлъ Казенной же Палаты,

И. Ф. Сиссонъ разсмотрѣлъ 80 дѣлъ и призналъ ихъ имѣющими историческое значеніе.

Что касается втораго пункта — собранія свѣдѣній о древностяхъ въ губерніи, хранящихся у частныхъ лицъ и пріобрѣтенія ихъ для Архива и Музея, то Комиссія помѣстила о томъ публикацію въ январѣ 1885 года въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Кромя того, Тверской Музей, печатая ежегодно отчеты о своихъ пріобрѣтеніяхъ, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы приглашать просвѣщенныхъ любителей старины къ пожертвованіямъ въ Музей тѣхъ или другихъ рукописей или документовъ, а также къ сообщенію о нихъ свѣдѣній. Къ тому же особо приглашены были приходскіе священники, волостныя начальства и мѣстная полиція. Съ особою просьбою позаботиться о сохраненіи семейныхъ дворянскихъ архивовъ отъ уничтоженія, председатель Комиссіи обращался къ гг. предводителямъ дворянства и двое изъ нихъ: Кашиинскій — В. П. Кисловской и Калязинскій — Н. Н. Стромилловъ — доставили: первый 211 столбцовъ изъ фамильныхъ бумагъ Кафтыревыхъ и Григорьевыхъ (бумаги эти пожертвованы Н. А. Кафтыревымъ въ собственность Тверскому Музею), а второй 8 столбцовъ изъ фамильныхъ бумагъ Тулубьевыхъ (пожертвованныхъ также въ собственность музею С. А. Шатиловымъ). Эти бумаги относятся къ XVI и XVII вѣку и описаны г. Жизневскимъ. Есть при нихъ нѣсколько весьма интересныхъ документовъ: таковы, наприимѣръ: грамота (въ копіи) царя Ивана Васильевича 1580 г. іюня 19 въ Торопецъ „о сыскѣ про воровство ямчужныхъ цѣловальниковъ“; списокъ съ грамоты царя Владислава въ Торопецъ отъ 17 декабря 1610 г. воеводѣ Чеглокову о убіеніи въ Калугѣ самозванца и о томъ, что многіе города бьютъ ему, Владиславу, челомя съ повинною; дневникъ Крымскаго похода, совершеннаго бояриномъ и воеводою Алексѣемъ Семеновичемъ Шеннымъ съ Новгородскимъ полкомъ при царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ; а изъ фамильныхъ бумагъ Тулубьевыхъ „Наказъ 1654 г., данный по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича дворянину Максиму Тулубьеву, о приведеніи къ вѣрѣ городовъ Переяславскаго полка, по случаю принятія въ русское подданство Малороссіи“. Далѣе, особеннаго вниманія заслуживаетъ составленное, по просьбѣ А. К. Жизневскаго, намѣстникомъ Калязинскаго монастыря описаніе хранящейся въ монастырѣ лицевой псалтыри, пожертвованной царскимъ конюшимъ Иваномъ Годуновымъ въ 1602 году 29 авгу-

ста; псалтырь эта замѣчательна по своимъ изящнымъ, художественнымъ миниатюрамъ. Нельзя не упомянуть и объ интересныхъ материалахъ относящихся къ исторіи Тверской губерніи, сообщенныхъ И. О. Токмаковымъ (въ числѣ 21 номеровъ) въ копіяхъ при его докладѣ архивной Комиссіи; здѣсь есть акты XV, XVI, XVII и XVIII столѣтій; „краткое описаніе Тверской губерніи“, списанное съ рукописи Г. Ф. Миллера, на нѣмецкомъ языкѣ, имъ же составленное „Родословіе князей Тверскихъ съ половины XIII вѣка до конца XV“; „Историческія свѣдѣнія о г. Твери съ 1486 г.“ и планы, карты и чертежи разныхъ мѣстностей.

Не довольствуясь всѣми означенными пріобрѣтеніями для Тверскаго Историческаго архива, А. К. Жизневскій задался еще прекрасною мыслію образовать при этомъ архивѣ отдѣлъ писцовыхъ книгъ Тверской губерніи. Основаніемъ послужили хранящіеся въ Тверскомъ Музеѣ писцовыя книги, какихъ, сколько извѣстно, нѣтъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, а именно: списки съ писцовой книги волости Удомельской (Вышневолоцкаго уѣзда) и съ писцовой книги (1583 г.) Вѣжецкой пятины волости Лукинской и Никифоровской Хиѣлева, Егорьевскаго погоста; сотная съ писцовыхъ книгъ г. Вѣжеца (1625 г.); подлинная переписная книга Вѣжецкаго уѣзда (1709 г.) и города Вѣжецкаго - Верха (1710 г.); наконецъ подлинная выпись 1628 — 29 г. съ писцовыхъ книгъ с. Веси-Егонской съ деревнями. Къ этимъ книгамъ А. К. Жизневскій предложилъ архивной Комиссіи присоединить переписанныя подъ его наблюденіемъ копіи со списковъ писцовыхъ книгъ г. Твери 1625 — 1626 г. и 1685 — 1686 г., объ копіи съ алфавитнымъ указателемъ, составленнымъ С. И. Колосовымъ.

Весьма важнымъ пособіемъ для занятій рукописями образовавшагося такимъ образомъ писцоваго архива служатъ, имѣющіеся въ Твери — Публичная Библіотека и мѣстный Музей. Библіотека существуетъ здѣсь съ 1860 года, состоитъ въ вѣдѣніи города и поддерживается городскими средствами. Помѣщеніе ея очень удобно, какъ для книгъ, такъ и для читающей публики. По ея каталогамъ (коихъ два) до 1877 г. въ ней значатся 4,720 названій книгъ, не считая массы періодическихъ изданій. По каждой отрасли науки и особенно по исторіи и археологіи здѣсь можно найти много капитальныхъ сочиненій и притомъ большею частію новѣй-

нихъ. Но уже и при самомъ Историческомъ архивѣ возникла библіотека, необходимая для будущихъ въ неѣ занятій. Началомъ ея послужили присланныя ей въ даръ изданія директора Археологическаго Института Н. В. Калачова, изданія самого Института и нѣкоторыя изданія Императорской Академіи Наукъ. Комиссія обратилась, кромѣ того, и въ другія историческія и археологическія общества а также въ Комиссію Археологическую и Археографическую съ просьбою оказать ей содѣйствіе снабженіемъ ея, для ученыхъ ея работъ, своими изданіями. Что касается до мѣстнаго Музея, то онъ состоитъ при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, но помѣщается въ зданіи губернской гимназіи. Онъ существуетъ съ 1866 года и предназначенъ для храненія въ неѣ образцовъ земледѣльческой, фабричной, заводской и ремесленной производительности Тверской губерніи; далѣе образцовъ естественныхъ произведеній царствъ—минеральнаго, растительнаго и животнаго, а также предметовъ и матеріаловъ относящихся до этнографіи и археологіи Тверской губерніи. По части археологіи музей сталъ обогащаться лишь съ 1872 г., но тѣмъ не менѣе въ неѣ уже имѣются 2,144 рукописи и 2,450 предмета, изъ числа коихъ въ одномъ 1884 году поступило 245 рукописей и 433 предмета. Изъ числа такихъ древностей нѣкоторыя имѣютъ весьма важное значеніе, какъ напр. большой каменный крестъ, найденный въ 1879 году въ Осташковскомъ уѣздѣ, съ слѣдующею надписью, относящеюся къ 1133 году: „(Лѣт)о 6641 (т. е. 1133) мѣся июля 14 днь почяхъ рыти рѣк(у) сю язъ Иванко Павловиць і крестъ съ поставихъ“. Это второй по древности намятникъ съ обозначеніемъ года и надписью послѣ Тмутараканскаго камня (1068 г.). См. его описаніе, сдѣланное г. Жизневскимъ въ „Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества“, т. VIII, стр. 179 — 183. Впрочемъ археологическія богатства Тверской губерніи, на которыя могутъ рассчитывать члены архивной Комиссіи, какъ скоро они примутся за описаніе мѣстныхъ древностей и за самостоятельныя раскопки сохранившихся въ губерніи кургановъ, указаны весьма удовлетворительно въ сочиненіяхъ и статьяхъ г. Борзаконскаго, графа Уварова, Европеуса и Плетнева⁽¹⁾. Съ предме-

(1) Борзаконскаго: «Исторія Тверскаго Княжества»; графа Уварова: «Меряне и ихъ бытъ»; Европеуса: «О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецкаго, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ»; Плетнева: «Описаніе кургановъ, городищъ и древнихъ кладбищъ Тверской губ.».

товъ же находящихся въ церквахъ и монастыряхъ Тверской губерніи, которые не могутъ поступить въ Музей, дѣлаются фотографическіе снимки и А. Б. Жизневскій уже составилъ обширный альбомъ такихъ снимковъ. Между прочимъ въ декабрѣ прошлаго года присланы г. Жизневскимъ въ Археологическій Институтъ на имя Н. В. Калачова фотографическіе снимки съ 3-хъ листовъ Евангелія, хранящагося въ Тверскомъ кафедральномъ соборѣ; оно писано въ Твери въ 1417 году при Тверскомъ В. К. Иванѣ Михайловичѣ, какъ значится на послѣднемъ его листѣ, съ котораго и присланъ фотографическій снимокъ: „Сіе Евангеліе списано бысть въ богоспасаемѣи и преславнѣи градѣ Тѣери въ дому великаго Спаса при благовѣрномъ и благочестивомъ и христолюбивомъ великомъ князи Иванѣ Михайловичѣ повелѣніемъ гдна преосвященнаго Еппа Антонія Тѣфръскаго написана рукою многогрѣшнаго раба божія дьяка Иліи. Въ лѣто 6925 (1417) г. индикта 1 мца мая въ 31..... на память святаго Апостола Андроника. Слава всевидцю Свершителю Богу совершающему всяко начинаніе. Аминь“. Эта рукопись, помимо своей древности, замѣчательна также красивыми заставками и заглавными буквами. На сколько Тверской Музей возбуждаетъ интересъ въ обществѣ, показываетъ число его посѣтителей, которое въ 1884 году простиралось до 9624 человекъ; при этомъ большой процентъ падаетъ на крестьянъ, которые въ воскресные дни (отъ 12 до 2 час.) сотнями приходятъ осматривать Музей.

Останавливаясь на этихъ данныхъ, такъ много говорящихъ въ пользу результатовъ, какихъ можно ожидать отъ дѣятельности Тверской ученой архивной Комиссіи, мы не можемъ обойти невольно представляющагося вопроса: гдѣ же будутъ помѣщаться эти такъ быстро накаплиющіяся богатства Тверскаго Историческаго архива и при немъ Музея? Увы, этотъ вопросъ составляетъ настоящее *riim desiderium* не только членовъ самой Комиссіи, но и Археологическаго Института. Съ самаго открытія своихъ засѣданій, которыя происходятъ пока въ квартирѣ г. Жизневскаго, члены архивной Комиссіи не перестаютъ интересоваться своимъ будущимъ помѣщеніемъ. Обративъ вниманіе на небольшое зданіе бывшаго мѣстнаго рабочаго дома, Комиссія стала ходатайствовать въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ объ уступкѣ ей этого зданія. Министерство удовлетворило такое ходатайство, но затѣмъ возникло новое затрудненіе: зданіе ра-

бочаго дома въ настоящемъ своемъ видѣ не только недостаточно для помѣщенія въ немъ Историческаго архива съ Музеемъ, но уже тотчасъ требуетъ ремонта и необходимыхъ приспособленій; почему члены Комиссіи обратились въ Археологическій Институтъ съ просьбою объ исходатайствованіи имъ на этотъ предметъ 400 рублей. По мнѣнію же г. Калачова, испрашиваемая сумма (которую онъ вполне надѣется добыть для Комиссіи)⁽¹⁾ если и удовлетворитъ самой настоятельной потребности, но все еще будетъ далеко недостаточна для надлежащаго устройства Историческаго архива; необходимо еще нѣсколько тысячъ для увеличенія настоящаго одноэтажнаго зданія и для возведенія впоследствии втораго надъ нимъ этажа, и вотъ почетнымъ членамъ Археологическаго Института, такъ горячо сочувствующимъ сохраненію въ отечествѣ древностей и устройству его архивовъ, предстоитъ благодарная задача принять на себя такой расходъ. Пріятно думать, что какъ всѣ бывшія до сихъ поръ предпріятія Археологическаго Института на общественную пользу ему удавались, такъ и это воззваніе не будетъ тщетно....

Слушатель, кандидатъ Историко-

Филологическаго Института П. Шафрановъ.

⁽¹⁾ Въ счетъ ея Археологическимъ Институтомъ уже отправлено въ Тверскую архивную Комиссію двѣсти рублей. П. Калачовъ.

Возобновленіе зданій древняго Кремля въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, и учрежденіе музея мѣстныхъ древностей.

Въ рядъ событій, какъ знаменательныхъ для любителей и почитателей отечественной старины, такъ и существенно полезныхъ для археологій, мы смѣло можемъ занести на страницы настоящаго изданія 28-е октября 1883 г. и 28-е же октября 1884 г. Въ эти дни совершились въ г. Ростовѣ (Ярослав. губ.) торжественныя освященіе и открытіе вновь возстановленныхъ и реставрированныхъ кремлевскихъ зданій: „Бѣлой Палаты“, церкви Григорьевскаго монастыря — „Затвора“ и „Княжскихъ Теремовъ“.

Помянутыя зданія принадлежатъ къ XVII в. Они возобновлены вполне изначо, и, по указаніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, по возможности, въ прежнемъ ихъ видѣ. Въ „Бѣлой Палатѣ“, кромѣ того, открыты для публки съ 28 октября 1883 года музей мѣстныхъ церковныхъ и другихъ древностей съ библіотекою.

Открытая въ 1883 году „Бѣлая Палата“ находится въ Ростовскомъ Кремлѣ между бывшимъ архіерейскимъ домомъ, отремонтированнымъ въ 1880 г. подъ духовное училище, и теремами Ростовскихъ удѣльныхъ князей. Постройка зданія „Бѣлой Палаты“, а быть можетъ только перестройка онаго, относится ко второй половинѣ XVII вѣка и принадлежитъ бывшему Ростовскому митрополиту Іонѣ Сысоевичу⁽¹⁾. Палата служила трапезною для монашествующей и прочей служащей братіи митрополичьяго дома. Съ перенесеніемъ въ 1787 г. архіерейской кафедрѣ изъ Ростова въ

(1) Посвященъ въ Ростовскіе митрополиты патриархомъ Никономъ въ лѣто 7160-е.

Ярославль зданіе „*Бѣлой Палаты*“ было заброшено и въ теченіи сталѣтъ пришло въ разрушеніе. Въ настоящее время возобновленный второй этажъ зданія Палаты вмѣщаетъ въ себѣ двѣ залы: одну, средней величины, примыкающую къ Спасской, что на Сѣвѣхъ, церкви, по прежнему названію „*Отдаточная Палата*“, и другую, бывшую трапезной, подѣ названіемъ „*Бѣлой Палаты*“. Последняя имѣетъ 72 кв. сажени и поражаетъ своею обширностью, а въ особенности высотой; по архитектурѣ она напоминаетъ Московскую Грановитую Палату и не менѣе ея величественна.

Церковь бывшего Григорьевскаго монастыря „*Замора*“, переходы отъ церкви въ „*Бѣлую Палату*“ и „*Княжіе Терема*“, возобновленные къ 28 октября 1884 года, — раздѣляли за послѣдніе сто лѣтъ ту же участь, что и зданіе „*Бѣлой Палаты*“, т. е. подверглись почти полному разрушенію.

Картина этого бывшего запустѣнія и разрушенія Ростовскаго Кремля столь печальна, что тяжело о ней распространяться. Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ тѣмъ, что представлялъ Ростовскій Кремль до 1861 и даже до 1883 года, и что онъ такое теперь, рекомендуемъ прочесть двѣ очень обстоятельныя и подробныя статьи г. *Орлова*, помѣщенныя въ неофициальной части Ярославскихъ губ. вѣдомостей за 1884 годъ, въ № 66, подѣ заглавіемъ „*Бѣлая Палата въ городѣ Ростовѣ, Ярославской губерніи*“ и въ № 84 — „*О возобновленіи древнихъ зданій Ростовскаго Кремля*“, а также два печатные протокола бывшихъ въ Ростовѣ 28 октября 1883 и 1884 годовъ торжественныхъ собраній, по случаю освященія возобновленныхъ зданій.

Мы же ограничимся краткимъ указаніемъ на важность возобновленныхъ храма и теремовъ по отношенію къ соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ и преданіямъ.

Церковь бывшего Григорьевскаго монастыря — „*Замора*“ была первоначально построена еще въ XIV в. Ростовскимъ епископомъ Игнатіемъ⁽¹⁾ въ бывшей обители Св. Григорія Богослова. Обитель эта была разсадникомъ церковныхъ учителей и знатоковъ греческаго языка; въ ней былъ

(1) Поставленъ на Ростовскую епископскую кафедру св. Алексѣемъ митрополитомъ въ 6864-е лѣто.

послушникомъ знаменитый просвѣтитель Пермской Земли Св. Стефанъ; въ ней переводилъ онъ священныя книги на Пермскій языкъ; въ ней же получилъ онъ и санъ іеродіакона.

Древній соборный храмъ обители былъ деревянный и слѣдовъ его, какъ пишетъ въ своей статьѣ г. Орловъ, не осталось. Каменный храмъ, нынѣ возстановленный и изящно реставрированный, постройки позднѣйшей, а именно онъ построенъ тѣмъ же митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ во второй половинѣ XVII вѣка.

Въ „*Княжихъ - Теремахъ*“ при святителѣ Дмитріѣ Ростовскомъ помѣщалось трехклассное духовное училище, о которомъ, какъ извѣстно, митрополитъ особенно радѣлъ. Время основанія „*Княжихъ - теремовъ*“, по замѣчанію г. Орлова, неизвѣстно; по характеру же и особенностямъ постройки зданіе это представляется весьма древнимъ и быть можетъ современно Ростовскимъ удѣльнымъ князьямъ.

Терема соединяются съ „*Отдаточною Палатою*“ глухою каменною галлереею и размѣщены въ двухъ-этажномъ домѣ. Въ верхнемъ этажѣ 4 комнаты и одна небольшая свѣтлая зала надъ воротами кремлевской стѣны.

Возобновленіе описанныхъ зданій съ устройствомъ музея совершилось въ какихъ нибудь полтора года, совершилось по почину частныхъ лицъ съ благословенія мѣстнаго архипастыря высокопреосвященнаго архіепископа Іоаннаана и при просвѣщенномъ содѣйствіи мѣстнаго губернатора Владимира Дмитріевича Левшина, и, что самое знаменательное, — исключительно на средства частныхъ благотворителей и преимущественно изъ мѣстныхъ крестьянъ, горожанъ, купцовъ и дворянъ. Ревность и быстрота, по истинѣ, изумительныя, которыя мы можемъ объяснить только горячею любовью и искреннимъ уваженіемъ мѣстныхъ нашихъ земляковъ къ ихъ родной старинѣ и къ широкому, какъ вполнѣ вѣрно выразился одинъ изъ ораторовъ на бывшихъ въ Ростовѣ торжествахъ, пониманію со стороны руководителей мѣстныхъ горожанъ *духовныхъ потребностей нашего времени*.

При этомъ невольно воспоминается рѣчь Е. В. Барсова, привѣтствовавшего 28 октября 1884 г. ревнителей настоящаго благаго дѣла отъ имени Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. „Вы, милостивые государи“, сказалъ, между прочимъ, Е. В. Барсовъ, — „вправѣ ждать отъ насъ, прежде всего, слова бла-

годарности за совершенный вами подвигъ по возстановленію дорогихъ для всего отечества святынь Ростова. Въ одинъ годъ — и сдѣлать такъ много и при томъ на жертвы частныхъ лицъ, безъ поддержки государственной казны, были въ силахъ только *историческое пониманіе, любовь и энергія*. Не забудутъ вашихъ трудовъ и вашихъ жертвъ грядущія поколѣнія Ростовской земли, когда научатся они понимать самихъ себя. Не забудетъ васъ Русское общество, когда оно выростетъ до потребности историческаго самопознанія. Не забудетъ васъ никогда историческая наука, потому что она живетъ и дышетъ свидѣтельствами исторіи, и чѣмъ они драгоцѣннѣе, тѣмъ выше ея благодарность“!

Кого же благодарить? Чей починъ, чья жертва, кто трудился, кто руководилъ? Вотъ вопросы, которые сами напрашиваются и отвѣчать на которые мы считаемъ для себя пріятною задачею.

Изъ всего, что было до сихъ поръ въ печати заявлено о ходѣ возобновленія Ростовскаго Кремля, изъ личнаго осмотра работъ въ самое время разгара ихъ и изъ личныхъ бесѣдъ съ свидѣтелями трудовъ и заботъ ревнителей о Ростовской старинѣ для насъ несомнѣнно слѣдующее.

Самый энергическій и по послѣдствіямъ своимъ самый плодотворный толчекъ благому дѣлу былъ данъ въ 1880 году. Вотъ что по этому предмету сообщилъ въ своей рѣчи, произнесенной 28 октября 1883 г., дѣйствительный членъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ членъ и секретарь Комиссіи по возобновленію „*Бѣлой Палаты*“ А. А. Титовъ. 28 октября 1880 г., при открытіи въ Ростовѣ Дмитріевскаго духовнаго училища, г. Титовъ, въ качествѣ предсѣдателя мѣстной земской управы, сопровождалъ губернатора Вл. Дл. Левшина при обзорѣнн развалинъ Ростовскаго кремля. Жалкую картину разрушенія представляла тогда „*Бѣлая Палата*“. Въ нее было трудно войти, вездѣ былъ мусоръ; въ „*Отдѣлочной Палатѣ*“ оба свода, и верхній и нижній, почти совсѣмъ провалились. Во время этого осмотра, губернаторъ, узнавъ отъ г. Титова, что уроженцы г. Ростова, томскіе потомственные почетные граждане братья Евграфъ и Всеволодъ Ивановичи *Королевы* пожертвовали три тысячи рублей на отстройку земской больницы, предложилъ г. Титову снестись съ жертвователями, на тотъ конецъ, не пожелаютъ ли они возстановить зданіе „*Бѣлой Палаты*“. Королевы выразили полную

готовность и съ ихъ пожертвованія свыше шести тысячъ рублей дѣло о возобновленіи Палаты пошло въ ходъ и столь быстро и успѣшно, что съ начала 1883 г. уже приступлено было къ работамъ. Тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо думать, что вплоть до 1880 года Ростовскіе горожане оставались вполне равнодушными къ постепенному разрушенію мѣстнаго древняго Кремля и въ особенности къ запустѣнію святыхъ кремлевскихъ храмовъ. Еще въ 60-хъ годахъ Ростовскій купеческій сынъ Иванъ Ивановичъ *Храниловъ*, при помощи Д. М. *Плещанова* и М. А. *Хлебникова* возстановили въ Кремлѣ четыре церкви: Воскресенья Христова, Смоленской Божіей Матери Одигитріи, Всемилостиваго Спаса, что на Свѣтѣхъ, и Апостола Іоанна Богослова. Затѣмъ Ив. Ив. Храниловъ, сдѣланный ктиторомъ возстановленныхъ церквей, имѣлъ намѣреніе реставрировать и прочія Кремлевскія здапія, и, въ видахъ предохраненія ихъ отъ дальнѣйшей порчи, позаботился покрыть нѣкоторые изъ нихъ крышами и оштукатурить часть ихъ наружныхъ стѣнъ. Смерть однако помѣшала Хранилову привести въ исполненіе задуманное имъ намѣреніе. Затѣмъ въ 1880 г., при денежномъ участіи города Ростова, возстановленъ архіерейскій домъ, въ которомъ жилъ нѣкогда Святитель Димитрій. Домъ этотъ былъ приспособленъ къ помѣщенію въ немъ духовнаго училища. Кромѣ того, еще гораздо ранѣе, а именно въ 1848 г., обнаружился порывъ Ростовскихъ горожанъ къ возстановленію „*Княжизъ - Теремовъ*“. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ данныхъ, чтобы ярче выставить условія, при которыхъ выразился этотъ порывъ. Намъ извѣстно только, что для возобновленія теремовъ была открыта подписка, по которой и было собрано 2,110 руб. Деньги эти хранились безъ употребленія сначала въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, а потомъ въ Государственномъ Банкѣ и съ наростшими процентами возрасли до суммы 4,900 руб. Обнаруженіе этой суммы и ея истребованіе опять не обошлось безъ энергической дѣятельности мѣстнаго губернатора В. Д. *Левшина*.

Возстановленіе Ростовскихъ кремлевскихъ здапій и образованіе мѣстнаго музея древностей обошлось около 20 тысячъ рублей, не считая пожертвованій вещами и уступокъ подрядчиковъ, принявшихъ на себя каменные, штукатурныя, столярныя и малярныя работы.

Первыми и по суммамъ наиболѣе важными жертвователями мы должны

поставить вышеупомянутых братьевъ Евграфа и Всеволода Ивановичей *Королевыхъ*, Всеволода и Капитона Александровичей *Мамлиныхъ*, Алексѣя Леонтьевича *Кекина*, крестьянина Ростовскаго уѣзда Звѣринцевской волости Ивана Алексѣевича *Рулсва*, почетную гражданку Елисавету Дмитриевну *Мамлину* и *А. А. Соловьева*. О музеѣ наиболѣе порадили Ростовскій уѣздный предводитель дворянства Дмитрій Александровичъ *Булатовъ*, купцы *Корзинкины* и братья *Королевы*. Въ спискахъ жертвователей мы встрѣчаемъ также: *А. П. Селиванова*, *Н. А. Ксенева*, Московскихъ гражданъ: *А. М. Попова*, *В. Д. Кошмина*, *И. С. Титова* и *А. И. Лыжина*, Ростовскаго купца *П. А. Галанина* и другихъ.

Работами по возстановленію и реставрированію зданій занималась особая Коммиссія подъ предсѣдательствомъ губернатора. Въ составъ Коммиссіи въ разное время входили: Иванъ Александровичъ *Вахрамеевъ*, Дмитрій Александровичъ *Булатовъ*, Иванъ Александровичъ *Шляковъ*, бывшій Ростовскій городскій голова *Е. Н. Хомяковъ*, *А. А. Титовъ*, *Н. О. Орловъ*, *А. П. Селивановъ* и священникъ отецъ *Василій Мансветовъ*. Высокопреосвященный Иоаннаанъ состоялъ все время почетнымъ членомъ Коммиссіи.

Со стороны Императорскаго Московскаго археологическаго общества руководителями и пособниками были: покойный графъ *А. С. Уваровъ*, вице-предсѣдатель общества *В. Е. Румянцовъ*, архитекторы: *А. П. Поповъ*, *В. И. Сизовъ* и *Иосифъ*. Не мало пользы было оказано Коммиссіи и Ярославскимъ губернскимъ архитекторомъ *И. Ф. Яровицкимъ*.

Влагодаря перечисленнымъ выше начинателямъ дѣла, жертвователямъ, распорядителямъ и руководителямъ, мы, въ настоящее время, имѣемъ нѣсколько новыхъ памятниковъ гражданскаго и церковнаго зодчества второй половины XVII вѣка и мѣстный музей церковныхъ древностей съ собраніемъ древнихъ рукописей и книгъ, касающихся исторіи Ростово - Суздальской земли.

Это-ли не существенный вкладъ въ науку отечественнаго бытописанія и археологіи? Не менѣе важно и то, что благому примѣру гор. Ростова, быть можетъ, послѣдуютъ и другіе мѣстные историческіе центры нашего сложнаго и обширнаго, но по духу народному единого православнаго отечества. Какъ бы ни были сравнительно богаты историческими данными наши центральные склады Москвы и С.-Петербурга, они уже только потому, что

центральные на всю Россію, а слѣдовательно и общіе, — не могутъ вызывать того горячаго сочувствія и заботъ, которыми пользуются мѣстные склады или музеи отъ мѣстныхъ собственно жителей. Въ такомъ однако сочувствіи и въ такихъ заботахъ лежатъ залогъ полноты и цѣлесобразности историческихъ музеевъ. По глубокому нашему убѣжденію, всякій историческій памятникъ долженъ прежде всего послужить къ освѣщенію данныхъ болѣе конкретныхъ, касающихся извѣстнаго лица, извѣстной семьи, рода, мѣстности, народа и эпохи, а затѣмъ уже такой памятникъ, сливаясь съ однородными ему по содержанію, формѣ или времени, вступаетъ въ роль матеріальной единицы или одного изъ показателей для разрѣшенія вопросовъ уже болѣе общихъ, касающихся исторіи цѣлой страны, ея народа и государства. Отсюда не только полезны, но существенно необходимы мѣстные музеи. Появленіе такого новаго музея мы и привѣтствуемъ.

Новый этотъ мѣстный историческій музей намъ удалось посѣтить въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1884 г., и уже тогда по описи значилось въ немъ не много менѣе 1000 нумеровъ, причеъ нерѣдко за однимъ нумеромъ были показаны цѣлыя коллекціи. Основу предметнаго музея составляютъ коллекціи, пожертвованныя въ него Ростовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства г. *Булатовымъ*, и церковная утварь, доставленная изъ церковей Ярославской епархіи по распоряженію мѣстнаго владыки, разрушившаго всѣ древніе церковные предметы, не употребляемые уже болѣе въ богослуженіи, хранить не при церквахъ, а доставлять ихъ въ музей «*Бѣлой Папаты*».

Музей имѣетъ три отдѣла: церковныхъ предметовъ, рукописей и книгъ и нумизматики.

Въ первомъ отдѣлѣ мы видѣли не мало древнихъ антиминсовъ, ковчеговъ, дарохранилищъ деревянныхъ и металлическихъ, крестовъ, лампадъ, подсвѣчниковъ, хоругвей, вѣнцовъ, священническихъ фелоній древняго покроя изъ самыхъ простыхъ тканей, иконъ древняго греческаго письма и т. п.

Въ археографическомъ отдѣлѣ, по даннымъ упоминаемыхъ выше статей г. Орлова, заслуживаютъ особаго вниманія: древле - славянская псалтырь Симоновская 1280 г.; евангеліе на престольное 1575 г.; требникъ 1646 г.; книга дѣяній Апостольскихъ 1653 г.; Уложеніе царя Алексѣя

Михайловича, въ рукописи XVII в. и келейный лѣтописецъ святителя Дмитрія XVIII вѣка.

Музей посѣщается публикою весьма усердно: съ 1-го по 20-е февраля сего года, какъ видно изъ № 4 Ярославскихъ губ. вѣдомостей за текущій 1885 г. — музей посѣтили 4144 человекъ, или среднїй числомъ по 200 въ день. Наибольшее число посѣтителей пало на 17-е февраля — воскресенье; ихъ было 1100 человекъ. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что періодъ времени съ 1 — 20 февраля совпалъ съ ежегодно бываемою въ Ростовѣ ярмаркою.

Быстрое возникновеніе музея, вызванный имъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ и преподаваніе сему музею Святѣйшимъ Синодомъ особаго Устава — даютъ намъ право предполагать, что дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе Ростовскаго музея болѣе или менѣе упрочены. Уставъ музея при семъ прилагается.

Заканчивая настоящій краткій очеркъ, мы позволяемъ себя выразить наше желаніе, чтобы Ростовскій историческій музей, все болѣе и болѣе обогащаясь предметами, не забывалъ-бы при посредствѣ періодически печатаемыхъ систематическихъ каталоговъ или описей знакомить публику съ хранящимися въ немъ историческими данными и матеріалами.

Уроженецъ г. Ярославля Н. Н. Селифонтовъ.

24-го марта 1885 г.

Утвержденъ Св. Синодомъ 9-го января и 8-го февраля 1885 г.

УСТАВЪ

Ростовскаго музея церковныхъ древностей.

1. Ростовскій музей церковныхъ древностей, помѣщающійся въ Бѣлой Палатѣ и Княжихъ Термахъ Кремля, состоитъ подъ покровительствомъ Пресвященнаго Ярославскаго.

Примѣчаніе. Потомственные почетные граждане Всеволодъ и Евграфъ Ивановичи Королевы состоятъ пожизненно почетными попечителями музея.

2. Музей собираетъ и хранитъ предметы древне-русскаго церковнаго зодчества и служитъ цѣлямъ Братства Св. Дмитрія Ростовскаго, наложеннымъ въ Уставѣ Братства.

3. Музей состоитъ подъ наблюденіемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

4. Непосредственное управленіе музеемъ поручается Комитету, подъ предсѣдательствомъ Ярославскаго губернатора, изъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, проживающихъ въ гг. Ростовѣ и Ярославлѣ.

5. Комитетъ приглашаетъ къ участію въ своихъ трудахъ и другихъ лицъ, съ званіемъ членовъ почетныхъ и членовъ сотрудниковъ, выбираетъ изъ среды своей товарища предсѣдателя, секретаря, казначея и хранителя музея на общихъ основаніяхъ.

6. Комитетъ можетъ, съ разрѣшенія преосвященнаго и губернатора, устроить публичныя засѣданія и научныя чтенія о мѣстныхъ церковныхъ и гражданскихъ древностяхъ.

Татарскій шлемъ, найденный на Куликовомъ полѣ, принесенный въ даръ Музею Археологическаго Института Н. А. Ивнскимъ.

Давно уже Куликово поле служитъ неизсякаемымъ рудникомъ древностей, конечно почти исключительно принадлежащихъ къ предметамъ военнаго вооруженія древней Россіи и тѣхъ народовъ которые подъ начальствомъ „темника“ (1) Мамаи принимали участіе въ знаменитой битвѣ 8 сентября 1380 года. Тѣмъ не менѣе предметовъ древности, найденныхъ на Куликовомъ полѣ весьма не много въ нашихъ музеяхъ. Этотъ, странный съ перваго взгляда, фактъ объясняется тѣмъ, что изъ оружія, найденнаго на мѣстѣ Куликовской битвы крестьянами близлежащихъ деревень только очень малая часть поступаетъ въ руки археологовъ, большая же часть его или теряется, переходя отъ одного невѣжественнаго владѣльца къ другому, или же передѣлывается крестьянами въ предметы домашней утвари и, слѣдовательно, также погибаетъ для науки. Тѣмъ болѣе поэтому для насъ должны быть драгоценны тѣ немногія древности Куликова поля, которыя, часто обязанныя своимъ сохраненіемъ только счастливому случаю, достигаютъ наконецъ древлехранилища государственнаго или частнаго, гдѣ ихъ существованіе не подвергается опасности и гдѣ онѣ могутъ историкъ и археологу доставить матеріалъ для изученія. Такимъ, счастливо уцѣлѣвшимъ отъ истребленія, памятникомъ „Мамаева побоища“ является въ настоящемъ случаѣ прекрасно сохранившійся, кромѣ, впрочемъ, надписей, татарскій шлемъ, отысканный на Куликовомъ полѣ и пожертвованный И. А. Ивнскимъ въ нашъ Институтъ. По формѣ своей онъ принадлежитъ къ „мисюркамъ“ или мисюрскимъ шапкамъ, роду шлемовъ, состоящихъ изъ желѣзнаго блюдечка, болѣе или менѣе плоскаго, покрывающаго верхъ головы, у котораго вокругъ краевъ привѣшена кольчуга,

(1) Русское слово темникъ есть испорченное татарское выраженіе **تومان باشلی** начальникъ десяти тысячъ воиновъ.

спускающаяся на лобъ и на шею, для закрытія ихъ отъ ударовъ. Предполагаютъ, что шлемы эти перешли въ Россію изъ Египта, называющагося у арабовъ *эль мисръ* *المصر* и что отъ этого слова произошло самое названіе мисюрки. Кольчуга мисюрки называлась *бармицей*, уменьшительнымъ отъ *бармы*. Происхожденіе послѣдняго слова такъ же не вполне выяснено. Оленинъ⁽¹⁾ производитъ его отъ греческаго *πάρμη*⁽²⁾ (лат. *parma*) — щитъ, или отъ персидскаго *برم* *берме* — защита. Другіе производятъ сл. *барма* отъ греч. *βάρμηα*⁽³⁾ — тяжесть, вѣсъ. Но такъ какъ большая часть названій предметовъ вооруженія и одежды въ древней Руси была взята изъ арабскаго языка (частью черезъ посредство татаръ во время ихъ ига, а частью прямо отъ арабовъ во времена торговли съ ними волжскихъ славянъ) то мы вправѣ и въ этомъ случаѣ предполагать арабскій этимонъ для слова *бармы*. Такой этимонъ можно видѣть въ араб. реченіи *برام* *барамъ* = „*pars materiae quae torquetur in funem*“⁽⁴⁾.

Бармица на нашей мисюркѣ склепана „на гвоздь“ по техническому выраженію старинныхъ описей оружія, то есть каждое кольцо свернуто изъ короткой проволоки, съ однимъ расплюснутымъ концемъ, имѣющимъ дырочку, въ которую пропущенъ другой конецъ ея, заостренный и загнутый подъ прямымъ угломъ, а затѣмъ, чтобы предупредить возможность разрыва кольца, заклепанный въ дырчкѣ. Иногда встрѣчаются старинныя русскія кольчуги склепанныя на два гвоздя, но это бываетъ только на очень тяжелыхъ броняхъ съ большими кольцами. Наша бармица, какъ многія ей подобныя, имѣетъ самую толстую кольчугу на томъ мѣстѣ, гдѣ приходился затылокъ воина ее носившаго.

Тѣмъ не менѣе, на этой части ея замѣтны двѣ дыры, одна въ полвершка, другая въ четверть вершка въ діаметрѣ, повидимому, сдѣланныя

(1) Рязанскіе древности, стр. 18.

(2) См. объ этомъ родѣ щитовъ соч. Н. Dodwell'я: *De parma equestri Woodwardiana dissertatio*. Oxonii, 1743. 8°.

(3) $\sqrt{\text{bar}}$, *bar*, выражающій идею тяжести, давшій въ санскр. *bhārgan* — ноша, тяжесть, въ зенд. *bageman* (съ эпенет. *e*), въ слав. *Бремлѣ*.

(4) *Freitag: Lexic. arab. -lat. ed. mei*. Т. I стр. 114 кол. 2. Существительныя разнаго рода, происшедшія отъ глагола *برم* (крутить, свертывать) всѣ обозначаютъ въ арабск. яз. предметы, сдѣланные изъ чего либо свернутого, носимые на различныхъ частяхъ тѣла въ видѣ ободка. Такъ напр. *بريم* *баримъ* 1) веревочка, которую женщины носятъ на рукѣ или въ видѣ пояса, 2) амулетъ для дѣтей противъ глазной болѣзни. 3) Кольцо у алжирцевъ (*Dozy: Suppl. aux dict. arabes* т. I стр. 78 кол. 1). Глаголъ *برم* встрѣчается, какъ заимствованный изъ арабскаго языка, и въ еврейскомъ языкѣ *בְּרַמַּ*

острымъ колющимъ оружіемъ въ родѣ чекана или зирра-бука, употреблявшагося для ломанія колець лансырей. Около обѣихъ дыръ кольчуга заржавѣла, можетъ быть отъ крови, если воинъ былъ убитъ или раненъ черезъ эти два отверстія. Самую тонкую броню представляютъ концы бармицы, запахивавшіеся на груди сверхъ латы или кольчуги и потому не дѣлавшіеся изъ толстыхъ колець.

Діаметръ мисюрки $3\frac{5}{8}$ верш., длина бармицы $9\frac{1}{4}$ верш., съ боковъ и сзади, и $2\frac{1}{8}$ верш. на лбу. На этомъ мѣстѣ она „пушена мѣдью“ параллельными вертикальными полосами; привязана она къ мисюркѣ латунной проволокой, очевидно уже послѣ того какъ найдена была на Куликовомъ полѣ.

Съ паружной стороны мисюрка параллельными кругами, наведенными золотомъ, раздѣлена на два поля, въ которыхъ золотомъ же, хотя нѣсколько бѣловатаго цвѣта, указывающаго на серебряную лигатуру, вписаны легенды. Шрифтъ ихъ арабскій—*несхи*—довольно правильный и красивый, на сколько это можно заключить изъ тѣхъ, вполнину уничтоженныхъ ржавчиною буквъ, которыя еще можно видѣть въ верхней строкѣ, окружавшей репей съ еловцемъ или кольцо, вырваннаго изъ мисюрки, вѣроятно во время сраженія и оставившія небольшую дыру. Верхняя строка почему то сохранилась нѣсколько лучше нижней, поэтому я и началъ съ нея дешифровку.

Такъ какъ надписи, находящіяся на восточномъ оружіи обыкновенно заключаютъ стихи изъ корана, то я старался примѣнить для прочтенія ихъ тотъ способъ, который часто въ эпиграфій и въ нумизматикѣ даетъ прекрасные результаты, а именно, способъ чтенія а ргіогі, состоящій въ предварительномъ предположеніи, на основаніи разныхъ умозаключеній, о содержащемся въ надписи раньше ея прочтенія и, затѣмъ уже, въ провѣркѣ своего предположеннаго чтенія посредствомъ дешифровки самой надписи.

Предположительно разобравъ одно какое либо слово въ верхней надписи мисюрки, какъ болѣе явственно видной чѣмъ нижняя, я старался подыскать въ коранѣ фразу, которой оно принадлежало бы, если бы надпись составляла цитату изъ этой книги ⁽¹⁾. Но, не смотря ни на какія усилія,

(1) Для этого я пользовался литографированнымъ трудомъ Мирзы Каземъ Бека «Полный кодексъ корана», содержащій весь арабскій текстъ его, въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ употребленныхъ въ немъ словъ.

старанія мои остались тщетны, можетъ быть потому, что надписи на мисюркѣ, въ противность обыкновенію, не взяты изъ корана, а можетъ быть и вслѣдствіе того, что онѣ, весьма мало сохранившіяся вообще, по отсутствію, такъ называемыхъ, діакритическихъ точекъ, а также и по нарушенной ржавчиною связи между ними, не могли быть вѣрно мною прочтены.

Все что можно заключить изъ надписей нашей мисюрки, это то, что языкъ ихъ арабскій, на что указываютъ оканчивающія фразу въ верхней строкѣ слова *كمل له*. Нижняя строка, раздѣленная тремя арабесковыми украшеніями на три части и еще гораздо хуже сохранившаяся чѣмъ верхняя, представляетъ однако же слѣды вокализации, которой, повидимому, совсѣмъ не было въ верхней надписи. Единственное слово, не представляющее сомнѣнія въ чтеніи на нижней строкѣ это *جلل*, но о значеніи его трудно что либо сказать положительнаго по отсутствію самой фразы, къ которой это слово принадлежитъ. По всей вѣроятности, это, написанное съ довольно часто встрѣчающимся на эниграфическихъ памятникахъ опущеніемъ *эмифа* — удлинненія, собственное имя Джелалъ ед-динъ *جلال الدين*.

Дѣйствительный членъ А. Марковъ.

Царскія врата церкви села Монастырщины близъ Куликова поля.

Помѣстивъ въ предыдущей статьѣ описаніе шлема, найденнаго на Куликовомъ полѣ, Редакторъ Археологическаго Вѣстника считаетъ вполне умѣстнымъ познакомить его читателей съ другою, священною притомъ, древностью, уцѣлѣвшею не только въ мѣстности близъ Куликова поля, но, по преданію, даже присланною для церкви находящагося близъ него села Монастырщины великому князю Дмитрію Донскому Св. Сергіемъ Радонежскимъ. Эта древность — Царскія врата означенной церкви, найденныя случайно графомъ А. В. Олсуфьевымъ и доставленныя имъ зимою прошлаго года въ Петербургъ, чтобы придѣлать къ нимъ соотвѣтствующій иконостасъ. Послѣдній исполненъ нынѣ, въ древнемъ стилѣ, гражданскимъ инженеромъ Н. В. Султановымъ и Государю Императору благоудно было пожертвовать его въ упомянутую церковь.

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя сообщаетъ пока г. Султановъ какъ о дверяхъ, имъ реставрированныхъ, такъ и объ изготовленномъ по его проекту иконостасѣ съ соотвѣтствующими имъ иконами. „Двери — говоритъ онъ — представляютъ собою гладкую, мелкую, по липовому дереву, византійскаго характера рѣзьбу, которая, по своей тонкости и древности, превосходитъ все, что сохранилось въ нашихъ музеяхъ по этой части. Самый иконостасъ, въ виду небольшихъ размѣровъ придѣла, для котораго онъ предназначенъ (всего 5 арш. въ ширину), а также простоты, свойственной иконостасамъ той эпохи, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: а) по срединѣ — древнія Царскія врата съ аркой или такъ называемымъ „тѣломъ“ и карнизомъ („коруной“) на верху; направо — копія съ образа Спасителя, кото-

рымъ, по преданію, Св. Сергій благословилъ Дмитрія на битву съ Мамаемъ; налѣво — копія съ иконы Донской Божіей Матери; надъ иконою Спасителя — главная праздничная икона — Рождество Богородицы; надъ иконою Богоматери — копія съ иконы Св. Сергія, которая находится въ Троицкой Лаврѣ и представляетъ древнѣйшее изображеніе этого угодника; направо и налѣво отъ мѣстныхъ иконъ — сѣверныя и южныя двери съ изображеніями архангеловъ Михаила и Гавріила. На царскихъ вратахъ въ кіотцахъ — Евангелисты и Благовѣщеніе; надъ ними — Св. Троица, причащеніе подъ обоими видами и Денесусъ. Изображеніе Евангелистовъ и Иисуса Христа въ Денесусъ — копія съ миниатюръ рукописнаго Евангелія XIV — XV вѣка Императорской Публичной бібліотеки; всѣ остальные — копія съ древнихъ иконъ христіанскаго музея Академіи Художествъ⁴.

Литовскія языческія божества.

Помѣщаемая ниже легенда записана по моей просьбѣ въ Волковышскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи тамошнимъ приходскимъ учителемъ *Н. Л. Кречинскимъ* и любезно доставлена мнѣ. Почтенный г. Кречинскій, издавна мнѣ извѣстный — русскій человекъ по происхожденію, прожилъ всю свою 60-ти лѣтнюю жизнь среди Литовцевъ, основательно изучилъ ихъ языкъ и напечаталъ въ Вильнѣ, въ различныхъ изданіяхъ Виленскаго Учебнаго Округа, нѣсколько любопытныхъ сказаній и извѣстій, касающихся Литовскаго племени.

Сообщаемая легенда, интересная по своему содержанію, важна для насъ и въ томъ отношеніи, что сохраняется до сихъ поръ въ народной памяти *здѣшнихъ* (Сувалкскихъ) Литовцевъ, почти совсѣмъ позабывшихъ свои народныя преданія и легенды, свою старину, въ печальную противоположность своимъ единоплеменнымъ собратіямъ, Жмудинамъ. Проживая въ 60-ти годахъ въ центрѣ Святой Жмуди въ г. Тельшахъ, Ковенской губерніи, я имѣлъ возможность убѣдиться, что среди тамошняго населенія рѣзко сохранились слѣды прежней его жизни, не утратилась память о прошломъ: тамъ безъ большаго труда можно было собрать нѣсколько любопытныхъ легендъ и народныхъ пѣсенъ, подмѣтить много чисто мѣстныхъ обычаевъ, бытовыхъ и юридическихъ. Совсѣмъ не то представляетъ здѣшнее литовское населеніе. Не говоря уже о Литовцахъ, попавшихъ въ Пруссію и насквозь опѣмеченныхъ, даже и здѣсь, въ губерніи Сувалкской, гдѣ, не смотря на многолѣтнее давленіе со стороны Польши, литовскій народъ говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, все-таки онъ почти совсѣмъ утратилъ все

старинное, литовское, позабылъ свои народныя обычаи и преданія, не поетъ болѣе своихъ народныхъ пѣсенъ. Исключенія составляютъ только не совсѣмъ еще забытыя здѣсь позднѣйшія „кантычки“ — пѣсни религіознаго содержанія, — здѣсь рѣдко, весьма рѣдко удается — и то по какой нибудь счастливой случайности — услышать и записать какую нибудь народную пѣсню или преданіе, подмѣтить какой нибудь народный обычай, здѣсь скудна добыча для археолога и этнографа. Тѣмъ болѣе благодарны мы почтенному старинному сослуживцу нашему г. Кречинскому за доставленіе этой легенды.

Поч. членъ В. Лялинъ.

Суваляки.

I.

Лаумесъ, Лаздона, Крумыне, Лайма.

Слѣдующіе разсказы удалось мнѣ собрать объ этихъ божествахъ. Это были молодыя дѣвушки, обитательницы лѣсовъ, а чаще кустарниковъ, откуда назывались *Лаздона*, *Крумыне* (отъ слова *лаздинасъ* — орѣховый кустъ и *крумасъ* — густой кустарникъ) — шалуньи и плутовки предосудительнаго поведенія, относившіяся недружелюбно къ человѣческому роду. Онѣ обыкновенно подкарауливали въ лѣсу молодыхъ мужчинъ и соблазнили ихъ; тѣ, не имѣя возможности противостоять ихъ прелестямъ, предавались съ ними чувственнымъ удовольствіямъ, послѣ чего эти лѣсныя камеліи хватили за руки и за ноги блѣднаго и истощеннаго ихъ сладострастіемъ юношу (*яумыкисъ бернайтисъ*), качали его въ воздухъ и щекотали нерѣдко до смерти, если же онъ, послѣ этого удовольствія, оставался въ живыхъ, отпускали его домой. Иногда пробирались онѣ въ хаты деревенскихъ жителей черезъ отверстія въ дверяхъ, особенно черезъ дыру, оставшуюся послѣ выпавшаго сука, отыскивали прялки и пряжу (*верталасъ*), пряли на нихъ и портили нитки, предаваясь своимъ шалостямъ, или садились за станокъ — *стаклесъ*, и путали приготовленныя для тканья на немъ нити. Если этотъ шумъ будилъ хозяина или хозяйку, которые начинали честить ненужныхъ посѣтительницъ ругательствами и проклятіями, онѣ уничтожали и пряжу и то, что было приготовлено на станкѣ и убирались во свояси. Су-

щества эти, по своимъ дѣйствию, сходны съ *Аудромъ*, о которомъ будетъ сказано ниже. Случалось иногда осмотрительному земледѣльцу поймать одну, двѣ, или нѣсколько такихъ лѣсныхъ дѣвушекъ. Для достиженія этого онъ поступалъ такимъ образомъ. Ожидая посѣщенія ихъ, онъ дѣлалъ гвоздь изъ ольховаго дерева, прятался въ сѣняхъ — *премыне* — и ожидалъ ихъ прихода; лишь только являлись онѣ, онъ впускалъ ихъ черезъ отверстіе въ дверяхъ въ избу и потомъ затыкалъ это отверстіе крѣпко-накрѣпко приготовленнымъ гвоздемъ; если не находили дыры въ окошкѣ, пойманныя, такимъ образомъ, *лаумесъ* или наказывались за всѣ свои предъидущія шалости и безобразія ударами рябиновой вѣтки, или, что случалось чаще, задабривались просьбами и подарками дабы напредъ не вредили. Слѣды того мнѣнія между Литовцами, что Лаумесъ, имѣя мужей или любовниковъ, похищенныхъ изъ числа прохожихъ по лѣсной дорогѣ, имѣли иногда дѣтей, которыхъ сейчасъ же послѣ рожденія давили или бросали въ огонь, проявляются въ особенной пляскѣ, сопровождаемой пѣніемъ, которую удалось мнѣ видѣть на крестьянскихъ свадьбахъ. Отрывокъ изъ словъ пѣсни привожу здѣсь. Пляска эта совершается слѣдующимъ образомъ: толпа дѣвушекъ взявшись за руки устраиваетъ хороводъ и весело кружится подъ подходящую музыку; одна изъ дѣвушекъ, одѣтая въ платье стараго покроя замужней женщины, съ полузавязанными глазами, въ мужской бараньей шапкѣ⁽¹⁾ и съ бѣлымъ полотнянымъ платкомъ (*райшитисъ*) въ рукѣ, въ раздумьи пертится внутри круга. Всѣ дѣвушки, составляющія кругъ, начинаютъ съ акомпаниментомъ скрипокъ пѣть вѣстѣ слѣдующія слова:

Лауме! Лауме! Куръ надѣйя вироць?
Лауме! Лауме! Куръ надѣйя вироць?

Въ то время когда начинается эта пѣсня, находящаяся въ кругу дѣвушка останавливается, снимаетъ шапку, преклоняется къ землѣ, громко плачетъ (*рауда*) и стряхиваетъ слезы въ шапку, послѣ чего начинаетъ ходить кругомъ, пока не прекратится пѣніе, затѣмъ, не пережѣвля положенія, отвѣчаетъ жалобно затыгивая:

Виронъ маріой нускондынау.
Ырь каладѣ ужритынау. (2 раза).

(1) Шапка съ широкимъ сѣрымъ бараньимъ околышемъ, съ большою на веру кистью.

Дѣвушки хоромъ продолжаютъ:

Скенскъ иръ пати драугѣ.

Скенскъ иръ пати драугѣ!

Вслѣдъ затѣмъ *Лаума* гордо приподнимается, отдергиваетъ повязку съ глазъ, надѣваетъ шапку и, подбоченясь, съ насмѣшливымъ видомъ пляшетъ и поетъ:

Ашъ пати не скенсю̀

Сава бродинъ лейсю. (2 раза).

Дѣв. Лауме, Лауме, куръ падѣй вайкусь?

Лау. Вайкусь сава пагавау,

Ыръ по печяусъ пашавау.

Дѣв. Линскъ иръ пати драугѣ. (2 раза).

Лау. Ашъ пати не линсю̀,

Сава сесеринъ лейсю!

Вотъ почти подстрочный переводъ этихъ пѣсенъ:

Дѣв. Лауме, Лауме, куда упрятала ты мужа?

Лауме. Въ волнахъ моря погрузила,

Тяжкимъ камнемъ придавила.

Дѣв. Утопай съ нимъ вмѣстѣ.

Лауме. Утонать не хочу,

А лучше брата пошлю.

Д. Лауме, Лауме, куда ты спрятала дѣтей?

Л. Я дѣтей собрала⁽¹⁾

И въ огнѣ ихъ сожгла⁽²⁾

Д. Ступай⁽³⁾ же вмѣстѣ туда

Л. Съ ними вмѣстѣ не пойду,

Но сестру свою сведу,⁽⁴⁾ и т. д.

Литовскія понятія объ этихъ лѣсныхъ дѣвахъ имѣютъ много общаго

(1) Ближайшій переводъ: сватила.

(2) Въ печь бросила

(3) Полезай.

(4) Пошлю.

съ Русскими и Малороссійскими представленіями о русалкахъ. Иногда *Лаумы* являлись, согласно нѣкоторымъ Литовскимъ рассказамъ, въ видѣ дикихъ козъ (*стырна*), которыя похищали у матерей грудныхъ младенцевъ мужскаго пола, уносили ихъ въ лѣса и питали тамъ молокомъ собственныхъ сосцевъ. Поэтому нѣкоторыя окаменѣлости, находящіяся на берегахъ рѣкъ въ пескѣ, извѣстныя въ естественной исторіи подѣ названіемъ *белемитовъ*, которыя по формѣ походятъ на козьи сосцы, на Литовскомъ языкѣ носятъ названіе — *Лаумесъ папай* ⁽¹⁾. Въ духѣ тѣхъ же понятій *Лаумы* мучили ѣздой лошадей, поэтому если находятъ утромъ измученную лошадь, говорятъ: *Лаумѣ іонъ, рейкѣ шарконъ арклининке пакабинты* (пакарты) — *Лауме ѣздитъ, слѣдуетъ повѣсить въ конюшнѣ сороку*. Причина же этого обстоятельства очевидна — дурной присмотръ или болѣзнь лошади, а иногда ночныя шалости батраковъ. Одно насѣкомое изъ семейства перепончатокрылыхъ — *Libellula depressa* носитъ слѣдующее названіе на Литовскомъ языкѣ — *Лаумесъ жиргасъ* (жиргасъ — верховая лошадь).

Извѣстная конская болѣзнь, въ которой лошадь сильно потѣетъ и дрожитъ, приписывается на Жмуди *Лаумѣ*, а на Литвѣ прямо чорту, которые въ ночное время ѣздить на ней верхомъ. Для излеченія этой болѣзни поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ конюшнѣ съ вечера зажигаютъ восковую свѣчу, освященную въ день Срѣтенія (Громницы), 2 февраля, и опрокидываютъ надъ нею новый глиняной горшекъ. Хозяинъ лошади съ вечера спрятавшись сидитъ въ конюшнѣ вблизи горшка, подѣ которымъ горитъ свѣча, вооружившись рябиною палкою. Какъ только лошадь станетъ топтать ногами, онъ поднимаетъ горшекъ и на лошади является какое-то существо: не то котъ, не то медвѣдь, не то пѣтухъ, что то неопредѣленное, какъ и слѣдуетъ быть сыну тьмы и врагу рода человѣческаго. И тутъ начинается расправа съ чортомъ за даровую ѣзду. Черта бьютъ рябиною палкою, считая за каждый ударомъ — разъ, разъ, разъ... Но если бьющій, забывши, скажетъ два, то чортъ въ одинъ моментъ исчезаетъ, оставляя сильный запахъ сѣры.

Слѣды божества *Лауме* остались на Жмуди до настоящаго времени.

(1) Сосцы *Лаумы*.

Въ Тельшевскомъ уѣздѣ, въ Сядскомъ приходѣ, вблизи исторической горы — *Лука Кална* ⁽¹⁾, есть мѣстность называемая Лауме. Нѣкто Урбановичъ, владѣлецъ участка земли въ этой мѣстности, рассказывалъ мнѣ, что у него захворала лошадь и онъ замѣтилъ, что лошадь ночью страшно потѣла. Не смотря на всѣ употребляемыя имъ средства, лошадь не выздоравливала. Онъ, по совѣту сосѣдей, повѣсилъ въ конюшнѣ убитую сороку, но это средство только облегчило болѣзнь, а лошадь все-таки потѣла и тощала. Наконецъ, какой то нищій носовѣтовалъ ему поискать въ конюшнѣ, нѣтъ ли тамъ въ стѣнѣ или потолокѣ бревна, съ котораго въ лѣсу еще на пнѣ содрана была кора. Урбановичъ дѣйствительно нашелъ такое бревно и выбросилъ, и лошадь выздоровѣла ⁽²⁾. Все вышесказанное убѣждаетъ насъ, что *Лауме* не есть названіе передѣланное изъ *Лайма*, какъ думали Крашевскій и Нарбутъ. *Лайма*—слово употребляемое и до сихъ поръ въ Литовской рѣчи, въ переводѣ означаетъ счастье, прибыль, судьбу, поэтому говорятъ: *Лаймею жасеіоклее* — повозло мнѣ въ рыбной ловлѣ. Быть можетъ *Лайма* было божество счастья, впрочемъ не случилось мнѣ замѣтить никакого преданія объ этомъ, кромя пословицы, находящейся въ общемъ употребленіи на Жмуди: *Тейнъ лайме леме* — такъ судилъ рокъ (такъ хотѣла судьба).

II.

Жальтисъ ⁽³⁾, Гивайтосъ ⁽⁴⁾, Раупеме ⁽⁵⁾.

Лѣтописцы ошибочно называютъ *Гивайтосъ* почитаемыхъ когда-то въ Литвѣ ужей; *Гивате*, напротивъ, означаетъ ядовитыхъ змѣй (*Coluber*, *Berus*, *Vipera*), которыхъ, принимая въ расчетъ ихъ ядовитыя свойства, всегда ненавидѣли, хотя въ настоящее время ихъ, въ сушеномъ видѣ, употребляютъ какъ испытанное лекарство при воспалительной опухоли, которой страдаютъ лошади и рогатый скотъ. На западной сторонѣ Европы почти нѣтъ настоящихъ ужей, между тѣмъ какъ ядовитыхъ змѣй чрезвычайно большое количество. Мнѣ извѣстно нѣсколько разновидностей:

(1) Есть преданіе, что на этой горѣ былъ городъ, о чемъ собраны мною свидѣнія.

(2) Быть можетъ въ этомъ бревнѣ гнѣздились наѣкомы, которыми, забившись въ шерсть лошади, мучили ее.

(3) Ужъ. — (4) Змѣя. — (5) Жаба.

небольшая кирпичнаго цвѣта, серебристая, желто-сѣрая и бархатисто-черная, при томъ разсказываютъ еще о совершенно бѣлой небольшой тонкой змѣѣ, которую чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить и которая водится въ скотныхъ сараяхъ, въ конюшняхъ. Я припоминаю, что подобную змѣю мнѣ случилось видѣть въ Вилейскомъ уѣздѣ въ виѣннѣ Храпачовѣ, бывшемъ когда-то старосты Лопацинскаго, а въ настоящее время принадлежащемъ Ржевускимъ: змѣя была непельнаго цвѣта и убита въ конюшнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы, на Полѣсьѣ и въ Малороссіи неприкосновенно сохраняютъ водяныхъ ужей (*Coluber natris*), которые водятся въ плотинахъ и старыхъ строеніяхъ. На Жмуди о домашнихъ ужахъ я слышалъ слѣдующій разсказъ: это были уродливыеужи, похожіе на ящерицы: они имѣли большую голову, неуклюжее, бородавчатое грязно-зеленое туловище съ четырьмя когтистыми ногами и длиннымъ хвостомъ. Они до того свыкались со своими хозяевами, что безопасно валялись на столахъ и ѣли молоко вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми. Вмѣстѣ съ ними водворялось счастье въ домѣ⁽¹⁾, почему бить или убивать ихъ значило накликать бѣду и даже внезапную смерть обитателямъ дома. Подобное представленіе вида этихъ домашнихъ гадовъ произошло, по всей вѣроятности, по поводу большаго количества ящерицъ, пресмыкающихся вблизи домовъ, въ особенности построенныхъ недалеко отъ лѣса. А можетъ быть съ ящерицами на Жмуди случилось тоже, что съ Василискомъ (*Lucerta Basiliscus*) и Дракономъ (*Lucerta draco*), мирными обитателями Азіи и Африки: необузданная фантазія поэтовъ создала изъ нихъ чудовищныя существа съ равно чудовищными свойствами. Не благопріятствовалъ ли въ доисторическія времена климатъ на Жмуди размноженію крокодиловъ, которые впоследствии при другихъ климатическихъ условіяхъ и усиленномъ народонаселеніи перевелись, равно какъ бобры, слѣды которыхъ остались въ названіи рѣки *Бабрума*; послѣдній бобръ, по разсказамъ старожиловъ, лѣтъ тому назадъ 80, убитъ въ рѣкѣ Вырвѣтѣ, при впаденіи оной въ рѣку Венту. Впрочемъ нельзя сглѣо отвергать существованія въ то отдаленное доисторическое время оставшихся въ преданіи четвероногихъ ужей, въ подтвержденіе чего присовокуплю, что въ 1871 г. въ г. Тельшахъ, на берегу озера Мастисъ, вблизи бани мѣ-

(1) Ужи не терпятъ шума—въ которомъ домѣ постоянныя ссоры и драки, отсюда они уходятъ.

щанина Мончинскаго, вода выбросила еще живаго четвероногаго ужа грязно-зеленаго цвѣта; былъ-ли онъ прямой потомокъ обожаемыхъ языческою Жмудью ужей или только игра природы, — трудно рѣшить. Нужно прибавить, что мѣстность по ту сторону озера отъ г. Тельши состоитъ изъ кочковатой болотистой трясины, совершенно удобной къ размноженію всякаго рода гадовъ.

Рупуже. Стояъ жабы подъ стѣною и поломъ, особенно передъ дождемъ, послужилъ, многимъ легковѣрнымъ, средствомъ многихъ таинственныхъ, часто бессмысленныхъ предсказаній. Ее ненавидятъ и питаютъ къ ней отвращеніе, впрочемъ также какъ и вышеозначенную ядовитую змѣю высушенную употребляютъ какъ лекарство противъ тѣхъ же болѣзней, а въ особенности противъ паршей на головѣ⁽¹⁾.

О почитаніи божества *Рупуже* Нарбутъ позаимствовалъ свѣдѣнія изъ одной хроникѣ. Трудно рѣшить чѣмъ могло столь безобразное, отвратительное, безвредное, всѣми ненавидимое и неприносившее въ то время никакой пользы⁽²⁾ животное заслужить божескія почести.

III.

Гардеольдісѣ, Пѣргрубсѣ, Курхо, Пѣрдоите, Пѣрдоитусѣ, Юдиме, Эжеринисѣ.

Для изображенія божества водъ литовскіе мифологи придумали различныя названія. По Ласицкому литовское божество водъ называлось *Гардозлесѣ*, по Нарбуту: *Гардозольдісѣ*, *Пѣрдоитѣ*, *Пѣрдоитусѣ*, *Юдиме*, *Атримпосѣ*, *Атимпѣ*, *Андрасѣ* (*Аудрасѣ*), *Патримпасѣ*, *Атронасѣ*, *Эжеринисѣ* и проч. По тому же писателю, жрецами божества водъ были языческіе духовные *синоотты*⁽³⁾. Ни одно изъ упомянутыхъ наименованій не относится къ названію божества водъ. Если же у жмудиновъ было

⁽¹⁾ Безобразіе жабы послужило Жмудинамъ ругательнымъ эпитетомъ. Нельзя ничѣмъ такъ оскорбить Жмудина, какъ назвавъ его *рупуже* — жабой.

⁽²⁾ Хотя въ настоящее время и признава польза доставляемая жабой, но врядъ-ли были между язычниками-литвинами занимавшіеся изслѣдованіемъ природы.

⁽³⁾ Языкъ жмудскій чуждъ слова *синоотты*; если было въ іерархіи жмудское духовное лицо равнозвучное слову *синоотты*, то это было не *синоотты*, а *жмивуасѣ* (отъ глагола *жмивити*, *жмивити* — шагати) — ходокъ, скороходъ, путешествующій духовный.

божество водъ, то оно называлось *Граудушисъ*, потому что и въ настоящее время жмудины, особенно живущіе на берегу Балтійскаго моря, вспоминаютъ о какомъ то таинственномъ существѣ, называемомъ *Граудушисъ*; божество это, если можно его такъ назвать, извѣстно также подъ названіями *Марю понсъ* — господинъ, владыка морей; *Маріунъ Каралюсъ* — король морей, *Эжерунъ понсъ*, *Эжерунъ Каралюсъ* — владыка, король озеръ. Полангенскіе рыболовы пояснили мнѣ, что *Граудушисъ*, независимо распоряжаясь моремъ, живетъ на днѣ неизмѣримой глубины водъ въ янтарныхъ чертогахъ, на янтарномъ тронѣ. Жмудины, если кто нибудь утонетъ, обыкновенно говорятъ: *Граудушисъ нускондыно*, *Граудушисъ интрауке вонденингъ*, *паромздыно Граудушисъ* — Граудушисъ утопилъ, втащилъ въ воду, погрузилъ Граудушисъ. Рыболовы рассказываютъ, что передъ наступленіемъ бури, во время лова рыбы, замѣчали поднимающагося изъ воды *Граудушиса* въ видѣ чудовищнаго человѣка; вслѣдъ за этимъ явленіемъ поднимается столбъ воды и разыгрывается буря, появленіе которой они приписываютъ дѣйствию *Граудушиса*, который, поднимался съ своего трона, волнуетъ воду⁽¹⁾. Во время бури на Балтійскомъ морѣ мнѣ самому случилось видѣть играющихъ тюленей, которые, высовываясь до половины изъ воды, показываютъ свою тонкую старообразную морду, которая при сильномъ колебаніи воды и при вечернемъ слабомъ освѣщеніи горизонтально падающими лучами солнца, издали напоминаетъ старообразное лицо женщины. Не лишнимъ считаю прибавить, что слово *граудусъ* означаетъ закаленный, ломкій, хрупкій. По повѣрію жмудиновъ, обитающихъ въ окрестностяхъ Полангена на берегу Балтійскаго моря, *Граудушисъ* жилъ въ то отдаленное время, когда еще черти жили по сосѣдству съ людьми на землѣ. Къ одному изъ чертей *Граудушисъ* поступилъ въ услуженіе, съ условіемъ, что если онъ не исполнитъ въ точности приказанія хозяина, то послѣдній сниметъ съ него девять полосъ кожи. Чортъ же съ своей стороны въ награду за службу обѣщаль дать *Граудушису* 9 сѣкъ⁽²⁾ денегъ. Однажды

⁽¹⁾ Дѣйствительно случается, что на морѣ, во время штала, когда вода представляетъ подвижную металлическо-блестящую массу, вдругъ съ быстротою молніи выскакиваетъ изъ воды высокій столбъ и тутъ же разыгрывается буря.

⁽²⁾ Мѣра, равняющаяся четвертику.

чортъ послалъ *Граудушиса* пахать землю, и, по окончаніи работы, велѣлъ пашенныхъ воловъ пустить на болотѣ въ окрестностяхъ Полаигена. *Граудушисъ*, окончивъ работу, погналъ воловъ въ г. Мемель и тамъ продалъ. Возвратясь домой, сказалъ чорту, что онъ землю вспахалъ, а воловъ пустилъ кормиться на указанномъ болотѣ, но, къ несчастію, волы провалились въ болото и только хвосты видны. Чортъ возразилъ: „Это еще не бѣда, у меня есть дѣдушка, который и сотню воловъ вытащить изъ болота“. Вотъ они втроемъ отправились на то мѣсто, гдѣ паслись и провалились волы. Пришедши туда, и, ухвативши чортъ за одинъ хвостъ, а дѣдушка чортовъ за другой, дружно рванули; но тутъ со всего размаху упали навзничь съ хвостами въ рукахъ. Полагая, что хвосты оторвались, а волы погрузились въ болотѣ, отправились домой, не подозрѣвая продѣлки *Граудушиса* въ этомъ дѣлѣ. На другой день чортъ послалъ *Граудушиса* въ лѣсъ за дровами. *Граудушисъ*, не зная мѣстности, спросилъ у чорта куда ему ѣхать; чортъ указавъ на собачку, сказалъ: „поѣзжай въ слѣдъ за нею“. *Граудушисъ*, запрягши лошадь, сталъ слѣдить куда направится собака. Собака побѣжала по двору, проскользнула между частоколомъ; *Граудушисъ* направился за нею и, не думая долго, разрубивъ на части какъ лошадь, такъ и телѣгу, просунулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролезла собака между частоколомъ. Такое буквальное исполненіе приказанія, хотя и разсердило чорта, но онъ притворился спокойнымъ. На третій день чортъ, выходя къ сосѣду въ гости, приказалъ *Граудушису* вымыть дѣтей и стеречь двери у амбара, дабы кто нибудь, залезши въ оныя, не обокралъ. Послѣ ухода чорта, *Граудушисъ*, вскипятивъ котелъ воды, подбрасывалъ туда чертенятъ и, обваривъ ихъ въ кипяткѣ, вынулъ, вымазалъ смѣтаной и поставилъ въ комнатѣ на окошкѣ. Послѣ, вынувъ двери изъ амбара, отправился туда гдѣ гулялъ его хозяинъ. Пришедши туда, сталъ на дворѣ противъ окошекъ; прислуга, пировавшая по примѣру своего хозяина, замѣтивъ *Граудушиса*, стала приглашать въ избу попить съ ними, но онъ отказался говоря, что хозяинъ велѣлъ ему караулить двери и что онъ не смѣетъ ихъ оставлять ни на минуту. Между тѣмъ, чортъ, примѣтивъ *Граудушиса*, спросилъ его, какъ онъ смѣлъ оставить безъ присмотра амбаръ? *Граудушисъ* пояснилъ, что чортъ приказалъ ему смотрѣть за дверями и что онъ принесъ таковыя съ собою и не отступалъ отъ нихъ ни на шагъ. Вернувшись домой и, нашедши дѣтей мертвыми,

чортъ сталъ бранить Граудушиса, который, въ свою очередь, спросилъ чорта не сердится ли онъ, и, получивъ въ отвѣтъ, что сердится и недоволенъ имъ, Граудушисъ сталъ требовать уговоренныхъ денегъ. Чортъ медлилъ и придумывалъ какъ бы увернуться отъ уплаты. Граудушисъ, зная гдѣ стояли въ мѣшкахъ деньги, зарылся въ одною изъ нихъ. Чортъ, не догадавшись куда дѣвался Граудушисъ, взвалилъ на плечи тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ Граудушисъ и давай удирать съ нимъ въ лѣсъ. Наконецъ, таща мѣшокъ, усталъ и, желая отдохнуть, бросилъ его на землю. Граудушисъ, ударившись о землю, крикнулъ, а чортъ, услыхавъ голосъ Граудушиса, испугался и убѣжалъ куда глаза глядятъ. Граудушисъ, посмѣявшись надъ чертомъ, взялъ мѣшокъ съ деньгами и построилъ на нихъ корабль, на которомъ и по настоящее время развѣзжаетъ по Балтійскому морю, въ особенности у береговъ Полангена.

Теперь постараюсь объяснить другія названія, приписываемыя лѣтописцами божеству водъ: *Гардоэтэсъ*, *Гардэольдисъ*, *Гардоайтисъ*. По всему вѣроятію слова эти перековерканы изъ составнаго слова *гардасъ* — ясли, *эльдыя* — древнее названіе рыбацкѣй лодки, по большей части большаго размѣра⁽¹⁾. На зиму рыболовы свои лодки, преимущественно небольшаго размѣра, ставятъ въ скотскія хлѣва и конюшни и въ нихъ кладутъ кормъ для скота и лошадей, такимъ образомъ лодка *эльдыя* преобразовывается въ ясли — *гардасъ*. Съ наступленіемъ весны эти импровизованныя ясли вытаскиваютъ на берега водъ. Мѣсто въ конюшнѣ, на которомъ стоятъ такія лодки, называется *гардаете*; по всему вѣроятію, изъ этого слова произошли исковерканныя выраженія — *гардунитисъ*, *гардоитисъ* и т. д. Если же эти импровизованныя ясли были маленькаго размѣра и помѣщались въ овчарнѣ, то таковыя назывались *гардагелда*, т. е. корытцо для кормленія овецъ⁽²⁾. Жмудины въ хлѣвахъ для кормленія скота ставятъ иногда большія плетенныя изъ прутьевъ корзины, называемыя *гурбасъ* (до-

(1) Въ настоящее время рыбацкя лодка называется *валытисъ*.

(2) Слово *гардасъ* означаетъ отгороженное мѣсто, по большей части безъ крыши, куда въ старину загоняли овецъ. Слѣды употребленія этого слова можно только найти въ книгахъ, печатанныхъ въ XVI вѣкѣ. Въ настоящее время овчарня по латовски *авине*, *авиниче*, по жмудски *авиникисъ*.

класъ), мѣсто же подъ корзиною называется *паурбисъ* отъ слова *турбисъ*, *паурбисъ*; названія эти отнесены лѣтописцами къ числу жмудскихъ божествъ, подъ названіемъ *Пэртрубе*, *Пэртрубя*. По Нарбуту божеству *Пэртрубію* были ввѣрены сады и цвѣтники; послѣдній говоритъ, что божество *Пэртрубе* было еще извѣстно подъ названіемъ *Грубите* отъ слова *губіасъ* — садъ, цвѣтникъ; тутъ какъ и вездѣ видно незнаніе Нарбутомъ литовскаго языка, вслѣдствіе чего перековеркались слова. *Губіасъ* слово, какъ по окончанію, такъ и по значенію, не литовское; садъ, по жмудски — *соднасъ*, цвѣтникъ — *руту даржелисъ* или прямо *даржелисъ*. Слова: *Атримпасъ*, *Атимпсъ*, *Патримпасъ*, *Атропасъ* и *Андрасъ* (Аудрасъ) объяснены выше.

Остается еще объяснить слова: *Пэрдоите*, *Пэрдоитусъ*, *Юдима* и *Ежеренисъ*. Первые два не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія. Вѣроятно кто нибудь, зная страсть Нарбута всякія неизвѣстныя слова помѣщать въ число литовскихъ божествъ и, желая поднудить надъ его незнаніемъ литовскаго языка, продиктовалъ ихъ. Объяснять эти слова въ печати неудобно — можно только прибавить, что онѣ получили начало отъ греческаго глагола *περδομαι*. *Юдима* слово не жмудское; есть слово *іоудимасъ* — чернота и *юдимасъ* — движеніе, наприм. водъ, но эти нарицательныя существительныя не были никогда божествами, какъ равно и *ежеренисъ* — озерный, напр. *ежеринасъ вежысъ* — озерный ракъ.

Кромѣ описанныхъ божествъ, ксендзь Юцевичъ, въ своемъ описаніи Литвы (*Litwa*), упоминаетъ о богиняхъ *Челтичи*, *Ундыны* и божествѣ *Дзиссвитсъ* (*Dziwswits*). Въ настоящее время не осталось никакихъ воспоминаній о подобныхъ существахъ; изобрѣтеніе ихъ можно приписать воображенію ксендза Юцевича.

О монетахъ, поступившихъ въ Музей Археологическаго Института отъ Э. О. Розенбаума.

Согласно сказанному въ № 1 нашего „Вѣстника“, даемъ въ настоящемъ выпускѣ его болѣе подробное описаніе монетъ, найденныхъ, какъ уже было оповѣщено, во время экспедиціи генерала Скобелева противъ Текинцевъ, въ могилахъ древнихъ кургановъ Нислу, вблизи селенія Батыръ, въ 15 верстахъ къ западу отъ Асхабадъ.

Всѣхъ монетъ въ Институтъ доставлено г. Розенбаумомъ 55. Это собраніе представляетъ любопытный образчикъ почти всѣхъ тѣхъ древнихъ монетныхъ серій, которыя встрѣчаются обыкновенно въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, какъ при раскопкахъ, такъ и при случайныхъ открытіяхъ кладовъ туземцами.

Самая древняя монета этой находки драхма Филиппа II Македонскаго, котораго монеты, какъ извѣстно, биты въ очень большомъ количествѣ и весьма хорошаго серебра, были распространены во всемъ древнемъ мірѣ, а потому находятся теперь весьма часто.

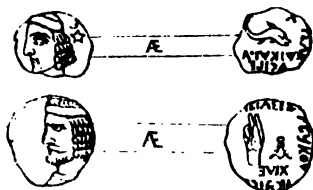
Еще большее распространеніе и извѣстность имѣли въ древности монеты его сына Александра Великаго, такъ какъ были биты на громадномъ пространствѣ его имперіи во всѣхъ нѣсколько значительныхъ городахъ, продолжавшихъ ихъ выпускать въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже послѣ его смерти. Рѣдкая находка монетъ въ средней Азіи, поэтому, не заключаетъ одной или нѣсколькихъ, обыкновенно, серебряныхъ монетъ великаго завоевателя. Нашъ кладъ заключаетъ только одну его полудрахму, не представляющую ничего замѣчательнаго.

Ближайшимъ къ средней Азій діадохомъ изъ четырехъ его преемниковъ былъ Селевкъ I, давшій имя свое династїи Селевкидовъ. Его монеты также часто попадаются въ Туркестанѣ и въ собраніи Розенбаума представлены однимъ діоболомъ, изъ серебра, пятью полухальками, халькомъ и тремя лептами. Монетъ послѣдующихъ царей его династїи всего три а именно: одна, почти совсѣмъ стершаяся, тетрадрахма Антиоха II Θεοσα и два полухалька, также въ плохомъ видѣ, Антиоха IV. Но спеціально свойственными средней Азїи являются всетаки, представляющія высокій интересъ не только для археолога, но и для историка, монеты Бактріи, освободившейся отъ власти Селевкидовъ при Антиохѣ II и начавшей бить свою монету при Діодотѣ, бывшемъ губернаторомъ селевкидовъ въ бактрійской провинціи, но отложившимся отъ нихъ и принявшимъ титулъ царя. Только въ самое послѣднее время обнаружена была цѣлая серія бактрійскихъ монетъ, воплѣ бывшихъ неизвѣстными старымъ нумизматамъ временъ Экеля. Въ находкѣ нашей только одна бактрійская монета — тетрадрахма Геліокла, соправителя, а впоследствии преемника Евкратида, царствовавшего въ Бактріи въ первой половинѣ втораго вѣка. Геліоклъ на ней изображенъ въ діадемѣ съ короткими волосами, безъ бороды и усовъ, обращенный вправо. На оборотѣ Зевсъ Κεραύνιος и надпись Βασιλέως Ηλιοκλέου⁽¹⁾. Еще въ самое недавнее время монеты этого царя считались крайне рѣдкии, но теперь многія находки ихъ значительно умѣньшили рѣдкость и цѣну ихъ. Вместе съ бактрійскими въ Туркестанѣ встрѣчаются еще монеты другого нѣкогда могущественнаго народа Азїи — парянъ, образовавшихъ отдѣльное государство, освободившихся почти въ одно время съ Бактріею отъ власти Селевкидовъ. Монетъ, первыхъ Арсакидовъ, Арсака I и его брата Тиридата а также сыновей послѣдняго Артабана и Фраапата, въ находкѣ Розенбаума не заключается, но болѣе половины всѣхъ послѣдующихъ царей Парїи въ ней представлены. По царствованїямъ онѣ располагаются слѣдующимъ образомъ:

⁽¹⁾ Подобная монета издана Саллетомъ въ его сочиненіи *die Nachfolger Alexanders d. gross*, стр. 103.

Фраатъ I	1 драхма
Митрадатъ I	2 мѣдн. мон.
Митрадатъ II	2 мѣдн. —
Фраатъ III	1 драхма
Митрадатъ III	1 драхма
Ородъ I	8 мѣдн. мон.
Фраатъ IV	5 мѣдн. —
Готерзесъ	1 тетродр. и 1 мѣдн. мон.
Пакоръ II	1 мѣдн. мон.
Митрадатъ IV	2 мѣдн. —
Вологезъ III	2 мѣдн. —
Вологезъ IV	1 мѣдн. —
Вологезъ V	1 мѣдн. —
Вологезъ VI	1 мѣдн. —
Артабанъ V	1 мѣдн. —
Артаваздъ	1 мѣдн. —
Хосрой	1 мѣдн. —

Среди этихъ монетъ двѣ мѣдныя монеты Орода I оказались неизданными. Вотъ ихъ рисунки и описаніе.

№ 1. Л. Голова царя съ короткою бородою и усами влѣво въ діадемѣ. Волоса длинныя, завитыя рядами.

О. Кисть правой руки, обращенная ладонью съ прижатимъ къ ней большимъ пальцемъ. Въ полѣ монограмма Α, вокругъ расположенная четверугольникомъ легенда:

ΒΑΣΙΛΕΥΣ (ΒΑΣΙΛΕΩΝ) (Α)ΡΣΑΚΟΥ (Δ)ΙΚΑΙ(ΟΥ) †ΙΛΕ
(ΛΗΝΟΣ)

№ 2. Л. Тоже изображеніе, но нѣсколько меньшее. Сзади головы полумѣсяцъ и подъ нимъ звѣзда.

О. Дельфинъ, плывущій вправо. Вокругъ (ΒΑΣΙ)Λ
(ΕΩΝ) (Α)ΡΣΑΚ(ΟΥ) (Ε)Υ ΕΙΓΕ (ΤΟΥ) ΔΙΚΑΙΟΥ.

Въ легендахъ первой монеты замѣчательно употребленіе пельвійскаго ω вмѣсто греческой альфы при совершенной правильности начертанія прочихъ буквъ. Такая погрѣшность пельвійскаго и греческаго алфавитовъ уже намъ извѣстна, но только на монетахъ послѣднихъ арсакидовъ, на которыхъ иногда появляются и чисто пельвійскія надписи.

Преимниковъ Арсакидской династіи Сассанидовъ въ нашей находкѣ только три серебряныя монеты Сапора II, Пируза и Хосроя, уже извѣстныя по изданію Бартоломея.

Но самую интересную и рѣдкую монету собранія г. Розенбаума составляетъ большая тетрадрахма скинскаго народа Саковъ, жившаго на мѣстѣ теперешнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Она имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе головы Аэинки въ шлемѣ, обращенной вправо, на оборотѣ же ея изображенъ священный индійскій быкъ зебу, опустившійся на колѣна, также обращенный вправо. Надъ нимъ короткая легенда, которую графъ Прокешъ-Остенъ, первый издавшій подобную нашей монету⁽¹⁾, читаетъ САК, и относитъ поэтому эти тетрадрахмы къ Сакамъ. Голова Аэинки здѣсь очевидно скопирована съ аэинскихъ тетрадрахмъ, типы которыхъ, какъ извѣстно, часто принимались для своихъ монетъ варварскими народами, такъ какъ аэинскія деньги, имѣвшія большое распространеніе среди азіатскихъ народовъ, весьма охотно принимались торговцами на рынкахъ за чистоту и полновѣстность ихъ металла. Арханчскій стиль въ изображеніи головы Паллады, свойственный монетамъ Аэинъ переданъ на нашей монетѣ граверомъ вполне удачно, не смотря на всю грубость исполненія.

Кромѣ перечисленныхъ монетъ въ древнему чекану относятся въ приношеніи г. Розенбаума только двѣ монеты—малая имперіальная греческая бронза Гордіона Пія со стершимся мѣстомъ чеканки и весьма маленькая аэпиграфическая монета изъ серебра, обыкновенно относимая къ городу Херсонесу Бритскому. Остальныя четыре монеты мусульманскія. Одна изъ нихъ шаха Сефи II, битая въ Ховейзѣ, двѣ другія Худейра хана Коканскаго и, наконецъ, четвертая нынѣ царствующаго хана Сенда Мухаммеда Рахима Хивинскаго.

Дѣйствительный членъ А. Марковъ.

⁽¹⁾ Denkschr. d. K. Acad. d. Wissensch. Philos.-hist. Cl. IX t. (Wien) 1858, стр. 331, таб. II, рис. 24.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы. По опредѣленію Московской Городской Думы собранные и изданные руководствомъ и трудами Ивана Забѣлина. Часть первая. Изданіе Московской Городской Думы. Москва, Московская Городская типографія, 1884 г.

Одно уже заглавіе новаго обширнаго изданія, предпринятаго Московской Городской Думой и знаменитое имя археолога, которому поручено его составленіе, должны возбудить не только въ каждомъ Москвичѣ, но и въ каждомъ Русскомъ самыя радостныя чувства по поводу великаго дѣла, задуманнаго и уже приводимаго въ исполненіе нашей первопрестольной столицей. Да, по истинѣ великое дѣло — дать ясное и точное, неподлежащее никакому возраженію понятіе о Москвѣ, о ея значеніи и судьбѣ, какъ историческаго города, какъ центра Государства, вмѣщавшаго въ себѣ нѣкогда все его величіе и силу, а теперь — что бы ни говорили о правительственной власти нашей сѣверной столицы — всетаки составляющей сердце Россіи, котораго біеніе, радость и страданія чутко отдаются на всемъ ея необъятномъ протяженіи, во всѣхъ ея концахъ и окраинахъ. Намъ-ли однако говорить болѣе на эту тему, когда передъ читателемъ раскрыто драгоценное предисловіе ко всему труду, предисловіе, рисующее съ неподкупною правдою все бывшее Москвы, не только отражающееся въ

внѣшней ея новизнѣ, но безъ сомнѣнія предрѣшающее и далекое будущее русскаго государства. Пусть однако выяснятъ читателю эту мысль не наши слова, а глубокія какъ черты рѣзца выводы автора на вѣковѣчномъ мраморѣ исторіи Москвы.

„Москва-городъ“ — такъ начинается свое предисловіе г. Забѣлинъ — въ русской исторіи и въ русской народной жизни достигъ своей всенародной, а затѣмъ и всемірной славы великимъ подвигомъ и трудомъ, какъ неутомимый, дальновидный и заботливый хозяинъ-строитель русскаго государства, которое въ первыя два столѣтія прямо такъ и называлось *Московскимъ Государствомъ* и въ этомъ имени распространило по свѣту давнюю, но тогда уже забытую славу древняго русскаго имени. То могущественное бытіе русскаго народа, которое въ X и XI столѣтіяхъ именовалось *Русью*, съ рожденіемъ Государевыи Москвы стало именоваться *Москвою*, и въ европейскихъ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, съ XVI столѣтія, не знали другаго имени для указанія русской земли и русскаго народа. Отсталыя народности и племена, на востокъ и на западъ, живущія преданіями и исторіею XVI и XVII столѣтій, и до сихъ еще поръ прозываютъ русское государство — *Москвою*. Здѣсь и сохраняется достойнѣйшая похвала и слава исторической Москвѣ, какъ возстановительницѣ древней русской силы и славы, собравшей разсыпанную Русь въ единую державу, привлекая ея къ единому сердцу, дабы единствомъ жизни и мысли сильнѣе и прямѣе идти къ независимому политическому національному существованію, за которымъ необходимо слѣдовалъ и прямой *просторный* и свободный путь къ общечеловѣческому совершенствованію или прогрессу“.

„Со славою начавши свое дѣло, Москва достопамятно и закончила свою исторію, породивши русскому народу и государству новаго руководителя, знаменитаго, нигдѣ неслыханнаго и нигдѣ невиданнаго плотника Петра, вмѣстившаго въ своемъ одномъ лицѣ всѣ лучшія прогрессивныя мысли, идеалы и стремленія прежнихъ *Московскихъ* государей и всѣхъ прежнихъ *Московскихъ* людей, тѣхъ передовыхъ людей, которые существовали и въ допетровской Руси и также горячо желали лучшаго устройства и лучшаго порядка для русской жизни“.

„Исторически достопамятный городъ, не менѣе и до сихъ поръ славенъ своими внутренними, всенародными силами промышленной и торговой жизни,

служя основнымъ средоточіемъ русскаго промышленнаго и работающаго движенія во всѣхъ видахъ и родахъ“.

„Исторія такого города, конечно, крайне любопытна и во многомъ должна быть поучительна не для однихъ Москвичей, но и для всѣхъ просвѣщенныхъ людей, знающихъ цѣну историческимъ міровымъ явленіямъ, изъ числа которыхъ невозможно теперь исключить Русскую Народность и ея Государство, созданное прежде всего тою же Москвою. Здѣсь чувствуется присутствіе какой-то особой необычайной и, можно сказать, стихійной народной силы, которая не только возродила городъ на своемъ мѣстѣ, по природному положенію не особенно значительномъ, но въ продолженіи столѣтій, не смотря ни на какія погубительныя невзгоды, сохраняла этотъ городъ и не одинъ разъ изъ пепла и праха снова воссоздавала его въ новой красотѣ и жизненности“.

„Откуда, изъ какихъ историческихъ, мѣстныхъ географическихъ и бытовыхъ началъ происходила и собиралась эта сила и сколько способствовала и дѣйствительно ли способствовала самый городъ развитію и укрѣпленію этой силы, своимъ нравомъ и обычаями или особымъ, ему только свойственнымъ складомъ жизни, и не былъ ли самый городъ только новымъ выразителемъ болѣе древнихъ старозавѣтныхъ русскихъ стремленій создать себѣ государственное, всенародное могущество“?

„Все это вопросы, достойные особаго вниманія и съ общенсторической точки зрѣнія, а для Москвы они выражаютъ самое существо ея исторіи“.

И вотъ авторъ изображаетъ намъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ постепенное строеніе Москвы. Городской составъ ея, замѣчаетъ онъ, весь сложенъ изъ памятниковъ ея исторіи. «Ея Кремлевская святыня, ея круговыя стѣны, каждое ея урочище, каждый храмъ, каждая улица и площадь хранятъ въ себѣ цѣлыя повѣсти о радостяхъ и печаляхъ города, о его тревогахъ въ дни бѣды и общаго горя, о его торжествѣ въ славные дни одолѣнія враговъ или избавленія отъ наступавшей погубели». — «Нѣ сожалѣнію», прибавляетъ онъ, «эти повѣсти мало намъ извѣстны, да и самую исторію Москвы мы знаемъ только съ одной, такъ сказать, завоевательной ея стороны, которую въ добавокъ представляемъ не въ рыцарскомъ благородномъ, какъ обыкновенно и односторонне изображаютъ свою исторію европейцы, но въ печальномъ и грубомъ видѣ всяческихъ Московскихъ

насилій и волокять, какъ будто только это одно и осталось для нашей памяти».

Воскресить однако это прошлое съ надлежащею полнотою можетъ только глубокое изученіе Москвы по означеннымъ памятникамъ. Пока она, какъ государство, дѣлала свое дѣло, трудно было писать ея исторію, и лишь съ того времени, какъ заслонилъ ее Петербургъ своимъ значеніемъ и властью, она стала интересовать спеціалистовъ по русской исторіи своей исторической судьбой, и тутъ впрочемъ она должна была уступить пальму первенства сѣверной столицѣ, такъ что первое ея, собственно историческое описаніе было издано въ 1774 году, стихотворцемъ А. Сумароковымъ, подъ заглавіемъ: Краткая Московская лѣтопись. Съ тѣхъ поръ дѣйствительно начинается рядъ историческихъ изданій, какъ общихъ для всей Москвы, такъ и спеціальныхъ для отдѣльных ея частей и памятниковъ. На нихъ останавливается и г. Забѣлинъ съ особеннымъ вниманіемъ, признавая нѣкоторыя изъ нихъ имѣющими важное значеніе и въ настоящее время, въ особенности трудъ И. М. Снегирева, изданный въ типографіи Семена, съ роскошными хромо-литографическими рисунками, которые печатались въ Парижѣ съ оригиналовъ, исполненныхъ художникомъ-археологомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, подъ заглавіемъ: „Памятники Московской древности.“ Трудъ этотъ издавался выпусками и впоследствии замѣненъ новымъ ихъ изданіемъ, сначала при содѣйствіи г. Снегиреву архитектора А. А. Мартынова, а затѣмъ однимъ послѣднимъ, подъ заглавіемъ: „Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города“, 2 т. Всѣ эти изданія представляютъ однако лишь начатки того огромнаго труда, который предстоитъ г. Забѣлину по составленію полнаго описанія Московской старины и ея памятниковъ. Но добросовѣстный авторъ самъ называетъ намъ главнаго виновника порученнаго ему великаго дѣла.

Честь указанія на необходимость новаго подробнаго и полнаго описанія Москвы принадлежитъ гласному Московской Городской Думы Н. А. Найденову, который выяснилъ важное значеніе этого труда въ засѣданіи 25 мая 1877 года. Указаніе это было поддержано полнымъ сочувствіемъ тогдашняго городского головы С. М. Третьякова. Послѣ разныхъ происходившихъ по такому необычайному для Думы, какъ чисто научному, предмету соображеній и преній, Дума приняла для предстоящаго изданія про-

грамму, составленную г. Забѣлинымъ, которому я поручила руководство всѣмъ дѣломъ. Основываясь на этой программѣ и въ полной увѣренности, что она будетъ строго выполняться подъ вѣдѣніемъ такого знатока Московской старины какъ г. Забѣлинъ, считаю долгомъ познакомить читателей съ краткимъ ея очеркомъ.

«Общая задача этого труда — говорить г. Забѣлинъ — обнимаетъ подробную исторію и статистику города Москвы, то есть ходъ его историческаго развитія съ первыхъ временъ и обзоръ его состоянія въ послѣдовательные періоды его жизни во всемъ объемѣ его бытія и быта, политическаго и религіознаго, умственнаго и нравственнаго, общественнаго и домашняго, торговаго и промышленнаго, ремесленнаго и художественнаго, экономическаго или хозяйственнаго и матеріальнаго или строительнаго (столб. 30)».

«Эта общая задача въ раскрытіи, распредѣленіи и обработкѣ ея подробностей можетъ быть выполнена въ двухъ видахъ:

I. Подъ видомъ *историческаго повѣствованія*, въ которомъ будутъ представлены полныя и подробныя, но *общія* обзорныя исторіи города и его состоянія въ послѣдовательные періоды этой исторіи, съ присовокупленіемъ историко-археологическаго описанія существующихъ памятниковъ и замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей.

II. Подъ видомъ *собранія* въ одно цѣлое разнородныхъ матеріаловъ, касающихся исторіи, археологій, топографіи и исторіи города Москвы» (ст. 31).

Оба эти отдѣла будутъ имѣть въ виду слѣдующія *задачи*:

«Москва-городъ прежде всего есть мѣсто и жилище, стѣны и дома; поэтому первая изъ частныхъ задачъ предполагаемаго труда заключается въ исторіи постепеннаго топографическаго распространенія города, начиная съ его первосельцевъ, аборигеновъ этой мѣстности».

«Сюда входятъ всѣ дробныя исторіи cadaго городского мѣста-урочища, cadaго храма, въ смыслѣ основы поселенія, каждой площади, улицы, переулка, по возможности cadaго сколько нибудь замѣчательнаго двора и дома, съ показаніемъ происходившихъ перемѣнъ въ расположеніи и устройствѣ заселеннаго пространства».

«Сюда входятъ: исторія и способы постройки городскихъ стѣнъ, во-

ротъ и башенъ; способы постройки домовъ, устройства дворовъ, садовъ, прудовъ, огородовъ, способы мощенія улицъ, способы ихъ освѣщенія въ ночное время; способы уборки нечистотъ; способы предупрежденія и тушенія пожаровъ; способы водоснабженія и вообще исторія и статистика всѣхъ статей и порядковъ, служившихъ внѣшнему строительному городскому благоустройству.»

«Съ другой стороны, общая задача разсматриваетъ Москву какъ совокупность людскаго общежитія. Это городъ — люди съ ихъ занятіями, нравами, обычаями, мыслями, чувствами; съ устройствомъ и уставомъ ихъ городского быта и управленія во всѣхъ его видахъ и потребностяхъ.»

Историческій и статистическій обзоръ этихъ подробностей самъ собою распределяется на многіе *отдѣлы* и особныя статьи.

Впередѣ другихъ здѣсь должна стоять исторія городского правительства и управленія или исторія городской власти, земской, посадской и государственной. Затѣмъ ближайшее мѣсто назначается въ программѣ составу населенія и его статистикѣ въ связи съ землевладѣніемъ, посадами, слободами, сотнями, братскими съѣзжими дворами, иноземными и военными поселеніями и строеніями. Далѣе исторія церковныхъ приходовъ, существующихъ и упраздненныхъ, въ связи съ церковною землею, приходскимъ населеніемъ, общежитіемъ, приходскимъ призрѣніемъ бѣдныхъ, приходскими кладбищами, и съ такими же подробностями исторія московскихъ монастырей, существующихъ и упраздненныхъ. Пять отдѣловъ предполагаетъ авторъ посвятить особо исторіи и статистикѣ Московской благотворительности и попечительству о призрѣніи бѣдныхъ и нищихъ, четыре — исторіи врачебнаго искусства въ Москвѣ, тринадцать — исторіи и статистикѣ Московскаго торговаго, торговымъ нравамъ и обычаямъ, исторіи капиталовъ, исторіи биржи и наконецъ исторіи цѣнъ на товары и всякаго рода припасы и матеріалы съ древняго и до позднѣйшаго времени. Четырнадцать отдѣловъ назначается для исторіи и статистики городскихъ промысловъ: здѣсь, между прочимъ, сообщатся данныя по источникамъ о Московскомъ садоводствѣ и огородничествѣ, объ охотахъ соловьиной и голубиной, о пѣтушьихъ и гусиныхъ бояхъ, о разныхъ ремеслахъ, мастерствахъ и издѣліяхъ. Девять отдѣловъ будутъ посвящены исторіи художествъ въ ихъ Московскомъ развитіи и характерѣ, именно зодчеству, иконописи и живописи, гравированію, художественнымъ школамъ и училищамъ, картиннымъ гал-

лереймъ и музеямъ, антикварнымъ лавкамъ. Двадцать три отдѣла совмѣстятъ въ себѣ крайне интересныя и новыя свѣдѣнія о грамотности, училищахъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ, о книжной торговлѣ, литературѣ „въ Московскомъ обликѣ“, о Московскихъ литературныхъ приходахъ или кружкахъ, о Московскомъ масонствѣ, лубочныхъ изданіяхъ, о бібліотекахъ и собраніяхъ книгъ и рукописей. Четыре отдѣла будутъ заняты московской исторіей старообрядства и исторіей разнороднаго сектаторства. Шестнадцать отдѣловъ представляютъ хронику общественной жизни въ Москвѣ, въ которую войдутъ народныя гулянья и разныя увеселенія, въ особенности балаганныя представленія, театры, артисты, балы, маскарады, концерты, клубы, сады, бульвары, загородныя дачи и проч. Шесть отдѣловъ ознакомятъ читателя съ полицейскими въ Москвѣ въ разное время порядками и въ томъ числѣ съ старинными уличными и воротными рѣшетками, которыхъ слѣды и названія сохранились и донынѣ. Въ заключеніе четыре отдѣла назначаются для хроники воровства, мошенничества, грабежей, разбоевъ и всякихъ уголовныхъ дѣлъ, для хроники разныхъ бѣдствій города: пожаровъ, бурей, новодненій, моровыхъ язвъ, голода, нашествія непріятелей, наконецъ для хроники воздушныхъ и вообще метеорологическихъ явленій.

Для составленія и начертанія такой исторіи московскихъ разныхъ учреждений, памятниковъ и предметовъ авторъ предназначаетъ такимъ образомъ сто тридцать семь рубрикъ или отдѣловъ, помимо имѣющихъ войти въ каждый изъ нихъ отдѣльныхъ статей, которые дѣйствительно будутъ обнимать всю жизнь и дѣятельность Москвы, начиная съ ея основанія до послѣдняго времени. Весьма естественно, что для всего этого требуется громадный матеріалъ и притомъ большею частію письменный, сохранившійся, главнымъ образомъ, въ современныхъ обзорѣваемыхъ эпохамъ и годамъ документахъ, описаніяхъ, официальныхъ донесеніяхъ и частныхъ письмахъ, и г. Забѣлинъ понятно останавливается прежде всего на драгоценныхъ складахъ, хранящихся въ Московскихъ и другихъ *архивахъ*.

«Для разработки—говоритъ онъ—всѣхъ поименованныхъ и могущихъ еще войти въ этотъ краткій списокъ разнородныхъ задачъ, статей и предметовъ, касающихся исторіи и статистики города Москвы, прежде всего необходимо собрать не только печатный, но главнымъ образомъ *архивный*, еще не изданный и вовсе еще не извѣстный матеріалъ».

«Собраніе архивнаго матеріала и поставляется передовою, начальною задачею предпринимаемаго труда».

Это собраніе должно заключать въ себѣ:

I. Акты, документы, дѣловыя описанія, записки и другія бумаги въ ихъ подлинномъ видѣ.

II. Извлеченія изъ архивныхъ бумагъ подлинными словами съ документальною точностію простыхъ *выписокъ* по всеѣмъ предметамъ исторіи, археологіи и статистики Москвы. Собранныя въ извѣстной полнотѣ и расположенныя по предметамъ въ хронологическомъ порядкѣ, такія *выписки* представляютъ своего рода лѣтописи или хроникѣ по каждому особому предмету предположенныхъ работъ и будутъ служить, какъ свѣдѣнія документальныя, твердымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

III. Извлеченія изъ архивныхъ дѣлъ и книгъ ихъ *содержанія* по преимуществу подлинными же словами въ образѣ докладной записки, съ цѣлью *сокращенія* болѣе или менѣе обширнаго производства, всегда наполненнаго излишними повтореніями. Главное условіе этой работы заключается въ обстоятельности и полнотѣ сокращенія дѣловаго производства.

IV. Сводныя выборки изъ архивныхъ дѣлъ и бумагъ однородныхъ свѣдѣній по избранному предмету подлинными словами въ хронологическомъ порядкѣ.

V. Обработку архивнаго матеріала въ образѣ изслѣдованія какой либо частной спеціальной задачи общаго труда, неизменно въ *строгомъ характерѣ дѣловаго изложенія*, такъ какъ литературно-фельетонное изложеніе всегда можетъ найти себѣ мѣсто въ литературныхъ-же повременныхъ изданіяхъ.

Само собою разумѣется, что во всеѣхъ видахъ обработки архивнаго матеріала неизмѣнно должны быть въ точности указываемы источники, то есть заглавія, номера и страницы архивныхъ дѣлъ и книгъ съ годами и мѣсячными числами производства.

Собранныя на этихъ основаніяхъ матеріалы для исторіи и статистики Москвы составятъ особый отдѣлъ при издаваемыхъ „Извѣстіяхъ Московской Городской Думы“.

Программа, представленная г. Забѣлинымъ, возбудила новыя пренія

въ Думѣ въ виду того, что собраніе архивнаго матеріала не можетъ быть ограничено ни опредѣленною суммой, ни опредѣленными временемъ; но тѣмъ не менѣе необходимость изготовить прежде всего нужныя для описанія Москвы данныя заставила наконецъ Думу большинствомъ ея гласныхъ признать и рѣшить, что предполагаемые ежегодно на такой трудъ *семь тысячъ* рублей потребуются по крайней мѣрѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ и что слѣдовательно для безостановочнаго его выполненія должно быть ассигновано не менѣе *двадцати восьми тысячъ*. Съ своей стороны г. Забѣлинъ предложилъ, имѣя въ запасѣ такую сумму, выдавать изъ нея—сверхъ назначеннаго ему гонорара въ 3000 р., за изготовляемыя въ архивахъ выписки вознагражденіе лишь постепенно, *по мѣрѣ исполненія* этого труда. Но для того, чтобы тѣмъ не менѣе собираемый матеріалъ не оставался на неопредѣленное время въ неизвѣстности, г. Забѣлинъ приступилъ немедленно къ его изданію, и плодомъ этой добросовѣстности и заботливости есть выпущенная въ свѣтъ первая книга, которой посвященъ нашъ настоящій отчетъ, причѣмъ г. Забѣлинъ сообщаетъ, что разнороднаго матеріала сверхъ того уже собрано по крайней мѣрѣ еще на три такія же книги. Да не подумаютъ однако читатели, что матеріалъ, выходящій нынѣ въ свѣтъ, представляетъ вовсе необработанную массу документовъ, лишь болѣе или менѣе отвѣчающихъ на предложенные выше вопросы по четырнадцати различнымъ группамъ. Нѣтъ, какъ выборъ этой массы матеріаловъ, такъ и расположеніе ихъ и редакція обусловлены такъ сказать *идеями*, которая даетъ имъ жизнь, олицетворяетъ *факты* дѣйствительнаго, а не мнимаго или фантастическаго быта Москвы. Съ этой точки зрѣнія самъ г. Забѣлинъ поясняетъ намъ свою систему изданія собраннаго имъ матеріала, и это объясненіе или, лучше сказать, указаніе на то, какъ онъ не только излагаетъ, но и возводитъ свой матеріалъ въ драгоценную сокровищницу достовѣрныхъ фактовъ, на столько поучительны, что мы не можемъ оставить безъ вниманія его взглядъ на свою задачу.

«Отъ историческаго повѣствованія и отъ всякаго историческаго описанія — говоритъ онъ — обыкновенно всегда требуютъ *жизель* красокъ, занимательности и такъ сказать любопытности въ изложеніи и изображеніи всего историческаго. Требованіе очень справедливое. Но вѣдь надо понять, что историкъ-авторъ вопервыхъ не долженъ *сочинять* эти краски, какъ

говорится, изъ своей головы; не долженъ брать ихъ съ вѣтру, чего не дозволяютъ себѣ и писатели-художники, вольные въ своемъ творествѣ повѣствователи и романисты. И они, воссоздавая извѣстную бытовую среду, употребляютъ всѣ мѣры, чтобы подробно изучать и узнать эту среду, не только съ нравственной, но и съ вещественной, матеріальной ея стороны. Оттого и получаются картины художественно-правдивыя, которыя потомъ и забыть нельзя, и которыя въ сущности составляютъ живые типы лицъ и бытовыхъ, жизненныхъ обстоятельствъ, то есть образы и образцы жизни, хорошіе или дурные, положительные или отрицательные, это все равно, потому что и тѣ и другіе въ разныхъ отношеніяхъ всегда бываютъ назидательны именно своею жизненною правдою. Для изображенія такихъ типовъ краски готовы; онѣ розсыпаны обильно въ современной жизни: стоитъ только внимательно присматриваться ко всему окружающему и умѣть видѣть и слышать, умѣть наблюдать».

«Но какими путемъ и какими мѣрами мы можемъ наблюдать, видѣть и слышать уже навсегда исчезнувшую жизнь? Какими средствами мы узнаемъ, напр., какъ проходила Московская жизнь за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ до нашихъ дней? Каковъ былъ городъ, каковы были его улицы, дома и дворы; каковы были люди, какъ они одѣвались, что кушали и пили, что покупали и чѣмъ торговали; какъ молились Богу и воспитывали дѣтей; какъ ходили другъ къ другу въ гости, какъ веселились, какъ учились грамотѣ и наукамъ и какія книжки читали; какъ вели себя въ *общество*, или въ *сѣть* и дома, въ домашнихъ своихъ потьмахъ; какъ заботились и заботились ли объ общихъ дѣлахъ всяя Руся? и т. д. Какими способами теперь мы узнаемъ все это, исчезнувшее, все то, что именуется жизнью города».

«Въ настоящую пору съ этою жизнью каждый день хорошо могутъ насъ знакомить газеты или повседневныя *вѣдомости*, какъ по русски разумѣли наши предки изданіе газеты».

«Для ушедшаго, исчезнушаго времени подобный газетному матеріалъ мы можемъ черпать только въ сохранившихся архивахъ, въ грудахъ мало по малу глѣбющей писаной бумаги, иногда уже и совсѣмъ истлѣвшей. Отсюда и должны добываться всѣ свѣдѣнія и свидетельства объ исчезнувшей жизни и всѣ *краски* для ея воссозданія и изображенія, и съ матеріальной,

вещественной, и съ духовной или нравственной и умственной стороны: для изображенія стѣнъ и домовъ и всякаго рода строеній, какими матеріалами и способами и искусствомъ и по какой цѣнѣ все строилось и устроивалось; и для изображенія обычаевъ и нравовъ каждаго сословнаго разряда городскихъ обывателей, какими стремленіями, желаніями, побужденіями они двигались въ своемъ общежитіи, въ своемъ поведеніи на улицахъ и въ домашнемъ быту, что особенно любили и чего не могли выносить въ своей жизни, чего стыдились, чѣмъ оскорблялись и что почитали святынею въ своемъ поведеніи, именно въ своихъ обычаяхъ и нравахъ».

«Для такихъ изображеній историкъ и собираетъ архивныя краски, т. е. всякія мелкія, на видъ ничтожныя и какъ бы совсѣмъ излишнія и ненужныя свидѣтельства и свѣдѣнія, которыя однако, собранныя въ достаточной полнотѣ, въ своей совокупности становятся всегда очень важными показаніями объ устройствѣ и порядкахъ стараго быта, становятся *фактами*. Они-то потому и составляютъ тѣ малозамѣтныя мелкія черты и черточки въ общей картинѣ, безъ коихъ невозможно исполнить, начертить какое бы ни было изображеніе-описаніе, ни въ живописномъ или другомъ какомъ обыкновенномъ рисункѣ, ни въ разсказѣ или въ повѣсти, а тѣмъ болѣе въ исторической повѣсти о старомъ бытѣ Матушки-Москвы. Никакой картины нельзя написать и правдиво описать, не собравши надобныхъ красокъ, различныхъ и многихъ, не претворивши ихъ въ однородныя послунныя для работы массы».

«Предлежащая книга собранныхъ матеріаловъ въ общемъ характерѣ, кромѣ свѣдѣній прямо историческихъ, топографическихъ, статистическихъ, представляетъ опытъ заготовленія такихъ красокъ, или всякаго рода мелкихъ и мелочныхъ свѣдѣній и свидѣтельствъ, которыя впоследствии займутъ свое мѣсто въ разнородныхъ Исторіяхъ и Описаніяхъ по различнымъ вопросамъ предложенной программы для историко-археологическаго и статистическаго описанія города Москвы, и которыхъ если будетъ собрано недостаточно, то и разработывать такія Исторіи и Описанія будетъ весьма затруднительно, а въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ невозможно».

Высказавъ эту мысль и систему приведенія ея въ исполненіе, г. Забѣлинъ однако неволью спрашиваетъ: „для чего все это нужно?“ «Оста-

внмъ мертвымъ хоронитъ мертвыхъ! — выражаются“ — прибавляетъ онъ съ горечью — „и такія мнѣнія“.

„Что за сорокъ лѣтъ дѣлалось, то и вчерась дѣлалось, нечего то и памятовать! такъ говаривали Москвичи первой половины XVII стол. знаменитому ключарю Успенскаго собора Ивану Насѣдкѣ, о которомъ есть свѣдѣнія и въ подлежащей книгѣ (стр. 23, 63 и др.) и который выслушивалъ такія рѣчи по случаю своихъ укоровъ и сокрушеній о томъ, что равнодушные не хранятъ важныхъ документовъ и бумагъ, неоцѣнимыхъ для исторіи отечества. Повторяемыя и теперь, въ наше просвѣщенное время, подобныя мнѣнія совсѣмъ забываютъ или вовсе не разумѣютъ, что въ историческомъ развитіи народа умершіе предки всегда живутъ въ своихъ живыхъ потомкахъ, почему для правильнаго пониманія и познанія жизни живущаго племени крайне потребно и необходимо изученіе жизни его умершихъ, а тѣмъ болѣе совсѣмъ вымершихъ предковъ, не только отцовъ и дѣдовъ, но и прадѣдовъ“.

„Въ этомъ заключается прикладное, то есть практически-полезное значеніе исторіи, какъ науки. Чтобы въ точности понять современнаго человѣка, узнать его добродѣтели и пороки, первыя узнать для ихъ утвержденія и распространенія, вторые для ихъ устраненія и искорененія, для этого необходимо именно въ подробности изучить умершій міръ.“

„Такъ, напр., хорошо извѣстные наши общественные порядки нижнихъ слоевъ населенія, нищенство (какъ промыслъ) и пьянство, пожалуй, могутъ быть приписаны особымъ весьма некрасивымъ природнымъ свойствамъ Русской народности. Между тѣмъ это не болѣе, какъ простые остатки, въ родѣ археологическихъ памятниковъ, нашей древней общественности, простые остатки ея обычаевъ и нравовъ, и живые корни этихъ пороковъ скрываются именно въ умершемъ мірѣ.“

„Предлагаемыя въ этой книгѣ матеріалы объясняютъ, что въ древней Москвѣ нищій всегда былъ не только жданнымъ, но въ извѣстное время и очень желаннымъ гостемъ въ каждомъ сколько нибудь зажиточномъ домѣ, а тѣмъ болѣе во время богомолья при дверяхъ церкви и на улицахъ при выходѣ изъ церкви. Повсюду въ самомъ городѣ онъ былъ если не почетнымъ, то весьма почтеннымъ горожаниномъ, присутствіемъ

котораго тогдашняа общественность во многих случаях очень дорожила и почитала невозможнымъ оставаться безъ этого желаннаго гостя.“

„Москва въ этомъ случаѣ вполне сохраняла и твердо держала только древне-русскій завѣтъ и отъ древнихъ временъ постоянное ученіе самой церкви о дѣлахъ милосердіа, въ числѣ которыхъ милостыня и особенно въ русскомъ быту представлялась важнѣйшимъ и наиболѣе душеполезнымъ дѣломъ. Нищему подать значило самому Христу подать. Таково и теперешнее убѣжденіе народа“.

„Такимъ образомъ, обѣ стороны, и подающій, и принимающій, крѣпко держались корней и строго исполняли завѣты древняго церковнаго поученія, и только развитіе городской жизни довело эту человѣколюбивую христіанскую заповѣдь до тѣхъ крайностей, съ которыми тотъ же городъ къ концу XVII ст. и особенно въ Петровское время началъ бороться всѣми мѣрами. Ниже мы приведемъ свидѣтельства, въ какой степени древняя Москва способствовала распространенію и укорененію нищенства, сдѣлавшагося затѣмъ тяжелымъ бременемъ для правильнаго устройства городского быта.“

„Корни нищенства, какъ общественнаго порока, лежатъ въ старыхъ русскихъ обычаяхъ, во многомъ уже совсѣмъ исчезнувшихъ, но оставившихъ и намъ свое наслѣдство, и потому успѣшная борьба съ этимъ порокомъ вполне зависитъ отъ выясненія, въ какихъ именно археологическихъ бытовыхъ глубинахъ должно отыскивать эти корни.“

„Тоже должно сказать и объ общественномъ порокѣ пьянства. Оно въ сущности не болѣе, какъ древній обычай, доставшійся намъ по наслѣдству отъ предковъ, и составляющій памятникъ древне-русскаго и особенно древне-Московского широкаго гостепріимства, „образъ дружескаго обхожденія и угощенія, и отнюдь не единственное напѣреніе пьянства,“ вообще памятникъ древняго русскаго завѣта о добрыхъ порядкахъ общежитія. Это общежитіе исчезло, исчезли веселые пиры и славные меды, исчезла вещественность, но духовное, то есть особня, именно старозавѣтныя понятія о дружескомъ обхожденіи, объ угощеніи, о пирѣ и весельи, сохранились, и хорошо угостить гостей и доселѣ значить напоить ихъ пьяными, какъ это дѣлывалъ и добрый и мудрый царь Алексѣй Михайловичъ, исполняя только завѣтный уставъ своего государева дворца. Въ этой книгѣ мы увидимъ,

что такимъ же старозавѣтнымъ гостепрѣимствомъ отличался и домъ святѣйшаго патріарха, поставлявшій праздничныя трапезы и чаши служителямъ церкви, особенно соборянамъ и особенно своимъ пѣвчимъ.“

„Вслѣдствіе такихъ завѣтовъ старинны, еще донныя живущихъ, и борьба съ современнымъ общественнымъ порокомъ пьянства должна начинаться съ искорененія или съ перестановки остающихся древнихъ понятій о празднованіи праздника съ ихъ слишкомъ вещественной почвы на почву болѣе возвышенную, или въ прямомъ смыслѣ духовную, для чего въ настоящее время существуетъ множество средствъ, о которыхъ въ древнее время и мудрецамъ не снилось.“

„Вообще не надо въ этомъ случаѣ ошибаться и думать, что мы совсѣмъ уже стали иные люди, чѣмъ были наши предки, и что новое наше образованіе, новые порядки и моды въ одеждѣ и въ мысляхъ, совсѣмъ отдѣлили насъ отъ добродушной, искренней, а потому во многомъ грубой и невѣжественной, а иногда на наши глаза и смѣшной древности. Нигдѣ, какъ въ Москвѣ, древне-русскіе завѣты жизни не обнаруживаютъ себя такъ явственно, хотя и въ иной, новой, вполне современной, какъ бы очень переработанной на иноземной ладъ одеждѣ.“

„Дабы возможно было добраться до бытовыхъ корней, изъ которыхъ неизбежно произрастаютъ очень многія и современныя намъ условія жизни, необходимо собрать и разработать не одинъ крупный по своему значенію, но и мелочной архивный матеріалъ, въ которомъ крупное всегда получаетъ и болѣе правильное освѣщеніе, ясность, и болѣе точную истину своего бытоваго или историческаго значенія.“

Познакомивъ читателей со взглядомъ и системой изданія матеріаловъ для другаго — будущаго изданія подъ рубрикою „Описанія Москвы“, мы познакомимъ его теперь въ краткихъ словахъ съ тѣмъ матеріаломъ, который помѣщенъ въ первой вышедшей нынѣ книгѣ, при чемъ естественно выяснится намъ и достоинство самаго выполненія начертанной себѣ авторомъ системы изданія.

Переходя къ содержанію этого матеріала, добросовѣстный редакторъ считаетъ себя обязаннымъ отдать въ самомъ началѣ должную честь В. И. и Г. И. Холмогоровымъ (изъ нихъ первый состоитъ начальникомъ отдѣленія въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи), которые уже давно

занимаются розысканіями по собранію матеріаловъ для составленія церковныхъ лѣтописей Московской старини (1), собирая въ тоже время свѣдѣнія и о Московскихъ церквахъ. Въ трудъ г. Забѣлина гг. Холмогоровы внесли свое собраніе свѣдѣній исключительно о Московскихъ церквахъ. „Ихъ общій трудъ, здѣсь напечатанный—говоритъ г. Забѣлинъ—въ началѣ ограничивался изысканіями только о церквахъ и о приходскомъ духовенствѣ и впослѣдствіи, по нашему предложенію и по нашимъ указаніямъ, дополненъ цѣлымъ отдѣломъ свѣдѣній подъ заглавіемъ: *Домъ свят. Патриарха*, гдѣ кромѣ достаточнаго количества свидѣтельствъ, относящихся и къ исторіи церквей, собраны свѣдѣнія вообще о бытовой сторонѣ патриаршаго дома, столько важной и знаменательной въ прежнее время для церковной и общественной жизни всего города.“

Знакомый до послѣднихъ мелочей съ этимъ крайне цѣннымъ матеріаломъ, г. Забѣлинъ воспользовался имъ съ такимъ умѣньемъ и опытностію, что не только расположилъ его по указаннымъ выше отдѣламъ, но и на основаніи его нарисовалъ въ своемъ предисловіи но истиннѣ художественною кистью цѣлую картину старинной русской жизни—духовной и свѣтской. Вотъ, на примѣръ, соборныя дѣйства—обряды: *Пещное, Дѣйство цѣтконосія* въ Вербную недѣлю, *Дѣйство умовенія ногъ*, устройство мироваренія. Вотъ данныя объ обычаяхъ *славленія* въ праздникъ Рождества Христова. Вотъ новыя подробности о существовавшихъ въ Заиконоспаскомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ школахъ, о школахъ книгъ Печатнаго Двора. Затѣмъ сообщаются свидѣтельства памятниковъ „о хоромномъ и дворовомъ строеніи патриаршаго дома“, о комнатномъ его садѣ, о хоромномъ нарядѣ (обояхъ и убранствѣ), кельѣ и ризной казны, о патриаршихъ расходахъ, его благословеніи иконами. Отдѣлъ „нищія и богадѣльни“ заключаетъ свѣдѣнія объ устройствѣ патриархомъ этой важной статьи городского быта, которое въ то время вполне зависѣло только отъ патриаршаго

(1) Свои труды гг. Холмогоровы печатали въ журналѣ «Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія» за 1880 г., откуда ихъ статья была издана потомъ отдѣльно подъ заглавіемъ: Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской Епархіи. Выпускъ 1-й: Русская десятина, М. 1881 г.; затѣмъ вышелъ выпускъ 2-й: Звенигородская десятина, М. 1882 г.

дома, потому что по древнему правилу нищие были люди церковные и питались только у церкви. Здѣсь г. Забѣлинъ сообщаетъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о московскихъ нищихъ, которые имѣли свои *артели* при церквахъ, пѣли Лазаря и иные стихи, имѣли свои кибитки (въ которыхъ лежали калѣки) и свои избышки, въ которыхъ жили, и продолжая за тѣмъ свой отчетъ о патриаршемъ бытѣ, знакомитъ насъ съ его домовнымъ и столовымъ обиходомъ, съ расходомъ въ его домѣ питей, съ конюшеннымъ его дворомъ, съ дворовымъ его чиномъ и тиунской его избой или тиунской палатой.

Другой большой отдѣлъ изданныхъ въ настоящей книгѣ матеріаловъ относится къ Государеву Двору, каковы, наприм., матеріалы о полотнахъ, выходившихъ въ Царскомъ Дворѣ съ 1583—1587 г., о царскихъ смотрахъ ратныхъ людей зимою 1663—1664 г. въ Семеновскомъ и на Дѣвичьемъ полѣ; описи настѣнныхъ изображеній (притчей) въ Золотой и въ Грановитой палатахъ, составленныя въ 1672 г., наконецъ описанія Кремлевскаго дворца въ 1713, 1722 и 1769 г. Последняя опись, замѣчаетъ г. Забѣлинъ, примѣчательна тѣмъ, что знакомитъ съ состояніемъ Кремлевскаго дворца во время собранія въ 1767 г. выборныхъ депутатовъ со всей Россіи въ „Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, засѣданія которой происходили въ Грановитой палатѣ“. Далѣе „изъ этихъ записокъ узнаемъ, что къ засѣданіямъ были устроены для помѣщенія депутатовъ особыя лавки или скамьи, обитыя краснымъ сукномъ, съ откосами, на подобіе наоя, длиною въ 525 аршин. (число засѣдавшихъ иногда бывало по 450 челов. и болѣе); для балотированія выточено 1000 шариковъ; устроено было и *секретное* мѣсто, по всему вѣроятію, для присутствованія самой императрицы, и проч.“

Въ заключеніе г. Забѣлинъ сообщаетъ, что подробный указатель къ изданнымъ въ разсмотрѣнной книгѣ матеріаламъ, главнымъ образомъ предметный, будетъ составленъ совокупно и ко второй части изданія, которая уже печатается и содержаніе которой тоже будетъ заключать въ себѣ по преимуществу матеріалы для исторіи Московскихъ церквей.

Оканчивая нашъ отчетъ о новомъ трудѣ почтеннаго Московскаго археолога, мы не можемъ не сознаться, что употребили во зло вниманіе читателей „Вѣстника“, но если они вынесутъ даже изъ одного бѣглаго про-

смотря сдѣланныхъ нами выписокъ убѣжденіе какъ важны съ одной стороны для исторіи разработки матеріаловъ о древней Россіи сообщаемыя г. Забѣлинымъ соображенія и данныя, а съ другой стороны какой неистощимый научный кладъ составитъ полное изданіе предпринятаго имъ „Описанія Москвы“, то не желаемъ ничего болѣе.

Н. Калачовъ.

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 1855—1880 г. С. Петербургъ, 1855 г., 8 д., VIII, 261.

Кто знакомъ съ ходомъ славянской филологіи въ Россіи и за границею, тотъ согласится со мною въ томъ, что эта наука до послѣдняго времени у насъ преимущественно вращалась въ области бібліографіи и археологіи, на западѣ же въ области грамматикки и критики. Нужды нѣтъ спрашивать, чтѣ лучше, потому что то и другое полезно и необходимо. Несомнѣнно однакожь то, что удобнѣе и легче описывать и изучать славянскія рукописи тамъ, гдѣ онѣ по близости находятся въ большомъ количествѣ. Въ началѣ нашего столѣтія Добровскій говорилъ, что славянскою палеографіею заниматься можно только въ Россіи. Онъ хотѣлъ этимъ высказать, какъ мало письменныхъ памятниковъ славянской старины сохранилось во всѣхъ прочихъ странахъ славянства въ сравненіи съ Россіею. Съ тѣхъ поръ, правда, приобрѣли кое-что и южные славяне: не только въ Вѣнѣ или Прагѣ, но и въ Бѣлградѣ, Загребѣ, Люблянѣ имѣются собранія славянскихъ рукописей, но эти средства въ сравненіи съ русскими довольно ничтожны, да они отчасти не приведены еще въ извѣстность. Поэтому нельзя конечно удивляться, что именно въ русской литературѣ, какъ предсказывалъ уже Добровскій, появилось недавно сочиненіе, посвященное систематическому обзорѣнню славяно-русской палеографіи, т. е. систематическому итогу всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ наблюденій письма древнеславянскихъ и древнерусскихъ памятниковъ, которыя дѣлались въ русской литературѣ въ теченіе столѣтія въ извѣстныхъ трудахъ Востокова, Калайдовича, Строева, Кеппена, Горскаго, Невоструева, Буслаева и другихъ, и тѣхъ изданій, въ которыхъ наглядно, посредствомъ механическаго воспроизведенія сним-

ковъ, представлялся ходъ древняго письма со столѣтія въ столѣтіе, — Погодина, Иванова, Сахарова, Саввы, Анфилохія и другихъ.

Опираясь на эту немаловажную дѣятельность предшественниковъ, главнымъ же образомъ на продолжительныя собственные занятія, покойный Измаиль Ивановичъ Срезневскій составилъ обширный трудъ по русской палеографіи, который послѣ его смерти остался въ рукописи и теперь изданъ неподписавшимися членами семьи. Сочиненіе это печаталось по частямъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, отдѣльною же книгою вышло на дняхъ подъ упомянутымъ выше заглавіемъ. „Издатели“ говорятъ объ этомъ трудѣ, что онъ „произведеніе многихъ лѣтъ, постоянно разроставшееся подъ вліяніемъ новыхъ изслѣдованій“. Они не считаютъ его окончательно пересмотрѣннымъ и обработаннымъ, полагаютъ даже, что онъ недокопченъ. „Можно думать, что Измаиль Ивановичъ имѣлъ въ виду продолжать этотъ трудъ: описаніе памятниковъ доведено въ немъ только до конца XIV вѣка, между тѣмъ и памятники XV вѣка постоянно входили въ кругъ его изслѣдованій и наблюденій, что доказываетъ между прочимъ и собранная имъ огромная коллекція палеографическихъ снимковъ, гдѣ памятники XV столѣтія также приведены въ полный систематическій порядокъ“.

Мы должны, конечно, прежде всего выразить искреннюю признательность „издателямъ“ за тщательное исполненіе предпринятой задачи. Этимъ они не только почтили память дорогого имъ покойника, но и славянскій науку подарили трудъ драгоценный и важный, именно изъ той части славянскихъ древностей, которая всегда привлекала къ себѣ особое вниманіе покойнаго Измаила Ивановича. Жалѣть можно только объ одномъ: почему они остановились на концѣ XIV вѣка, если и „памятники XV столѣтія также приведены въ полный систематическій порядокъ“? Что въ бумагахъ не нашлось подробнаго описанія памятниковъ XV вѣка, это еще не бѣда, для палеографіи это не имѣетъ большого значенія; намъ по крайней мѣрѣ это обстоятельство несколько не мѣшало бы воспользоваться тѣмъ, что для палеографіи самое главное, т. е. „приведенными въ полный систематическій порядокъ снимками.“ И такъ будемъ надѣяться, что та же нѣжная рука, которая съ умиленнымъ благоговѣніемъ приготовила для печати пер-

вую, изданную часть труда, въ скоромъ времени обрадуетъ насъ и продолженіемъ его.

Что палеографическое обозрѣніе древнерусскихъ памятниковъ въ настоящемъ изданіи прекращается на концѣ XIV столѣтія, а это не считаю простою случайностью. Въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ извѣстно, составленъ также историко-библіографическій обзоръ „древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка“, изданный вторымъ изданіемъ подъ редакцію А. Ѳ. Вычкова (въ 1882 году). Измаилъ Ивановичъ, собирая свѣдѣнія о памятникахъ XI по XIV вѣкѣ, дѣлалъ повидимому извлеченія не только по содержанию, но и по характеру письма, онъ изучалъ эти памятники не только для исторіи литературы, но и для палеографіи. Между обоими сочиненіями существуетъ внутренняя связь, вызывающая на сравненіе. Оказывается, что несмотря на нѣкоторую общность содержанія, въ нихъ нѣтъ лишняго повторенія. Авторъ, какъ можно было предвидѣть, не упустилъ изъ виду, что каждое изъ этихъ двухъ сочиненій преслѣдуетъ свою особую цѣль. Гдѣ дѣло касалось палеографическаго изученія памятниковъ, онъ поступилъ очень осторожно, ограничившись пока, для пріобрѣтенія прочнаго основанія, памятниками съ опредѣленными годами; на нихъ построена эта славянорусская палеографія, но при этомъ излагается содержаніе многихъ изъ нихъ съ большою подробностью, гораздо подробнѣе даже, чѣмъ въ „древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка“. Такимъ образомъ это изданіе является даже въ историко-библіографическомъ отношеніи хорошимъ дополненіемъ нѣкоторыхъ частей „древнихъ памятниковъ“. Воздержность автора въ употребленіи только тѣхъ памятниковъ для палеографіи, которые обозначены годами, достойна большой похвалы. Этимъ способомъ мы въ состояніи мало по малу дойти до желаемой точности, замѣнить простой навыкъ опытнаго глаза въ опредѣленіи времени точными признаками палеографическими. Пока ихъ подобрано очень немного, даже въ почтенномъ трудѣ покойнаго Измаила Ивановича гораздо меньше, чѣмъ бы мы ожидали. Въ томъ-то и заключается главный недостатокъ славянорусской палеографіи. Палеографическіе приемы въ ней мало разработаны. Это сочиненіе въ высокой степени драгоценно, но въ немъ нѣче ожиданія преобладаютъ элементы бібліографическіе и грамматическіе надъ строго палеографическими.

У автора сложился такой исключительный и односторонній взглядъ

на палеографію, что онъ считалъ главною своею обязанностию вынуть изъ разбираемаго памятника образецъ письма въ видѣ алфавитнаго перечня буквъ; иногда этимъ дѣло и кончено. Все же остальное предоставляется замѣткамъ библиографическимъ и грамматическимъ. Я конечно не отрицаю большой важности послѣднихъ; въ особенности, если рѣчь идетъ о хронологическомъ опредѣленіи памятниковъ безъ годовъ, необходимо къ палеографическимъ примѣтамъ присоединить еще доказательства, почерпаемыя изъ характера содержанія и языка. Но въ палеографіи, гдѣ дѣло идетъ о первомъ систематическомъ изложеніи ея, такъ сказать объ образцѣ для всѣхъ будущихъ изслѣдованій подобнаго рода, главная роль должна все-таки принадлежать не постороннимъ, изъ содержанія или изъ грамматическихъ особенностей заимствуемымъ средствамъ объясненія, а настоящимъ даннымъ палеографическимъ.

Гдѣ же ихъ искать? Вотъ вопросъ, на который И. И. Срезневскій отвѣтилъ по своему, цѣлымъ своимъ сочиненіемъ; и же позволю себѣ сказать, что мы теперь уже не можемъ довольствоваться предложенными имъ палеографическими приѣмами, они не исчерпываютъ предмета. Это только начало дѣла, правда очень почтенное начало, о которомъ говорится: *dimidium facti qui coepit habet*, но мы не должны на немъ остановиться.

Скажу прежде всего, что я вообще считаю трудно исполнимою задачею вынуть изъ какой либо рукописи алфавитъ ея такимъ образомъ, чтобы онъ могъ дать понятіе о палеографическомъ характерѣ памятника. Измаиль Ивановичъ сознавалъ и самъ неудовлетворительность этого приѣма, онъ старался лучше обставить его тѣмъ, что приводилъ для иныхъ буквъ рядомъ по нѣсколько образцовъ. Но и эти прибавки безъ оговорокъ, безъ точныхъ указаній, гдѣ и когда пишется то, гдѣ и когда другое начертаніе буквы, помогаютъ очень мало. Внимательное палеографическое изученіе памятниковъ доказываетъ, что различныя начертанія одной буквы въ томъ же памятникѣ почти всегда стоятъ въ зависимости отъ особыхъ условій; не указать ихъ, а нарисовать только всѣ различныя почерки—это еще не значитъ объяснить, въ чемъ дѣло. Алфавитные образчики представляютъ кромѣ того еще одно существенное неудобство: они не обнаруживаютъ нѣкоторыхъ въ палеографическомъ отношеніи важныхъ обстоятельствъ, такъ напр. не выясняютъ взаимнаго разстоянія буквъ, одной отъ другой, въ

строкъ, не даютъ понятія о соразмѣрности между величиною буквъ и страницы или столбца, устраниаютъ знаки препинанія и знаки подстрочные, исключаютъ изъ разсужденія столь важныя приемы сокращенія словъ.

Консерватизмъ, чтобы не сказать неподвижность, славянорусской графики до конца XIV вѣка, т. е. до поры появленія бумажныхъ рукописей, до возобновленія южнославянскаго вліянія — замѣчательнъ; почеркъ буквъ, взятыхъ отдѣльно, измѣняется очень не много, онъ, правда, мало по малу грубѣетъ, правильность очертаній незамѣтно уступаетъ произвольнымъ неточностямъ. Но если опытный палеографъ въ состояніи сразу отличить почеркъ рукописи XIII — XIV вѣка отъ почерка, хотя бы очень некрасиваго, XI — XII вѣка, надо однако сказать правду: сущность признаковъ, которыми руководится его глазъ, не состоитъ главнымъ образомъ въ начертаніяхъ отдѣльныхъ буквъ — хотя въ иныхъ изъ нихъ разница выступаетъ довольно рѣзко — она скорѣе слагается изъ множества мелочей, уловимыхъ только при очень внимательномъ изученіи и наблюденіи памятника, не трогая размѣщенія буквъ его по строкамъ, съ полною обстановкою сокращеній, знаковъ надстрочныхъ, знаковъ препинанія и т. д. Выньте буквы изъ этого положенія, и вы легко потеряете большую часть средствъ для палеографическаго опредѣленія памятника. Доказательство на лицо. Измаиль Ивановичъ представилъ въ своей палеографіи замѣчательное количество алфавитовъ, обыкновенно, правда, неполныхъ: изъ памятниковъ XI вѣка вы найдете пять алфавитныхъ образцовъ, изъ XII вѣка девять, изъ XIII вѣка двадцать пять, изъ XIV вѣка больше тридцати. Какъ бы ни внимательно вы всматривались въ эти образцы, вы все-таки не будете въ состояніи составить себѣ опредѣленное понятіе о ходѣ славянорусской графики съ XI по XIV вѣкъ, не сумѣете сказать, въ чемъ собственно суть палеографическихъ признаковъ XI, XII, XIII вѣковъ! Измаиль Ивановичъ постарался облегчить намъ трудъ сравнительнаго изученія, къ памятникамъ XI и XII вѣковъ онъ прибавилъ въ концѣ маленькіе „своды данныхъ“ (на стр. 124. 159) — для XIII и XIV вѣка къ сожалѣнію такихъ „сводовъ“ нѣтъ. Мы готовы съ признательностью воспользоваться и этимъ пособіемъ, но къ сожалѣнію вскорѣ должны будемъ убѣдиться, что и это средство недостаточно.

Виновать въ этомъ конечно не авторъ „славяно-русской палеогра-

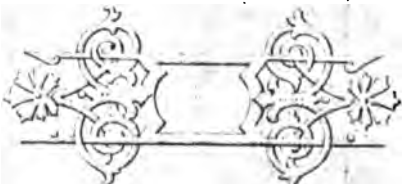
фіи", а природа предмета и неудовлетворительность пригнанных здѣсь приѣмовъ палеографическаго изслѣдованія. Одними алфавитами, хотя бы полными и даже съ множествомъ дублетовъ, ничего не подѣлаешь; они служатъ хорошии украшеніемъ изданія—своего рода иллюстраціею палеографіи — но палеографическихъ изслѣдованій не двигаютъ впередъ, если не прибавитъ къ нимъ очень обстоятельныхъ поясненій. И такъ суть дѣла не въ алфавитныхъ образцахъ, а въ точныхъ указаніяхъ, какъ буквы этихъ образцовъ употребляются, гдѣ одно начертаніе ихъ можетъ быть замѣнено другимъ, въ какихъ словахъ или въ какихъ положеніяхъ въ строкѣ? гдѣ и какіе знаки стоятъ и на какихъ буквахъ? какія слова сокращаются и въ какомъ видѣ? какія буквы поднимаются надъ обыкновенный уровень строки и въ какихъ случаяхъ это бываетъ (напр. не въ концѣ ли строки)? Важную роль играютъ также заглавныя буквы и помимо тѣхъ, въ которыхъ видѣется особый орнаментъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ извѣстно, киновари еще совсѣмъ нѣтъ, а есть иногда краски: и объ этомъ конечно должна быть рѣчь въ палеографіи. Изъ многихъ замѣчаній покойнаго Измаила Ивановича, разсѣянныхъ по различнымъ изслѣдованіямъ его, легко составить себѣ убѣжденіе, что онъ обращалъ должное вниманіе на всѣ эти моменты. Вѣроятно и бывшіе его слушатели могли бы это подтвердить. Въ настоящемъ сочиненіи однакожь всѣ эти важные вопросы оставлены въ сторонѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Поражаетъ также отсутствіе всякихъ указаній на зависимость русской графики отъ южнославянской, послѣдней же отъ современной греческой. Только не разрывая этой естественной связи, можно уяснить себѣ характеръ древнерусской графики. Измаилъ Ивановичъ видѣлъ и зналъ это отлично. Извѣстная его статья „Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма“ (въ XV томѣ Сборника) свидѣтельствуетъ о его занятіяхъ и по этому вопросу. Но это были только греческія надписи. Не осталось слѣдовъ его занятій греческими рукописями VIII — X вѣка, унциальнаго и минускульнаго письма, въ которыхъ кроются источники славянской письменности и первообразы почти всѣхъ палеографическихъ приѣмовъ нашей древнѣйшей письменности.

Профессоръ И. В. Ягичъ.

ЦѢНА ЧЕТЫРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ
СЪ АЛЬБОМОМЪ РИСУНКОВЪ И
ПЕРЕСЫЛКОЮ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Редакція „ВѢСТНИКА“ на Вас. остр., по 12
линіи, д. № 19, въ бібліотекѣ Археологическаго
Института.

Печатано въ Типо-Литографіи Я. С. РАШКОВА, Петерб. стор.
Большой пр. д. № 45.